

№ 4(19)

Декабрь 2016

DOI: [10.19181/vis.2016.19.4](https://doi.org/10.19181/vis.2016.19.4)

ВЕСТНИК *Института* СОЦИОЛОГИИ

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik.isras.ru

Тема номера:

**Социология образования:
современные реалии**

/ Большинство молодёжи
ориентируется на учёбу в вузе

/ В социальной сфере
обострились прежние
и возникли новые угрозы

/ Генерирование обществом
внутриполитических потерь
власти

Состав международного редакционного совета

Председатель:

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного института международных отношений (МГИМО-Университета) МИД РФ, главный научный сотрудник Института социологии РАН;

ГАВРИЛЮК Вера Владимировна – доктор социологических наук, профессор кафедры «Маркетинг и муниципальное управление» Института менеджмента и бизнеса Опорного Тюменского индустриального университета;

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии РАН;

КИВИНЕН Марку – доктор философии, директор Александровского института Хельсинкского университета (Финляндия);

КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель отдела социологии образования Центра социологии образования, науки и культуры Института социологии РАН;

КОСЕЛА Кшиштоф – профессор Института социологии Варшавского университета (Польша);

КРАСИН Юрий Андреевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель отдела анализа социально-политических процессов Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН;

КРУММ Райнхардт – доктор философии, профессор Регенсбургского университета (Германия);

ЛАПИН Николай Иванович – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН;

МИНЗАРИПОВ Ряз Гатауллович – доктор социологических наук, профессор, Первый проректор и заведующий кафедрой социологии Казанского (Приволжского) Федерального университета, Почётный работник высшего профессионального образования РФ;

МИТРОВИЧ Любиша – профессор, директор Института социологии Университета г. Ниш (Сербия)

МОРГАН Джон Уильям – доктор философии, профессор Ноттингемского университета (Великобритания);

НЕМИРОВСКИЙ Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, заведующий отделением социологии и общественных связей Института психологии, педагогики и социологии Сибирского федерального университета;

ПАН Давэй – доктор социологических наук, профессор, директор Центра по изучению России Шанхайской академии общественных наук (Китай);

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии департамента социологии факультета социальных наук НИУ-ВШЭ, Ординарный профессор НИУ-ВШЭ;

ЛИ Пэй Лин – академик КАОН, профессор, вице-президент Китайской академии общественных наук (Китай);

САРАЛИЕВА Зарэтхан Хаджимурзаевна – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского;

СКВОРЦОВ Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, проректор по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета, декан факультета социологии СПбГУ;

ТАМАШ Пал – профессор, академик Венгерской академии инженерных наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Венгерской академии наук (Венгрия));

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна – доктор социологических наук, профессор-исследователь факультета экономических наук НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН;

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, декан факультета социологии Российского государственного гуманитарного университета, заведующий кафедрой теории и истории социологии факультета социологии РГГУ, главный редактор научного журнала «Социологические исследования»;

ЧУЛУУНБААТАР Гэлэгпил – академик Академии наук Монголии, профессор, директор Монгольской Академии управления (Монголия).

International Advisory Board

Head of the Board:

KRAVCHENKO Sergei A., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Head of the Department of Sociology of MGIMO-University of the Russian Foreign Ministry, Chief Researcher of the Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (Russia);

CHULUUNBAATAR Gelegpil, academician of the Academy of Sciences of the MPR, Professor, Director of the Academy of Management MPR (Mongolia);

DROBIZHEVA Leocadia M., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of the Center for the Study of Inter-Ethnic Relations, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (Russia);

GAVRILYUK Vera V., Dr. Sci. (Sociology), Professor, Director of the Institute of Humanitarian Sciences, Tyumen State Oil and Gas University (Russia);

KIVINEN Markku, professor of sociology, Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Finland);

KONSTANTINOVSKY David L., Dr. Sci., (Sociol.), Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Sociology of Education, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (Russia);

KOŚEŁA Krzysztof, the Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, University of Warsaw (Poland);

KRASIN Yuri A., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Chief Researcher of the Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences (Russia);

KRUMM Reinhard, Dr. Sci. (Hist.) Professor (Germany);

LAPIN Nikolai I., Corresponding member of Russian Academy of Sciences, Head of the Center for the Study of Social and Cultural changes, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Russia);

MINZARIPOV Riyaz G., Dr. Sci. (Sociology), Professor, Prorector of the Kazan Federal University (Russia);

MITROVIĆ Ljubilja, Professor, Director of the Institute of Sociology of University of the city of Nish (Serbia);

MORGAN John, Ph.D., Professor, Chairman of the National Commission for UNESCO, the United Kingdom, Head of the Political Economy of Education University of Nottingham (UK);

NEMIROVSKIY Valentin G., Dr. Sci. (Sociology), Head of the Department of Sociology and Public Relations of the Institute of Psychology, Pedagogic and Sociology of the Siberian Federal University (Russia);

LI Peilin, Professor, Full Academician, Vice-President of the Chinese Academy of Social Sciences (China);

PAN Dawei, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Director of Centre for Russian studies of Shanghai Academy of Social Sciences (China);

POKROVSKY Nikita E., Professor, Tenured Professor of High School of Economy, Head of the Department of General Sociology of the Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics (Russia);

SARALIEVA Zaretkhan M., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Honored Scientist of Russian Federation, Head of the Department of Sociology and social work, Nizhni Novgorod State University (Russia);

SKVORTSOV Nikolay G., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Dean of the Faculty of Sociology, St. Petersburg State University (Russia);

TAMASH Pal, Professor, Senior Researcher, Institute of Sociology, Hungarian Academy of Sciences (Hungary);

TIKHONOVA Natalia Ye., Ph.D. (Soc.), Professor, a Research Professor at the National Research University Higher School of Economics, Chief Researcher of the Institute of Sociology Russian Academy of Sciences (Russia);

TOSCHENKO Zhan T. Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dean of the Department of Sociology of the Russian State University for the Humanities, Editor in chief of the Scientific Journal «Sociological Researches» (Russia).

Состав Редколлегии

Главный редактор:

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор ИС РАН;

Заместители главного редактора:

ГОЛЕНКОВА Зинаида Тихоновна – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии РАН;

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора Института социологии РАН, заведующая Центром лонгитюдных обследований Института социальной политики НИУ-ВШЭ;

ХАЛИЙ Ирина Альбертовна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора изучения социокультурного развития регионов России Центра социологии образования, науки и культуры Института социологии РАН.

Ответственный секретарь:

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, научный сотрудник Центра социологии образования, науки и культуры Института социологии РАН.

Редактор:

АМЕЛЬКИНА Ольга Александровна – старший редактор Редакционно-издательского отдела Института социологии РАН.

Члены:

АКИМКИН Е. М. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра социологии управления Института социологии РАН;

БЫЗОВ Л. Г. – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН;

ГОФМАН А. Б. – доктор социологических наук, профессор кафедры общей социологии департамента социологии факультета социальных наук НИУ-ВШЭ, Ординарный профессор НИУ-ВШЭ, главный научный сотрудник Центра теоретических и историко-социологических исследований Института социологии РАН;

ДАНИЛОВА Е. Н. – кандидат социологических наук, руководитель Центра теоретических и историко-социологических исследований Института социологии РАН, вице-президент Европейской социологической ассоциации (ESA);

ДЕНИСОВСКИЙ Г. М. – кандидат философских наук, заведующий сектором методологии исследования социальных процессов Центра методологии социологических исследований Института социологии РАН;

ЖВИТИАШВИЛИ А. Ш. – ведущий научный сотрудник Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии РАН;

ЗУБОК Ю. А. – доктор социологических наук; профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований РАН;

КЛЮЧАРЕВ Г. А. – доктор философских наук, профессор, руководитель Центра социологии образования, культуры и науки Института социологии РАН;

МАРКИН В. В. – доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра региональной социологии и конфликтологии Института социологии РАН;

ПАТРУШЕВ С. В. – кандидат исторических наук, заведующий отделом сравнительных политических исследований Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН;

РЫЖОВА С. В. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования межнациональных отношений Института социологии РАН;

ЯХИМОВИЧ З. П. – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН.

Editorial Board**Editor in Chief:**

GORSHKOV Mikhail K., Academician of the Russian Academy of Sciences (Russia);

Deputy Chief Editors:

GOLENKOVA Zinaida T., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Head of the Center for the Studies of Social Structure and Stratification, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (Russia);

KOZYREVA Polina M., Dr. Sci. (Sociol.), First deputy director of the Institute of Sociology Russian Academy of Sciences, Head of the Center of Longitudinal Studies at the Institute of Social Policy, National Research University Higher School of Economics (Russia);

KHALIY Irina A., Dr. Sci., (Sociol.), Head of the sector for the study of socio-cultural development of Russian regions of the Institute of Sociology Russian Academy of Sciences (Russia).

Executive secretary:

PODYACHEV Kirill V., Cand. Sci. (Polit.), Scientific researcher of the Institute of Sociology Russian Academy of Sciences (Russia).

Editor:

AMEL'KINA Olga A., editor, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (Russia).

Members of the Board:

AKIMKIN Yevgeniy M., Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

BYZOV Leontiy G., Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

DANILOVA Elena N., Cand. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Theoretical Analysis of Social Transformations of the Institute of Sociology, RAS;

DENISOVSKIY Gennadiy M., Cand. Sci. (Philos.), Head of the Sector of Methodology of Social Processes Rresearch;

GOFMAN Alexander B., Dr. Sci., (Sociol.), Professor of Department of General Sociology of the National Research University Higher School of Economics, Senior Researcher of the Institute of Sociology, RAS;

KLIUCHAREV Grigory A., Dr. Sci., (Philos.), Head of the Center of Sociology of Education, Science and Culture of the Institute of Sociology, RAS;

MARKIN Valeriy V., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Head of the Department of Regional Sociology and Conflictology of the Institute of Sociology, RAS;

PATRUSHEV Sergei V., Cand. Sci (Hist.), Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology, RAS;

RYZHOVA Svetlana.V., Cand. Sci. (Sociol.), Leading researcher of the Institute of Sociology of RAS;

YAKHIMOVICH Zinaida P., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Senior Researches of the Institute of Sociology of RAS.

ZHVITIASHVILI Anatoliy Sh.; Cand. Sci (Hist.), Leading researcher if the Institute of Sociology of RAS;

ZUBOK Julia A., Dr. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Sociology of Youth, Institute of Social and Political Studies of RAS (Russia).

Содержание

<i>Халий И. А.</i> Представляю номер	9
Тема номера: «Социология образования: современные реалии»	13
<i>Константиновский Д. Л.</i> Формирование ориентаций молодёжи в сфере образования	13
<i>Чередниченко Г. А.</i> Выпускники сельской школы: образовательные стратегии	28
<i>Гаспаришвили А. Т.</i> Ссузы глазами выпускников: работа vs продолжение образования	53
<i>Ключарев Г. А., Шереги Ф. Э., Чурсина А. В.</i> Об эффективности непрерывного образования в наукоёмких производствах	75
Социальное самочувствие	94
<i>Козырева П. М., Смирнов А. И.</i> Социальная безопасность среднедоходных групп в России	94
<i>Бутуева З. А.</i> Социальное самочувствие людей старшего возраста в Республике Бурятия: региональный аспект	121
Мировосприятие современных россиян.....	136
<i>Киселёв И. Ю., Смирнова А. Г.</i> Особенности восприятия населением результатов внешней политики.....	136
<i>Латова Н. В.</i> Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеда)	155

Contents

<i>Khaliy I. A.</i> Presenting This Issue	9
The Theme of the Issue: Sociology of Education: Modern Trends	13
<i>Konstantinovskiy D. L.</i> The Formation of Youths’ Attitudes in the Educational Field	13
<i>Cherednichenko G. A.</i> Village School Graduates: Educational Strategies	28
<i>Gasparishvili A. T.</i> Secondary Professional Training Facilities in the Eyes of Graduates: Working Versus Further Education	53
<i>Kliucharev G. A., Sheregi F. E., Chursina A. V.</i> On the Effectiveness of Continuous Education in High-Tech Industrial Enterprises	75
Social Well-Being	94
<i>Kozyreva P. M., Smirnov A. I.</i> Social Security for Groups of Russians with Average Income	94
<i>Butueva Z. A.</i> Social Well-Being of Elderly People in the Republic of Buriatiya: Regional Aspect	121
Worldview of Modern Russians.....	136
<i>Kiseliov I. Yu., Smirnova A. G.</i> The Population’s Perception of Foreign Policy Results – the Peculiarities	136
<i>Latova N. V.</i> Russians’ Cultural Specificity (An Ethnometrical Analysis Based on Geert Hofstede’s Concept)	155

И. А. Халий,
заместитель главного редактора журнала
«Вестник Института социологии»

Представляю номер

Последние несколько лет страна живёт в условиях экономического кризиса, не последними причинами которого были обвал цен на нефть и западные санкции. В свою очередь такие причины вызывают острую необходимость для решения экономических проблем опираться на активное использование собственного человеческого капитала, призванного в ближайшем будущем найти эффективные способы технологического прорыва (и для промышленности, и для аграрного сектора, и для финансовой сферы) и определить пути инновационного развития. В этой связи актуализируется значимость развития системы образования, повышения его качества, мобилизация граждан увеличивать свой образовательный уровень. Отсюда темой номера стало – [«Социология образования: современные реалии»](#).

Рубрику открывает статья [«Формирование ориентаций молодёжи в сфере образования» Д. Л. Константиновского](#) (Москва), в которой рассматриваются факторы, оказывающие решающее влияние на формирование намерений молодёжи в отношении образовательной и профессиональной карьеры. Отмечено возрастающее значение образования для развития страны и отношения к нему в настоящее время. Особое внимание уделено анализу динамики престижа образования в нашей стране, особенностей его изменений вследствие различных воздействий, связанных с экономическими, политическими и другими переменами. На материалах социологических исследований показаны устремления разных групп современной молодёжи в сфере образования.

Новые условия социально-экономического развития, а также особенности сегодняшней и будущей демографической ситуации заставляют по-иному, чем в предыдущих научных трудах, подойти к рассмотрению образовательного потенциала и образовательных стратегий молодого поколения селян. На данных государственной статистики и материалах социологических исследований [Г. А. Чередниченко](#) (Москва) в статье [«Выпускники сельской школы: образовательные стратегии»](#) рассматривает

образовательные стратегии сельской молодёжи. Анализ ведётся в сравнительном плане – процессы и явления, характеризующие сельскую и городскую молодёжь. Статистические данные анализируются в динамике 1990–2010-х годов, которая показывает, что сельская молодёжь оказывается гораздо более, чем прежде, консолидированной в своём стремлении к продолжению образования в высшей школе.

Сегодня перед нашей страной особенно остро стоит задача достижения успешного функционирования промышленности и развития передовых технологий. Этой теме посвящены две последующие статьи.

Важной составляющей решения этой задачи является подготовка квалифицированных кадров среднего звена. В статье [«Ссузы глазами выпускников: работа vs продолжение образования»](#) автор [А. Т. Гаспаршвили](#) (Москва) анализирует учреждения по подготовке специалистов среднего звена – прежде всего, связи между социально-демографическими характеристиками выпускников ссузов и их мнениями, представлениями об избранных специальностях, мотивами выбора профессии и своего будущего жизненного пути. Статья подготовлена на основе материалов социологического исследования проблем профессиональных ориентаций и планов выпускников российских ссузов.

Непрерывное образование в виде подготовки кадров, повышения квалификации, обучения на рабочем месте, информирования и консультирования, самообразования, создания креативных сред для инновационного творчества и некоторых других видов учебной деятельности является основным способом производства человеческого капитала в условиях появления и развития наукоёмкой деятельности. В статье [«Об эффективности непрерывного образования в наукоёмких производствах»](#) коллектива авторов – [Г. А. Ключарев](#), [Ф. Э. Шереги](#), [А. В. Чурсина](#) (Москва) утверждается, что понятие «непрерывное образование» следует рассматривать с разных точек зрения, таких как юридическая, экономическая. Рассматривается взаимосвязь образования и профессиональной деятельности. Отмечается, что образовательное поведение сотрудников является одним из факторов развития производства.

Наше обращение к рубрике [«Социальное самочувствие»](#) объясняется также нарастанием и обострением трудностей, с которыми сталкивается российская экономика. Речь идёт прежде всего о существенном сокращении трудоспособного населения, невысоком качестве рабочей силы, отсутствии развитого высокотехнологичного и высокопроизводительного производства в стране, препятствующего созданию высокооплачиваемых рабочих мест. В такой ситуации исследование социального самочувствия представителей различных социально-демографических групп является одним из важнейших аспектов социологического анализа тенденций развития общества.

В условиях динамичного и противоречивого развития общества, сопровождающегося ростом разновидностей и масштабов опасностей и угроз, принципиальное значение приобретает повышение внимания к проблемам социальной безопасности, острота которых достигает критических отметок в периоды кризисных потрясений общества. Именно такая ситуация сложилась в России в последние годы. В статье [П. М. Козыревой и А. И. Смирнова \(Москва\) «Социальная безопасность среднедоходных групп в России»](#) анализируются проблемы социальной безопасности россиян со средним уровнем доходов и их способность противостоять угрозам и опасностям кризисного общества. Анализ опирается на данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» — лонгитюдного обследования домохозяйств. Исследование выявило, что ухудшение материального положения россиян после вступления страны в полосу экономических кризисов привело к значительному сужению высокодоходных слоёв и расширению групп со средним уровнем доходов. При этом во всех группах, независимо от уровня материальной обеспеченности, наблюдалось существенное рассогласование объективного и субъективного материальных статусов респондентов.

Новые сочетания глобального, национального и регионального, общественно-группового и личностного оказывают противоречивое влияние на социальное самочувствие старшего поколения. В этой связи [З. А. Бутуева \(Ула-Удэ\)](#) в своей статье [«Социальное самочувствие людей старшего возраста в Республике Бурятия: региональный аспект»](#) рассматривает основные подходы и факторы социального самочувствия людей старшего возраста в региональном аспекте. Автор делает вывод, что социальное самочувствие как эмоционально-ценностная форма сознания проявляется в результате субъективного переживания людьми своего конкретного состояния и изменяется под воздействием внутренней структуры личности и окружающей социальной среды. Анализируется структура воздействующих на социальное самочувствие факторов, которая включает субъективные и объективные компоненты.

Успешность процессов модернизации российского общества связана не только с готовностью элиты проводить решительные реформы, но и с готовностью населения поддерживать эти инициативы. Анализу состояния общественного сознания россиян сегодня посвящены статьи в рубрике [«Мировосприятие современных россиян»](#).

Фиксируемый на современном этапе рост интереса к проблемам внешней политики важен, поскольку отражает факт актуализации внешнеполитического сознания россиян и, следовательно, готовность осмысливать события на международной арене с точки зрения сложившихся представлений

о целях, которые должны быть достигнуты во взаимоотношениях с другими государствами, принципах внешнеполитической деятельности. Кроме того, растущий интерес к внешней политике становится основанием для оценки деятельности политических лидеров. В связи с этим важно установить, какой внешнеполитический курс способен обеспечить лидеру внутривнутриполитическую поддержку, а какой – лишить её.

В статье [И. Ю. Киселева](#) и [А. Г. Смирновой](#) (Ярославль) [«Особенности восприятия населением результатов внешней политики»](#) представлены результаты эмпирического исследования, направленного на изучение последствий, с которыми может столкнуться лидер, если проводимая им внешняя политика не получит поддержки граждан. Феномен внутривнутриполитических потерь в научной литературе рассматривается преимущественно в контексте взаимодействия государств в условиях эскалации напряжённости и обмена угрозами. Авторы исходят из предположения, что генерирование внутривнутриполитических потерь предполагает, во-первых, восприятие последствий внешней политики, приведшей к неудачам в реализации важных национальных интересов: обеспечение национальной безопасности, экономического благополучия, поддержание идентичности и оказание влияния на международной арене. Во-вторых, данный процесс связан с существованием установки на совершение действий, которые приведут лидера к утрате власти вследствие потери голосов на выборах, вынужденной отставке, акциям протеста.

Внедрение инновационных институтов вряд ли будет эффективным, если они не станут соответствовать культурным нормам большинства россиян. Очевидно, что ценностный консенсус в рамках отдельно взятой страны способствует стабильности в обществе, создавая благоприятную почву для солидарности и бесконфликтного решения возникающих в нём проблем. Выявлению этих культурных норм посвящена статья [Н. В. Латовой](#) (Москва) [«Культурная специфика россиян \(этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеда\)»](#). Автор на основе результатов всероссийского исследования, проведённого в марте–апреле 2010 г., показывает, что для России типичны западные показатели «индивидуализма» и «дистанции власти», которые определяют поляризацию стран мира на Восток и Запад. При этом у России наблюдается очень высокое «избегание неопределённости», не характерное даже для большинства восточных стран, и пониженный показатель «маскулинности», который также выводит нашу страну на особые позиции по отношению не только к странам Запада, но и к большинству стран Востока. Подчёркивается, что гетерогенные характеристики «маскулинности» и «избегания неопределённости» должны, видимо, нивелироваться по мере стабилизации ситуации в России.

Т е м а н о м е р а Социология образования: современные реалии

Формирование ориентаций молодёжи в сфере образования

Константиновский Давид Львович – доктор социологических наук, заведующий отделом социологии образования, Институт социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: scan21@mail.ru

Формирование ориентаций молодёжи в сфере образования

DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.427

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, оказывающие решающее влияние на формирование намерений молодёжи в отношении образовательной и профессиональной карьеры. Особое внимание уделено анализу динамики престижа образования в нашей стране, особенностей его изменений вследствие различных воздействий, связанных с экономическими, политическими и другими переменами. Отмечено возрастающее значение образования для развития страны и отношения к нему в настоящее время. На материалах социологических исследований показаны устремления разных групп современной молодёжи в сфере образования. Продемонстрированы также мотивы получения профессии и образования, которыми старшеклассники школ объясняют свой выбор дальнейшего пути. С привлечением статистических данных показана взаимосвязь изменений на рынке труда, ориентаций молодёжи (семей) и развития сферы образования в разные периоды развития нашей страны. Проиллюстрирована роль рынка труда как в формировании ориентаций и социального поведения молодёжи, так и (опосредованно) в развитии сферы образования. Сигналы, поступающие с рынка труда, воздействуют на ориентации молодёжи и планы родителей в отношении образования детей; семья передает запрос сфере образования, а та отвечает, формируя более или менее адекватное предложение. Также показано, как образовательные планы молодёжи зависят от перемен в сфере образования. Молодёжь, определяясь с планами на будущее, принимает во внимание, в частности, конкурсную ситуацию в образовании (прежде всего, соотношение приёма в вузы и выпуска из школ) и оценивает собственные возможности. В статье обосновывается утверждение о том, что стремление молодёжи к образованию – один из важнейших ресурсов, которыми может обладать страна, один из первостепенных движителей развития. Профессиональные ориентации молодёжи приобретают всё большее значение в связи с переменами, которые происходят в мире. Обязанность общества – изучать и совершенствовать стремление молодёжи к образованию.

Ключевые слова: молодёжь, образование, ориентации, образовательная и профессиональная карьера, престиж образования

Как и коллегам, мне уже доводилось писать о том, что наша страна обладает ресурсом не менее, а более важным, чем нефть и газ. Этот ресурс – устремлённость молодёжи к получению образования. В годы «жирных коров», наверное, многим казалось, что такое стоит «завернуть» лишь для красного словца. Сегодня есть надежда, что это не покажется преувеличением. В мире, где цена природных ресурсов падает, а значимость человеческого потенциала, то есть, по существу, носителей знания, квалификаций, неудержимо растёт, – есть вероятность переосмысления прежних ориентиров.

Можно ли увеличить в нужный момент число специалистов и уровень их квалификации каким-либо решением, постановлением, проявлением некоей воли? До сих пор приходится встречать мнение, что достаточно определить цель и выделить средства – далее поведение людей примет нужное направление, и задача будет решена. Между тем, многочисленные примеры показывают: если у тех, на кого возлагается достижение цели, отсутствует соответствующая мотивация, – внедрение чего-либо «сверху», скорее всего, обречено на провал.

Вот почему при анализе настоящего и будущего нашей страны одним из первостепенных факторов развития (а точнее, движителей его) оказываются ориентации молодёжи. Если молодые люди будут (продолжать!) стремиться к получению образования, – у нас есть шанс занять достойное место в мире.

Динамика престижа образования в стране поучительна. Обратимся к истории. Мы нередко оказываемся плохими её учениками, но постараемся проявить прилежание и присмотреться к нашему отечественному опыту.

Существует немало общеизвестных объяснений, почему Советский Союз добился успехов в индустриализации, освоении космоса, ряде отраслей науки: от неких преимуществ государственного устройства до использования репрессивных мер, от роли «эффективного менеджера» до помощи высших сил. Не включаясь в дискуссии (при этом едва ли можно предположить, что автор является апологетом советской системы), обратим внимание на существенный фактор, сыгравший едва ли не решающую роль в динамике развития нашей страны (и – ещё раз! – продолжает определять важные, если не важнейшие, возможности, которые могут и далее послужить для её блага). Это стремление масс к образованию, которое послужило основой для создания необходимого человеческого потенциала.

В нашей стране издавна был высок престиж интеллектуального труда, профессий, связанных с высшим образованием, – врача, учителя, инженера. К ним относились с уважением и в столицах, и в глубинке. После 1917 г. долго сдерживавшийся порыв масс к образованию получил возможность реализации. В результате в сферу образования массово пришли те, кому вход был закрыт или ограничен социальными либо национальными барьерами.

В мире, где цена природных ресурсов падает, а значимость человеческого потенциала, то есть, по существу, носителей знания, квалификаций, неудержимо растёт, – есть вероятность переосмысления прежних ориентиров.

Почему Советский Союз добился успехов в индустриализации, освоении космоса, ряде отраслей науки? Один из ответов заключается в стремлении масс к образованию, которое послужило основой для создания необходимого человеческого потенциала.

Большевистская власть декларировала гуманистические ценности, руководствуясь при этом прагматическими соображениями. Новые задачи требовали огромного количества специалистов для индустриализации, создания военно-промышленного потенциала, становления системы здравоохранения. Стремление масс к образованию было эффективно использовано, оно стало инструментом развития страны в избранном направлении. Диапазон деятельности был – от борьбы с безграмотностью до командирования молодёжи на ведущие промышленные предприятия и в научные центры мира.

Правда, так называемым «спецам» и «интеллигентам» приходилось, бывало, в те годы несладко. К тому же, новая власть вводила свои ограничения в доступе к высокому уровню образования; они касались в разное время различных групп населения (социальных, национальных); бывали и официальными, и латентными [Катунцева 1977: 28–36; Волков 1999: 36–60]. Десятилетиями «интеллигенция», как принято было называть людей интеллектуального труда, в официальной идеологии именовалась «прослойкой» и всячески противопоставлялась людям труда физического, прежде всего – рабочему классу, формальному лидеру общества. Пренебрежительное отношение к интеллектуальным занятиям проявлялось не только в идеологии, но и в материальном выражении: инженер, например, если он не занимал значительной руководящей должности, зарабатывал, как правило, меньше рабочего. Возможности восходящей мобильности (в том числе, через членство в партии) открывались прежде всего рабочим и колхозникам или выходцам из таких семей.

Престиж высококвалифицированных занятий, тем не менее, сохранился, оказавшись в условиях этих «заморозков» чрезвычайно выносливым «растением». Конечно, не только традиции (в том числе семейные) сыграли свою роль, но и привлекательный характер труда, возможность быть в соответствующей среде и т. д.

Позднее, когда оказались исчерпаны ресурсы для пополнения рабочих кадров, официальная пропаганда всячески призывала молодёжь на заводы и фабрики, на колхозные поля. Выпускники средних школ, были однако ориентированы на высокий уровень образования и на эти призывы не откликались, разве что в тех случаях, когда трудовой стаж оказывался необходимым.

Власть не ограничивалась пропагандой, но и во второй половине XX в. прибегала к привычным ей методам прямого регулирования в сфере образования. Озаботившись тем, что в вузы поступают преимущественно дети интеллигенции, руководство страны потребовало, чтобы состав студенчества соответствовал социальному составу страны [Руткевич, Филиппов 1978: 54–68, 107–132]. Были созданы подготовительные курсы, предусмотрены привилегии для молодёжи с промыш-

В позднесоветское время, когда оказались исчерпаны ресурсы для пополнения рабочих кадров, официальная пропаганда призывала молодёжь на заводы и в колхозы. Но выпускники средних школ были ориентированы на высокий уровень образования и на призывы не откликались.

ленных предприятий и из колхозов, для отслуживших в армии [Закон 1958: 10–22]. Вузы должны были учитывать, кого принимать, а кого нет, и отчитываться в проведении правильной политики приема. Правда, нужные категории молодёжи не пошли массово в высшее образование [Герчикова 1988: 78]; состав первокурсников стал ближе к структуре населения, но состав выпускников остался практически таким же, как раньше, потому что принятые на льготных условиях зачастую покидали вузы [Аитов, Филиппов 1988: 93–94]. Ну а те юноши и девушки, которые были мотивированы и подготовлены, из каких бы семей они ни происходили, продолжали стремиться достичь высокого уровня образования и так или иначе добивались своего. С их мотивацией никакое регулирование не могло совладать, никакие усилия власти.

В 1980–90-е гг. престижу высококвалифицированных занятий предстояли новые испытания. Рынок труда решительно изменился; вузовские дипломы старших поколений девальвировались; потеря работы, перемена интеллектуального труда на занятия типа «челночества» стали повсеместным явлением. Можно было услышать суждения такого рода: «Кому нужны твои два высших образования? Вон Петька, он и девяти классов не закончил, а у него два ларька, и он на «Мерседесе» раскатывает!».

Прошло, однако, несколько лет, и на рынке труда появился сегмент, где потребовались специалисты высокой квалификации. Даже в сфере обслуживания работодатель стал требовать диплом вуза, ибо за время студенчества молодой человек (независимо от того, чему его учили, да и учился ли он всерьёз) проходил процесс социализации и в результате мог освоить навыки и выполнять обязанности, например, продавца («менеджера торгового зала»), страхового агента или секретаря. Значимость образования (и его формальных признаков), его роль в восходящей социальной мобильности стали возрастать. Ориентация молодёжи на поступление в вузы не только восстановилась, но и значительно усилилась.

К этому времени рухнули существовавшие в сфере образования административные барьеры. К тому же вузы избавились от мелочной регламентации и получили возможность (а также оказались вынуждены по финансовым причинам) в большей мере пойти навстречу ожиданиям молодых людей и их родителей: значительно увеличить приём, сделать структуру подготовки по специальностям ближе к востребованной непосредственными потребителями. Возможности поступления в вузы и получения диплома, таким образом, выросли. Вскоре, правда, выяснилось, что барьеры полностью не исчезли, что-то сохранилось из прежних, что-то возникло вновь или обрело большую, чем прежде, силу [Константиновский, Вахштайн, Куракин, Рощина 2006: 60–92]. Получение хорошего образо-

В 1980–90-е гг. престижу высококвалифицированных занятий предстояли новые испытания. Рынок труда решительно изменился; вузовские дипломы старших поколений девальвировались; потеря работы, перемена интеллектуального труда на занятия типа «челночества» стали повсеместным явлением.

Уже в конце 1990-х гг. и на рынке труда появился сегмент, где потребовались специалисты высокой квалификации. Даже в сфере обслуживания работодатель стал требовать диплом вуза. К этому времени рухнули существовавшие в сфере образования административные барьеры.

вания осталось связано с соответствующим культурным капиталом семьи, а также затратами, что особенно чувствительно в обществе, где материальное расслоение весьма велико; кроме того, сосредоточены учебные заведения, дающие качественное образование, в крупных центрах, это создаёт проблемы для жителей малых городов, посёлков, сёл и т. п.

Конечно, привлекательность различных профессий, требующих образования высокого уровня, значительно изменилась: молодёжь (на фоне разочарования старшего поколения, оказавшегося с никому не нужными дипломами) стала ориентироваться на сферы, предоставляющие возможности для самореализации в условиях нового рынка труда. Если в 1960-е гг. лидерами привлекательности были учёный, космонавт [Шубкин 1970: 189–204], то сегодня на вершине иерархии профессий – экономист, финансист, менеджер. Прежние кумиры либо немного убавили свою привлекательность, либо потеряли её значительно [Вознесенская 2015: 123–184]. Тем не менее, верхние этажи иерархии заняты преимущественно профессиями, требующими высшего образования.

Чего хотят молодые люди сегодня? Вот данные обследования 2014 г.¹. Основная установка молодёжи, которая заканчивает обучение в школе, в среднем специальном учебном заведении или профессиональном училище, техническом лицее и т. п., – продолжать обучение. Это почти все школьники, около 80% старшекурсников средних профессиональных учебных заведений; среди учащихся профессиональных училищ таких немногим менее половины.

При этом не только с старшеклассников считают необходимым для успеха в жизни получить высшее образование (одно или два), но и почти такая же доля получающих профессии специалистов среднего звена, а также едва не половина готовящихся стать квалифицированными рабочими и служащими. Большинство (4/5) выпускников 11-х классов намерены поступать в институты и университеты, как и 2/3 выпускников средних профессиональных учебных заведений и четвертая часть оканчивающих профессиональные училища [Константиновский, Попова 2015: 38–39].

Молодые люди объясняют своё стремление продолжить учёбу главным посылом, наиболее часто отмечаемым молодыми людьми: «Чтобы получить работу, соответствующую

¹ Были отобраны 9 субъектов РФ. В выборке, кроме региональных квот, учитывалась численность обучающихся в образовательных учреждениях. Опрошены 500 девятиклассников и 600 одиннадцатиклассников школ, 500 учащихся профессиональных училищ, профессиональных курсов и других учебных заведений по подготовке рабочих кадров (последний год обучения), 600 старшекурсников (последний год обучения) средних профессиональных учебных заведений и 600 старшекурсников (бакалавриат, последний год обучения) высших учебных заведений. Исследование проводилось при поддержке Российского научного фонда. Опрос осуществлен 16 сентября–13 октября 2014 г.

интересам и склонностям» (78,8% учащихся 11-го класса отметили этот мотив как «очень важный», 98,4% – в сумме как «очень важный» и «важный»). Немало голосов собрали ответы: «Хочу стать компетентным работником», «Нравится учиться». Реалистичность подхода к жизненно важным решениям (а, может, и прагматизм) выразилась в том, что ответ «Чтобы найти хорошо оплачиваемую работу» оказался вторым по популярности (почему нет?), да и, пожалуй, в вариантах ответов, набравших намного меньше голосов: «Чтобы получить престижную работу», «Чтобы легко найти работу в нашей стране» и «Надо получить «корочки», без этого сегодня никуда», «Чтобы завести необходимые знакомства, связи».

Как бы то ни было, все эти данные свидетельствуют о весьма высокой степени мотивации молодёжи к образованию. Аналогичный вывод следует из рассмотрения мотивов молодёжи при выборе ею конкретной будущей профессии. Прежде всего, с отрывом от других вариантов более чем вдвое, выступает мотив «интерес к профессии». Затем следуют: «работа по этой специальности высоко оплачивается», «эта специальность престижна», «работая по этой специальности, я смогу приносить пользу своей стране, обществу», «полное совпадение моих способностей, наклонностей с характером выбранной специальности» [Константиновский, Попова 2015: 40–42].

Мотивация к образованию возникает (или не возникает), конечно, не сама по себе. Не следует забывать, что образование, в том числе высшее, – «не на облаке», если воспользоваться выражением А. Галича. То, что мы наблюдаем в этой сфере и можем в определённой степени измерить, формируют в значительной степени своими разнообразными воздействиями так называемые «внешние факторы», иными словами – ситуация, в которой находятся в конкретный период времени институт образования и те, кого стали называть потребителями его услуг. Среди этих факторов есть такой, влияние которого, благодаря существованию ряда вполне регулярных статистических обследований, может быть интерпретировано; речь идёт о той самой «невидимой руке рынка».

Спрос на различные профессии и квалификации, складывающийся на рынке труда, транслируется семьям и формирует мотивации родителей при выборе профессий для своих детей. Можно с достаточной степенью уверенности предположить, что высокий уровень ожиданий встречается в семьях, где есть соответствующий уровень мотивации и достаточные ресурсы, а там, где их нет, планка aspirations соответственно ниже. Так под воздействием рынка труда формируется спрос семей, связанный со сферой образования.

Семьи, в свою очередь, транслируют этот спрос сфере образования. А та, формируя в ответ своё предложение, стремится удовлетворить спрос, тем более что она освободилась от

Спрос на различные профессии и квалификации, складывающийся на рынке труда, транслируется семьям и формирует мотивации родителей при выборе профессий для своих детей. Семьи, в свою очередь, транслируют этот спрос сфере образования.

прежней регламентации и обрела возможности это сделать. Можно определить спрос на поступление в вузы как отложенный в советский период и впоследствии получивший возможность удовлетворения (наподобие отложенного спроса на автомобили или поездки за рубеж).

Конечно, влияние рынка труда на ожидания семей и их намерения, и далее – на сферу образования не является прямым или однозначным. Рынок труда посылает сигналы, как сильные, так и слабые, как определённые, направленные, так и случайные, и, разумеется, не формализованные. Сигналы эти неизбежно приходят в семьи с искажениями. Кроме того, каждая семья интерпретирует их по-своему, здесь сказываются социодемографические, образовательные и другие характеристики. Влияние семей на сферу образования также не чёткое, определённое или простое; оно скорее носит стохастический характер. Вузы в своей деятельности ориентируются не только на их спрос, но и на другие сигналы, в том числе исходящие от органов власти (государственная поддержка и контроль остаются чрезвычайно важными). Таким образом, это комплексное, неоднозначное взаимодействие между акторами. Также нужно принять во внимание, что взаимодействие происходит не в вакууме, не в изоляции от того, что происходит в обществе в целом. Это взаимодействие испытывает влияние общей ситуации: оно зависит от демографических процессов, состояния национальной экономики, распределения доходов между слоями населения и т. д. Тем не менее, взаимодействие «рынок труда – семья – сфера образования» явно прослеживается.

Вторая половина 1980-х и 1990-е гг. предоставляют нам выразительный пример этого взаимодействия. Прежняя экономика требовала большого количества образованных людей (особенно в военно-промышленном комплексе, и не только). Когда эта экономика рухнула, рынок труда послал ясный сигнал: потребности в квалифицированных специалистах практически нет. Руководители исследовательских лабораторий, университетские лекторы, инженеры и многие другие становились продавцами, курьерами, возили дешёвую одежду из Китая и Турции и пр. Рынок предложил новые, совсем иные возможности для выживания и процветания (кому как повезло, или кто как сумел), и эти возможности требовали не высокого уровня образования, а иных качеств. Семьи не могли не ответить на этот сигнал. Он повлиял на состояние умов родителей и повлёк за собой соответствующие ориентации в отношении судеб детей, в частности – их образования: оно перестало быть желанной перспективой. Да и дети немедленно отреагировали на изменение ситуации. Яркий эффект того периода: дети покидали школу, не закончив курса обучения. Отсев из школ был малым и стабильным в ранние 1980-е гг. Он интенсифицировался в 1986–87-м, когда стали ощути-

мыми первые признаки экономических перемен в стране, и достиг максимума в начале 1990-х. Например, отсеб возрос более чем в 8 раз при переходе школьников из 6/7 в 7/8 класс (двойная нумерация классов связана с особенностями школьного обучения). В середине 1990-х гг. школьное образование получала меньшая часть подростков школьного возраста, чем в начале 1980-х [Konstantinovskiy, Khokhlushkina 2000: 28–33]. В результате школу не посещали 1,5 млн детей школьного возраста [Лиханов 1996]. *Сфера образования*, в свою очередь, ответила соответственно: приём на дневные отделения вузов, который рос постоянно до середины 1980-х, затем стал уменьшаться, особенно это проявилось в 1989, 1990 и 1992 гг. [Konstantinovskiy, Khokhlushkina 2000: 36–38]. Позднее, когда рынок труда начал возрождаться, родители стали иначе планировать будущее своих детей, а вузы – формировать приём в соответствии с новым спросом на образование.

Нынешняя ситуация также демонстрирует яркий пример такого взаимодействия. *Рынок труда* посылает сигналы, что обладатели вузовских дипломов имеют преимущества в зарплате и лучше защищены от безработицы, чем работники, имеющие меньший формальный уровень образования [Образование 2014: 82, 90]. Нет необходимости штудировать статистические справочники, чтобы узнать это, такая информация практически «витают в воздухе». Более того, буквально каждое объявление о приёме на работу содержит едва ли не ставшее сакральным сокращение «в/о», что означает требование диплома высшего учебного заведения. *Семьи* отвечают на этот сигнал. Исследование 2014 г., упомянутое выше, позволило подтвердить факт массового стремления молодёжи в вузы; оно наблюдается и у тех, кто не вполне уверен, что правильно выбрал профессию, и у тех, кто вовсе не успел определиться с выбором [Константиновский, Попова 2015: 43]. *Сфера образования* приняла вызов, увеличив приём в вузы и снизив уровень подготовки.

Происходящее в образовании тоже правит умами и поступками. Данные исследований показывают, что ориентации и социальное поведение молодёжи в сфере образования формируются не только импульсами, исходящими от рынка труда. Значительное влияние оказывает динамика развития самой сферы образования.

Десятилетиями, вплоть до 1995 г., далеко не каждому выпускнику средней школы суждено было стать студентом, потому что приём в высшие учебные заведения был значительно меньше, чем выпуск из школ. Только начиная с 2000-х и далее количество мест в вузах (совокупно на всех отделениях) стало расти настолько, что каждый старшеклассник мог мечтать сразу после школы получить студенческий билет.

Сегодня массовое стремление молодёжи в вузы наблюдается и у тех, кто не вполне уверен, что правильно выбрал профессию, и у тех, кто вовсе не успел определиться с выбором. Сфера образования приняла вызов, увеличив приём в вузы и снизив уровень подготовки.

Выпускники школ при формировании планов на будущее не могли не учитывать различные ограничения и барьеры, с которыми им предстояло столкнуться. Типичное распределение намерений старшеклассников (их личных планов) относительно будущей образовательной траектории выглядело следующим образом на протяжении десятилетий исследования вплоть до последнего периода. Чем выше статус семьи¹, тем значительно больше доля тех, кто планирует поступать в высшие учебные заведения, и меньше доля тех, кто намерен выбрать иной путь, иную жизненную траекторию. И наоборот, чем ниже статус семьи, тем намного меньше доля молодых людей, которые собираются поступать в высшие учебные заведения, и больше доля тех, у кого сформировались иные планы. Данные исследования показали, что распределение личных планов старшеклассников из разных социальных групп в значительной степени зависит от результатов восприятия ими конкурсной ситуации, складывающейся для поступления в вузы в различные годы, и оценки своих возможностей в данной конкретной ситуации [Константиновский 2008: 157–164]. Впоследствии соотношение выпуска из школ и приема в вузы изменилось. Численность старшеклассников стала резко сокращаться вследствие динамики демографических процессов, многочисленное молодое поколение сменилось малочисленным. Вузы, переориентируясь в соответствии с реальностью, стали сокращать прием, но осуществляли это не столь интенсивно, как падал выпуск из школ [Константиновский 2015: 184–209]. Различие в конкурсных ситуациях оказалось таково: численность выпускников школ превосходила приём на дневные отделения вузов (куда главным образом они устремляются) в 1994 г. в 2,5 раза, а в 2013-м – лишь в 1,1 раза [Статистика... 2014; Образование... 2014: 235, 360]. В результате когда практически каждый выпускник школы смог рассчитывать стать студентом дневного (наиболее популярного) отделения вуза. Результаты исследования 2013 г. свидетельствуют, что прежняя дифференциация личных планов сменилась тенденцией к выравниванию. Планы молодёжи из разных социальных групп сделались почти одинаковыми, существенных различий между ними практически не стало. Диапазон различий между долями планирующих поступить в вузы (конкретно, между долями детей администраторов и детей рабочих) был 45,3% в 1994 г. и упал до 10,7% (более чем в 4 раза) в 2013-м.

¹ Агрегированный социально-экономический статус семьи складывался из показателей уровня образования родителей и занимаемых ими должностей, а также с учетом материального благополучия семьи. Рассматривались: руководители (директор, главный инженер, начальник отдела и т. п.); предприниматели; специалисты с высшим образованием, не занимающие руководящих должностей (преподаватель, врач, инженер и т. д.); служащие со средним специальным или общим образованием (техник, секретарь, медсестра и т. д.); рабочие промышленности и сельского хозяйства.

Более того, в 2013 г. не стало ни одной группы старшеклассников, где доля планирующих поступить в вузы была бы ниже 80%. В этих данных нашли выражение настойчивое стремление молодых людей получить диплом о высшем образовании и оптимистическая оценка ими новой конкурсной ситуации¹ [Константиновский 2015: 201–203].

Результаты исследования 2014 г. показали, что распределение намерений приобрело не дифференцированный, а весьма сходный характер и в поселениях с различным уровнем урбанизации (см. таблицу 1). Конечно, различия имеются: в средних/малых городах, посёлках/сёлах молодёжь несколько чаще выбирает получение профессий специалистов среднего звена и квалифицированных рабочих и служащих; но главная ориентация у всех – поступление в вуз, при этом абсолютная разница между долями планирующих получить высшее образование не превышает 10% при величинах долей не менее 75%, а относительная – 14%.

Таблица 1

Намерения старшеклассников, %

Место жительства	Планы					
	Вуз	Ссуз	Проф. училище	Проф. курсы	Работа	Прочее
Мегаполисы	79,4	4,8	0	0	9,4	6,4
Рег. центры	85,4	1,5	3,6	3,3	2,6	3,6
Прочая городская местность	77,9	8,6	6,1	3,1	1,8	2,5
Сёла	75,4	11,8	5,6	1,8	0,9	4,5

Всякий ресурс требует работы с ним. Едва ли найдётся такой ресурс (в природе, в обществе ли), который существует в «чистом», «готовом» виде. Стремление молодёжи к образованию нуждается как в исследованиях, которые помогли бы интерпретации существующего и наблюдаемого, так и в практической работе, основанной на результатах исследований и направленной прежде всего на благо молодёжи.

Изучение ориентаций и социального поведения молодёжи в сфере образования занимает значительное место в социологических исследованиях у нас в стране и за рубежом. Оно основывается на понимании, что разные группы молодёжи имеют разные мотивации по отношению к различным моделям образовательной и профессиональной карьеры, что молодым свойственны разные ожидания, а их формирование может осуществляться разными факторами. Принятие решения отно-

¹ Однако это были только планы. После окончания школы юношам и девушкам предстояло столкнуться с реальностью [Константиновский 2015: 204–206].

сительно своего будущего имеет несколько аспектов, которые связаны между собой, дополняются один другим, но имеют и самостоятельное значение. В этой проблематике нет простых зависимостей: нельзя утверждать, что если нашлось *a*, то будет и *b*. Напротив, наряду с важностью мотивации обнаруживается и сложность её изучения.

Необходимость практической работы в этой сфере обусловливается прежде всего разрывом надлежащих связей между рынком труда и его ресурсом (теми, кто может прийти в национальную экономику в качестве квалифицированных работников); отсутствием налаженной массовой работы по профессиональной ориентации, информированию молодёжи о потребностях рынка труда, нынешних возможностях и перспективах специалистов разной квалификации. Здесь нужны усилия и работодателей, и тех, кто определяет и осуществляет образовательную деятельность.

Приходится констатировать, что существующее положение дел не даёт оснований для благодушия. Массовая устремлённость молодёжи в вузы носит не вполне осознанный характер, не всегда согласуется и с потребностями национальной экономики, и с состоянием образовательной сферы. Наши знания об ожиданиях и мотивах молодых людей пока ещё ограничены. Работа по формированию ориентации молодёжи на труд и образование не ведётся в достаточных масштабах. Однако понимание того, что ориентации молодёжи – один из первостепенных движителей развития, а обязанность общества – сохранять и взращивать стремление молодёжи к образованию, могут дать нам шанс занять достойное место в мире.

Библиографический список

Аитов Н. А., Филиппов Ф. Р. 1988. Управление развитием социальной структуры советского общества / Отв. ред. В. А. Мансуров. М.: Наука. 150 с.

Вознесенская Е. Д. 2015. Молодёжь и профессии // Новые смыслы в образовательных стратегиях молодёжи: 50 лет исследования. Коллективная монография. М.: ЦСП и М. 232 с.

Волков С. В. 1999. Интеллектуальный слой в советском обществе. М.: Некоммерческая организация «Развитие», ИНИОН РАН. 250 с.

Герчикова В. В. 1988. Современное высшее образование: функции, реализация, перспективы. Томск: изд-во Томского университета. 163 с.

Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР. 24 дек. 1958 г. // Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик, 1 января 1959 г., № 1 (933). С. 5.

Массовая устремлённость молодёжи в вузы носит не вполне осознанный характер, не всегда согласуется и с потребностями национальной экономики, и с состоянием образовательной сферы. Наши знания об ожиданиях и мотивах молодых людей пока ещё ограничены. Работа по формированию ориентации молодёжи на труд и образование не ведётся в достаточных масштабах.

Катунцева Н. М. 1977. Опыт СССР по подготовке интеллигенции из рабочих и крестьян. М.: Мысль. 203 с.

Константиновский Д. Л. 2008. Неравенство и образование: опыт социологических исследований жизненного старта российской молодёжи (1960-е годы – начало 2000-х). М.: ЦСП. 552 с.

Константиновский Д. Л. 2015. Окончание школы, намерения и реальность: что хотели – что получили // Новые смыслы в образовательных стратегиях молодёжи: 50 лет исследования: коллективная монография. М.: ЦСП и М. 232 с.

Константиновский Д. Л., Вахштайн В. С., Куракин Д. Ю., Рощина Я. М. 2006. Доступность качественного общего образования: возможности и ограничения. М.: Университетская книга. 208 с.

Константиновский Д. Л., Попова Е. С. 2015. Молодёжь, рынок труда и экспансия высшего образования // Социологические исследования. № 11. С. 37–48.

Лиханов А. 1966. Положение детей в России // Независимая газета. 21 ноября.

Образование в Российской Федерации: 2014: Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2014. 464 с.

Руткевич М. Н., Филиппов Ф. Р. 1978. Высшая школа как фактор изменения социальной структуры развитого социалистического общества. М.: Наука. 272 с.

Сайт «Статистика российского образования». URL: http://stat.edu.ru/scr/db.cgi?act=listDB&t=2_6_13&ttype=2&Field=All [Дата посещения: 22.12.2014].

Шубкин В. Н. 1970. Социологические опыты. М.: Мысль. 288 с.

Konstantinovskii D. L., Khokhlushkina F. A. 2000. The Formation of the Social Behavior of Young People in the Sphere of Education // Russian Education and Society. Vol. 42. № 2. P. 26–58.

DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.427

The Formation of Young People's Orientations in The Sphere of Education

Konstantinovskiy David L'vovich

Doctor of Sociology, Head of Department of Sociology of Education, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: scan21@mail.ru

Abstract. This article examines those factors which crucially impact the formation of youths' intentions when it comes to their educational and professional careers. Special attention is paid to analyzing the dynamics of the prestige of education in our country, the characteristics of its change as a result of various effects having to do with economical, political and other changes. Observed is the increasing importance of education for the country's development and the current attitudes toward it. Materials from sociological studies are used to show the aspirations of various groups

of modern youths when it comes to the educational field. Also demonstrated are the motives for acquiring a profession and education, which high school students cite when explaining their chosen path. With the use of statistical data, shown is the correlation between changes on the labor market, youths' (families') attitudes and the development of the educational field during different periods of our country's development. Illustrated is the role of the labor market when it comes to forming the attitudes and social behavior of young people, as well as (indirectly) the development of the educational field. The signals which are incoming from the labor market impact the attitudes of youths, as well as parents' plans when it comes to their children's education; families transfer an inquiry to the educational field, while the latter answers, forming a more or less adequate proposition. Also shown is how youths' plans for education depend on changes in the educational field itself. While planning their future, young people especially take into account the situation with competition in education (primarily the amount of people being enrolled into universities and graduating from schools), while evaluating their own abilities. This article substantiates the assertion that youths aspiring towards education are one of the most important resources that a country can have, and one of the primary driving forces behind development. Youths' professional attitudes are becoming ever more important in light of the changes which are occurring in our world. It is society's duty to examine and perfect young people's desire for education.

Keywords: youth, education, orientations, educational and professional career, prestige of education.

References

Aitov N. A., Filippov F. R. *Upravlenie razvitiem social'noy struktury sovetskogo obschestva* [Management of Development of the Soviet Society Social Structure]. Ed. by. V. A. Mansurov. Moscow, Nauka, 1988. 150 p.

Gerchikova V. V. *Sovremennoe vyshee obrazovanie: funkcii, realizacija, perspektivy* [Modern Higher Education: Functions, Implementation, Perspectives]. Tomsk, Tomsk State Univ. publ., 1988. 163 p.

Katunceva N. M. *Opyt SSSR po podgotovke intelligencii iz rabochih i krest'jan* [The Experience of the USSR in the Growing the Workers and Peasants as the Intelligentsia]. Moscow, Mysl', 1977. 203 p.

Konstantinovskiy D. L. *Neravenstvo i obrazovanie: opyt sociologicheskikh issledovaniy zhiznennogo starta rossiyskoy molodiozhi (1960-e gody – nachalo 2000-h)* [Inequality and Education: The Experience of Sociological Researches of the start of Russian Youth Life (1960s – early 2000s)]. Moscow, CSPiM, 2008. 552 p.

Konstantinovskiy D. L. *Okonchanie shkoly, namerenija i real'nost': chto hoteli – chto poluchili* [Finishing School, Intentions and Reality: what they wanted – they received]. *Novye smysly v obrazovatel'nykh strategijakh molodiozhi: 50 let issledovaniya*. Moscow, CSPiM, 2015. 232 p.

Konstantinovskiy D. L., Khokhlushkina F. A. *The Formation of the Social Behavior of Young People in the Sphere of Education*. *Russian Education and Society*, 2000, Vol. 42, no 2, pp. 26–58.

Konstantinovskiy D. L., Popova E. S. *Molodiozh', rynek truda i expansija vysshego obrazovaniya* [The Youth, the Labor Market and the Expansion of Higher Education]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2015, no 11, pp. 37–48.

Konstantinovskiy D. L., Vakhshayn V. S., Kurakin D. Y., Roschina Y. M. *Dostupnost' kachestvennogo obshchego obrazovaniya: vozmozhnosti i ogranicheniya* [The Availability of Quality Education: possibilities and limitations]. Moscow, Universitetskaja kniga, 2006. 208 p.

Lihanov A. *Polozhenie detey v Rossii* [The Situation of Children in Russia]. *Nezavisimaja gazeta*. 21.11.1996.

Obrazovanie v Rossiyskoy Federacii: 2014: Statisticheskyy sbornik [Education in Russian Situation]. Moscow, NRU HSE, 2014. 464 p.

Rutkevitch M. N., Filippov F. R. *Vysshaja shkola kak faktor izmeneniya social'noy struktury razvitogo socialisticheskogo obschestva* [High School as a Factor of Change in the Social Structure of Developed Socialist Society]. Moscow, Nauka, 1978. 272 p.

Shubkin V. N. *Sociologicheskie opyty* [Sociological Experiments]. Moscow, Mysl', 1970. 288 p.

Volkov S. V. *Intellektual'ny sloj v sovetskom obschestve* [The Intelligent Strata in the Soviet Society]. Moscow, Razvitie, ISSS RAS, 1999. 250 p.

Voznesenskaja E. D. *Molodiozh i professii. Novye smysly v obrazovatel'nykh strategijakh molodiozhi: 50 let issledovanija* [Youth and Profession]. Moscow, CSPiM, 2015. 232 p.

Website «Statistika rossiyskogo obrazovanija» [Statistics of Russian Education]. URL: http://stat.edu.ru/scr/db.cgi?act=listDB&t=2_6_13&type=2&Field=All [date of visit: 22.12.2014].

Zakon ob ukreplenii sviazi shkoly s zhizn'ju i o dal'neyshem razvitii sistemy narodnogo obrazovanija v SSSR. 24.12.1958 [The Law for Strengthening of the Connection between School and Life and Further Development of the Public Education System in the USSR. December 24.12.1958]. *Vedomosti Verhovnogo Soveta Sojuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik*, 1959, no 1 (933), p. 5.

Т е м а н о м е р а Социология образования: современные реалии

Выпускники сельской школы: образовательные стратегии

Чередниченко Галина Анатольевна –
доктор социологических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт социологии Российской академии наук,
Москва

E-mail: galcher50@mail.ru

Выпускники сельской школы: образовательные стратегии

DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.428

Аннотация. На данных государственной статистики и материалах социологических исследований рассматриваются образовательные стратегии сельской молодёжи. Анализ ведётся в сравнительном плане – процессы и явления, характеризующие сельскую молодёжь, сопоставляются с таковыми городской молодёжи. Статистические данные анализируются в динамике 1990–2010-х годов. Показано, что образовательные стратегии сельской молодёжи в сравнении с их городскими сверстниками складываются во многом под влиянием общих факторов изменения условий жизни, развития системы школьного и профессионального образования, перемен демографической ситуации (смены многочисленных поколений молодёжи второй половины 1990–первой половины 2000-х гг. на малочисленные поколения, начиная с середины 2000-х гг.). После окончания основной школы большая часть сельской молодёжи выбирают «неакадемическую» траекторию: переходят на учёбу в систему СПО, в то время как городские юноши и девушки в своём большинстве продолжают обучение в дневной средней школе. Получающие сегодня полное среднее образование на селе оказываются гораздо более социально селекционированными относительно социального состава сельского населения, чем их сверстники из средних школ городов в сравнении с городским населением. Эта сельская молодёжь оказывается гораздо более, чем прежде, консолидированной в своём стремлении к продолжению образования в высшей школе. В результате к первой половине 2010-х гг. сложилась ситуация, когда большинство сельских выпускников средней школы поступали в вузы, то есть их образовательные ориентации и реальный выбор оказались во многом схожими с устремлениями молодёжи городов. Показано воздействие демографической ситуации (в разные хронологические периоды) на опции молодёжи на этапах выбора образовательного пути, а также указано влияние на них такого важного фактора, как наличная локальная структура и сеть учебных заведений разных уровней общего и профессионального образования.

Ключевые слова: сельская и городская молодёжь, образовательные стратегии, выпускники основной школы, выпускники полной средней школы, среднее профессиональное и высшее образование

В социологии образования выпускники сельских школ (а в социологии молодёжи – сельские юноши и девушки) часто рассматриваются главным образом с позиций изучения мало-ресурсных групп. Так, результаты многолетних исследований образовательных и профессиональных траекторий молодёжи фиксируют, что в отношении доступа к образованию – реальных шансов, а также их осознания молодёжью и на этой основе формирования образовательных стратегий – сельские юноши и девушки всегда отличались от своих городских сверстников более скромными амбициями и достижениями. Вместе с тем, новые условия социально-экономического развития, а также особенности сегодняшней и будущей демографической ситуации заставляют по-иному подойти к рассмотрению образовательного потенциала и образовательных стратегий молодого поколения селян. С середины нулевых годов в стране сложилась ситуация, когда в трудоспособный возраст стали вступать всё более малочисленные ежегодные когорты молодёжи. Это положение начинает медленно меняться только с середины 2010-х гг., при этом рост численности вступающей в жизнь молодёжи ещё долгие годы будет происходить весьма сдержанно. Эти малочисленные поколения к 2030 г. составят основу трудоспособного населения страны и будут обременены высокими трансфертными обязательствами. Адекватный ответ на такой вызов предполагает, что уже сегодня необходимо заботиться о принципиальном повышении образовательного и социального капитала молодого поколения и эффективности его использования. Что касается сельской молодёжи, то, безусловно, в условиях дефицита трудовых ресурсов соответствующих возрастов она будет (как это долгое время происходило и в прошлом) покидать родные места под влиянием разнообразных субъективных и объективных факторов, и в частности под давлением спроса городских рынков труда. Одновременно развитие агропромышленного комплекса и формирование большего разнообразия структуры экономической деятельности на селе будут создавать спрос на молодых образованных работников и предлагать новые и привлекательные рабочие места. В этой связи актуальным становится изучение образовательных стратегий сельской молодёжи как основы её формирующегося образовательного и профессионального потенциала.

Образовательные стратегии молодёжи, складывающиеся на разных возрастных этапах ориентации на образование, а также реальный выбор тех или иных типов учебных заведений в ходе школьного и последующего образования, рассматриваются здесь на данных государственной статистики и материалах социологических исследований. Используются данные панельного исследования «Траектории в образовании и профессии» (ТрОП – <http://trec.hse.ru/>), которое осуществлено при поддержке Программы фундаментальных исследо-

ваний НИУ ВШЭ. Основная эмпирическая база представлена материалами социологического исследования выпускников дневных средних школ 2013 г. Новосибирской области¹, которые дополнены в ряде случаев данными предыдущего аналогичного исследования 1998 г.

Выпускники основной школы и их образовательные пути

Образовательные стратегии молодёжи складываются в тесной зависимости от возможностей, которые перед нею открывают формальные институты системы образования. Окончание основного общего образования является институциональным этапом первого выбора образовательных стратегий молодёжи.

Этот выбор является во многом решающим. Здесь, по сути, происходит разделение на два основных пути. Путь условно «академический» – поступление в 10 класс средней школы, окончание которой ведёт в дальнейшем большинство выпускников в высшую школу, и путь «неакадемический», в ходе которого юноши и девушки выбирают учёбу в техникумах, колледжах, технических лицеях и получают подготовку специалистов среднего звена или квалифицированных рабочих и служащих. Альтернатива второго пути никогда не была и не является социально стигматизированной. Как показывают результаты нашего лонгитюдного исследования 1998–2008 гг., получив специальность среднего звена в системе среднего профессионального образования (СПО), более трети молодёжи сразу переходят на учёбу в вузы, а спустя 10 лет почти половина имеют высшее образование. Получившие профессии квалифицированных рабочих приступают к обучению по специальностям работников среднего звена (десятая часть), а спустя 10 лет 14% имеют высшее и 17% среднее специальное образование.

Рассмотрим на данных государственной статистики важнейшие показатели этого этапа образовательного пути.

Какая доля возрастной когорты в разные времена достигала окончания дневной основной школы? Не располагая данными отдельно по сельской и городской молодёжи, опишем ситуацию суммарно, поскольку даже её характеристика

---

¹ Проект РГНФ «Новые смыслы в образовательных стратегиях молодёжи» реализован по руководством Д. Л. Константиновского Отделом социологии образования ИС РАН в 2013–2014 гг. Массив анкет выпускников городских и сельских средних школ, по репрезентативной относительно типов поселений выборке, содержит полную информацию как о планах молодёжи весной, накануне выпуска из школы, так и сведения об их реальном выборе осенью этого года. Аналогичны данные предыдущего обследования 1998 г.

в общем виде представляется важной. Рассчитаем удельный вес выпускников 9-х классов школы в общей численности родившихся 15 лет назад. Именно этот возраст у большинства представителей когорты является сроком окончания основной школы. Пренебрегая показателями смертности, будем считать, что мы имеем данные о доле оканчивающих указанное учебное заведение относительно условной возрастной когорты 15-летних (см. рис. 1).

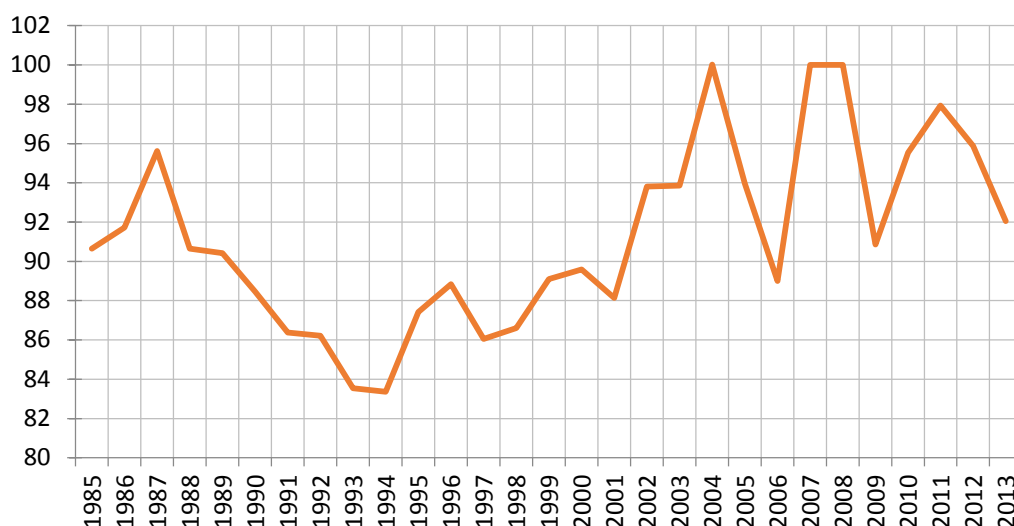

Рис. 1. Доля окончивших дневную основную образовательную школу от условной возрастной когорты 15-летних, РФ, %

Источники: [Демографический ежегодник... 2001: 133; Демографический ежегодник... 2015: 37; Образование в... 2014: 235; Первичные данные...].

В позднесоветский период доля молодёжи, получавшей так называемое неполное среднее образование, сохранялась на достаточно высоком уровне (93–94% условной возрастной когорты). В перестройку и первое постперестроечное время (на фоне медленного роста численности ежегодных возрастных когорт) наблюдался сначала заметный спад охвата молодёжи 9-летним образованием (с 94,5% в 1988 г. до 83,3% в 1994 г., на который пришёлся минимум), а затем чуть менее интенсивный подъём (вплоть до рубежа XXI в.).

Уменьшение охвата поколения обучением в указанное время касалось не только основного образования. О спаде численности выпускников полных средних школ в 1992 и 1993 гг., а также о снижении в эти годы конкурсов на дневные отделения вузов подробно описывалось ранее [Костантиновский 1999: 71–72]. На фоне начальных рыночных преобразований возникла иллюзия, будто и без образования можно добиться успеха в жизни. Но она очень быстро себя изжила, когда развернувшийся рынок труда гораздо жёстче, чем раньше, стал предъявлять требования к квалификации, уровню образования и профессиональной подготовке. Поэтому в нулевые годы XXI в. происходил быстрый подъём показателя «добегания» возрастной когорты до окончания основной дневной школы:

в 2004 г. он достиг 95,3% и остаётся в среднем на этом уровне вплоть до последних лет. В подъёме доли возрастной когорты, окончивавшей основную школу после 2002 г., сказались снижение численности молодёжи соответствующих возрастов (падение числа родившихся за 15 лет до 2002 г. – с 2,5 млн человек до 1,4 млн условно 15-летних в 2010 г.).

Динамика численности выпускников основной дневной школы как в сёлах, так и в городах, на протяжении последних более чем двадцати лет определялась главным образом демографическим фактором (см. рис. 2): кривые численности выпускников 9-х классов как сельских, так и городских школ, в целом повторяют изображение кривой численности условной когорты 15-летних. Вместе с тем, в период роста численности 15-летних с 1990 по 2002 гг. на 18,7% увеличение числа выпускников основной школы в городах составило 23,7, а в сёлах – 31,6%. Это вело к увеличению доли охвата этой категории школьников основным образованием, причём на селе данный процесс шёл интенсивнее, чем в городе. В следующий период (2002–8 гг.) произошёл наиболее резкий спад численности 15-летних – на 45%. Однако численность сельских выпускников 9-летки снизилась на 33,5%, а городских – на 42,4%. То есть в условиях малочисленности сверстников шансы «добегания» до окончания основной школы к рубежу 2010-х гг. у всей молодёжи увеличились, причём у сельских школьников они возросли сильнее, чем у городских.

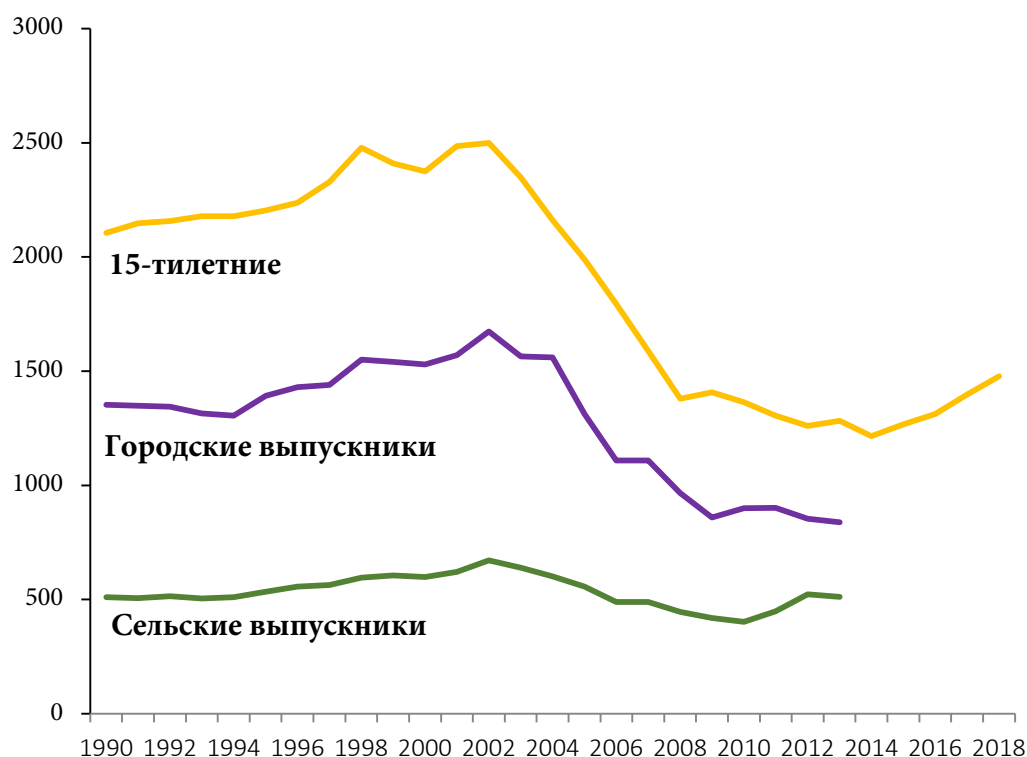

Рис. 2. Численность условной возрастной когорты 15-летних и выпускников 9-х классов сельских и городских дневных школ, тыс. чел.

Источники: [Демографический ежегодник... 2001: 133; Демографический ежегодник... 2015: 37; Образование в... 2014: 253; Первичные данные...].

Таким образом, за весь рассматриваемый период по разным причинам шансы достичь школьной ступени общего основного образования у последовательных поколений сельских юношей и девушек увеличивались. Как свидетельствует кривая численности условной когорты 15-летних, после минимума в 2014 г. в дальнейшем численность сверстников начнёт медленно возрастать. Соответственно, можно ожидать увеличения численности выпускников основной школы.

До рубежа веков сельские школьники после окончания 9 класса чаще, чем городские, оставались продолжать образование в 10-х классах средней школы (см. рис. 3), что было, видимо, во многом связано с нежеланием родителей рано – в 15 лет – отпускать детей на учёбу в ССУЗы и ПУ, так как это означало бы отъезд из родного села. В 1998/99 учебном году доля переходящих в 10 класс в сельских и городских школах сравнялась и составила 66,3%. Этот показатель у городских школьников снизился к 2013/14 учебному году до 60,2%. У сельской молодёжи к этому времени процент продолжающих обучение в сельской средней школе более сильно снижался и упал до 49,5%.

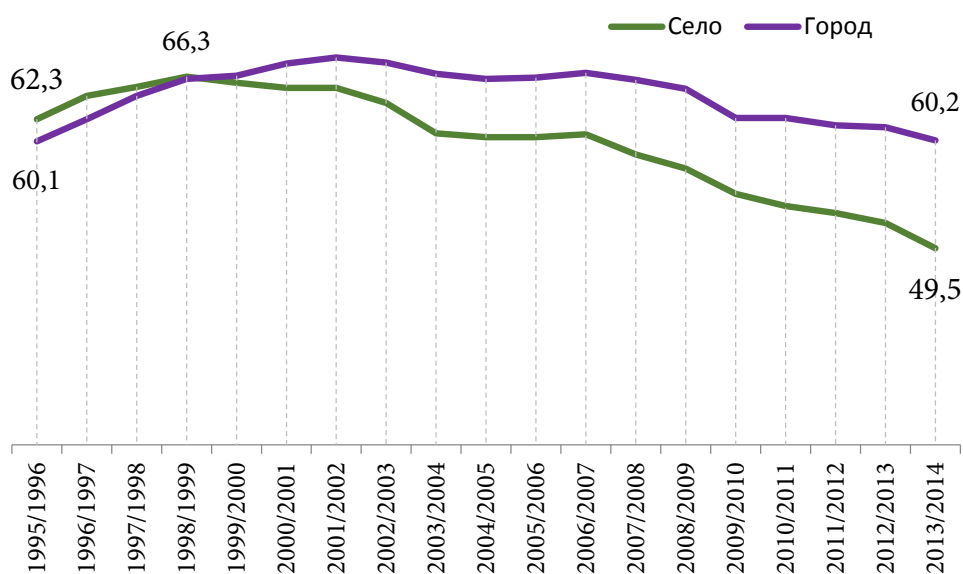

Рис. 3. Доля учеников, поступивших в 10-й класс, из числа окончивших 9 класс, %

Источники: [Образование в... 2007: 247; Образование в... 2010: 242; Образование в... 2012: 223; Образование в... 2014: 252].

Исследователи Бессуднов А. Р. и Малик В. М., которые впервые в нашей стране ввели в научный оборот анализ «академического» и «неакадемического» треков после окончания 9 класса сельской и городской молодёжи (на материалах государственной статистики и панельного исследования НИУ-ВШЭ «Траектории в образовании и профессии»), указывают следующие факторы более резкого снижения приёма в 10-й класс в сельской местности. Во-первых, он был связан с реструктуризацией сельских школ, начавшейся в 2001 г. Частью

этой реформы была реорганизация учреждений среднего полного образования в учреждения основного общего образования, т. е. превращение полных средних школ в девятилетки [Постановление Правительства...]. В результате учащиеся на селе стали чаще переходить в систему СПО или продолжать обучение в 10-м классе в ближайших городах. Во-вторых, в заметном спаде доли учеников, перешедших в 10-й класс с 2007 по 2009 гг., по всей видимости, сказалось введение ЕГЭ и стремление части учеников и их родителей воспользоваться возможностями поступления в вузы без сдачи ЕГЭ после получения среднего профессионального образования [Бессуднов, Малик 2016: 137, 138]. На наш взгляд, здесь проявилось и воздействие демографического фактора.

Малочисленность сверстников, как выше было отмечено, повысила шансы «добегания» сельских школьников до окончания основной школы. Она же повысила шансы выпускников 9-летки на поступление в образовательные учреждения системы среднего профессионального образования (СПО). В [таблице 1](#) приведены данные об отношении численности принятых по двум программам подготовки в СПО к численности населения в возрасте 15 лет.

Таблица 1

Приём в образовательные учреждения СПО по программам подготовки, в % от численности населения в возрасте 15 лет

Год	Программы подготовки квалифицированных рабочих и служащих	Программы подготовки специалистов среднего звена
2000	34,2	35,1
2005	32,0	39,7
2010	42,3	49,0
2011	39,1	48,5
2012	38,6	50,8
2013	33,9	47,8

Источник: [Образование в... 2014: 23].

В период резкого спада численности сверстников коэффициент приёма по программам подготовки квалифицированных рабочих с 2000 до 2010 гг. возрос с 34,2 до 42,3%, а по программам подготовки специалистов среднего звена – с 35,1 до 49,0%. Даже с учётом того, что в последующие годы в результате снижения приёма в СПО (более сильного по подготовке квалифицированных рабочих и служащих) эти коэффициенты несколько уменьшились, шансы молодёжи поступить на обучение в систему СПО остаются высокими.

Материалы мониторинга НИУ-ВШЭ – панельного исследования «Траектории в образовании и профессии» – дают возможность представить структуру планов молодёжи, окан-

чивающей 9-летку¹. На рис. 4 представлены ответы молодёжи сельских школ на вопрос «Что Вы собираетесь делать после окончания 9-го класса?» в сравнении с их городскими сверстниками.

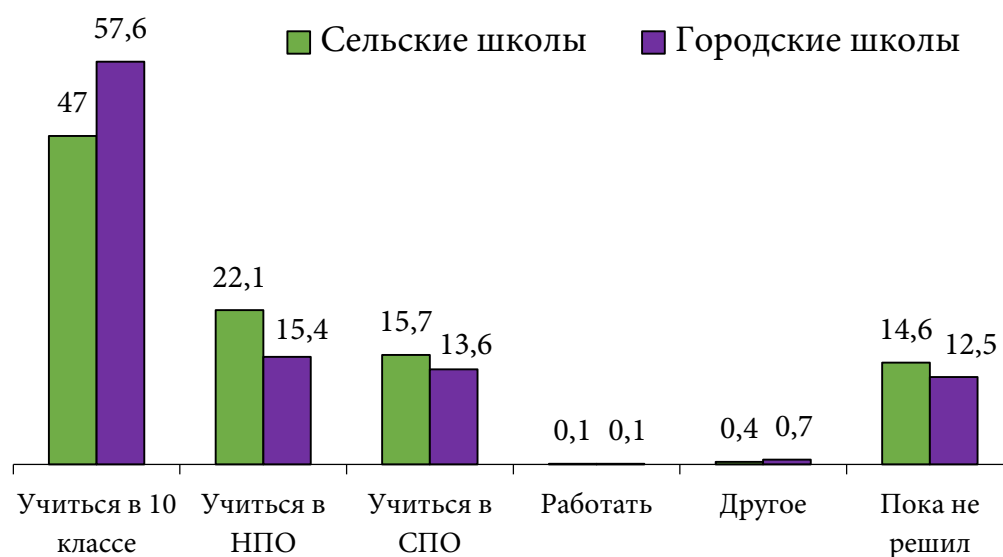

Рис. 4. Планы после окончания 9 класса, сельские и городские школы, 2011/12 уч. год, 1-ая волна национальной панели, %

Как видим, в планах на продолжение учёбы в 10 классе соотношение доли сельских (47%) и городских школьников (57,6%) оказывается аналогичным тем данным, что демонстрировали материалы государственной статистики. Учтём, что в годы проведения мониторинга система начального профессионального образования (НПО) существовала отдельно от системы СПО, и поэтому информация в обследованиях фиксировалась в соответствии с тогдашними названиями. Учиться после окончания 9-го класса в НПО и СПО стремилось больше сельских, чем городских школьников. Причём селяне даже чаще выбирали путь получения профессии квалифицированного рабочего (22,1%), чем специалиста среднего звена (15,7%).

Выпускники средней школы и их образовательные стратегии

Динамика числа оканчивающих дневную 11-летку определяется также прежде всего демографическим фактором. На рисунке 5 приведены данные 2000-х–начала 2010-х гг., когда произошёл резкий переход от многолюдного поколения 17-лет-

¹ В работе использованы данные панельного исследования «Траектории в образовании и профессии» (ТрОП – <http://trec.hse.ru/>). Исследование осуществлено при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ-ВШЭ. Выборка 1-ой волны национальной панели (9-классники 2011/12 уч. года) составляет 3377 человек, выборка 2-ой волны национальной панели (осень 2013 г.) составляет 4893 человек.

них (2,5 млн чел. в 2000 г.) к малолюдному (1,3 млн чел. в 2013 г.). Воздействие снижения численности сверстников сказалось на контингентах выпускников сельских и городских школ по-разному (см. рис. 5).

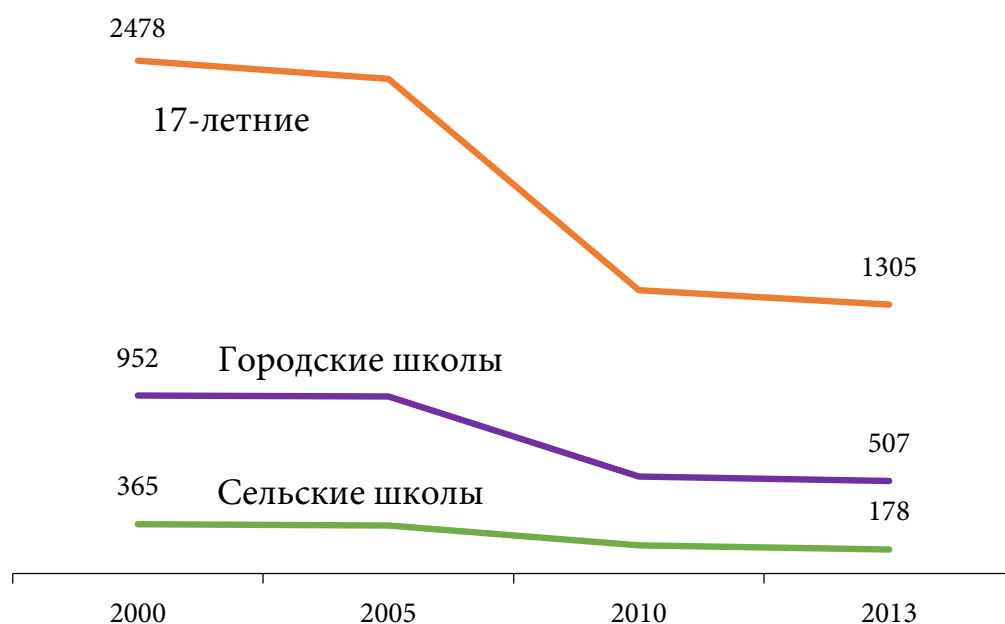

Рис. 5. Численность условной возрастной когорты 17-летних и получивших аттестат зрелости в сельских и городских дневных школах, тыс. чел.

Источники: [Демографический ежегодник... 2001: 133; Демографический ежегодник... 2015: 37; Образование в... 2014: 253].

Если численность когорты условно 17-летних сократилась за этот период на 47,3%, то контингент выпускников средних городских школ уменьшился несколько меньше – на 46,7%; а сельских школ, наоборот, несколько больше – на 51,2%. То есть, в условиях сокращения числа сверстников в городах немного повысились шансы молодежи достичь среднего образования в дневной школе, а на селе, напротив, эти шансы немного сократились. Этот феномен является продолжением отмеченной выше тенденции снижения доли переходящих на учёбу в 10 класс средней школы, более характерной для выпускников сельских школ, нежели городских.

Ещё один индикатор – доля оканчивающих в сёлах и городах дневную среднюю школу от числа тех, кто двумя годами ранее окончил дневную основную школу – фиксирует и подтверждает ту же тенденцию (см. рис. 6). Суммируя результаты, представленные на рис. 3, 5, 6, можно охарактеризовать две различные образовательные стратегии, которые сложились в рассматриваемый период у сельских и городских школьников.

В целом за 1990–2000-е гг. повысился процент оканчивающих основную общеобразовательную школу (и на селе несколько сильнее, чем в городе). Причём, если на рубеже веков и те, и другие с одинаковой и довольно высокой частотой

В условиях сокращения числа сверстников в городах немного повысились шансы молодежи достичь среднего образования в дневной школе, а на селе, напротив, эти шансы немного сократились.

после окончания 9-го класса продолжали обучение в 10-х классах средней школы, то затем их типичные пути стали всё более и более различаться. Сельские юноши и девушки после окончания 9-летки под влиянием перемен в структуре школьных учебных заведений на селе и в условиях снижения численности сверстников (т. е. благодаря уменьшению конкурсов в системе СПО) всё чаще стали переходить на учёбу в средние профессиональные учебные заведения или переезжали учиться в городские средние школы (таких насчитывалась половина к 2013 г.), а оставались на учёбу в сельской средней школе, видимо, главным образом те, кто связывал свои планы на будущее с поступлением в вуз (таких к 2013 г. оказалось около двух пятых). Большая часть городских выпускников основной школы продолжают переходить на учёбу в 10 класс (60% в 2013 г.), хотя и у них этот показатель немного снизился. Под влиянием снижения конкурсов из-за демографического фактора они тоже несколько чаще стали выбирать учёбу в СПО. Кроме того, в первое время после введения ЕГЭ некоторая часть этих выпускников предпочли альтернативный – через систему СПО – путь в высшую школу.

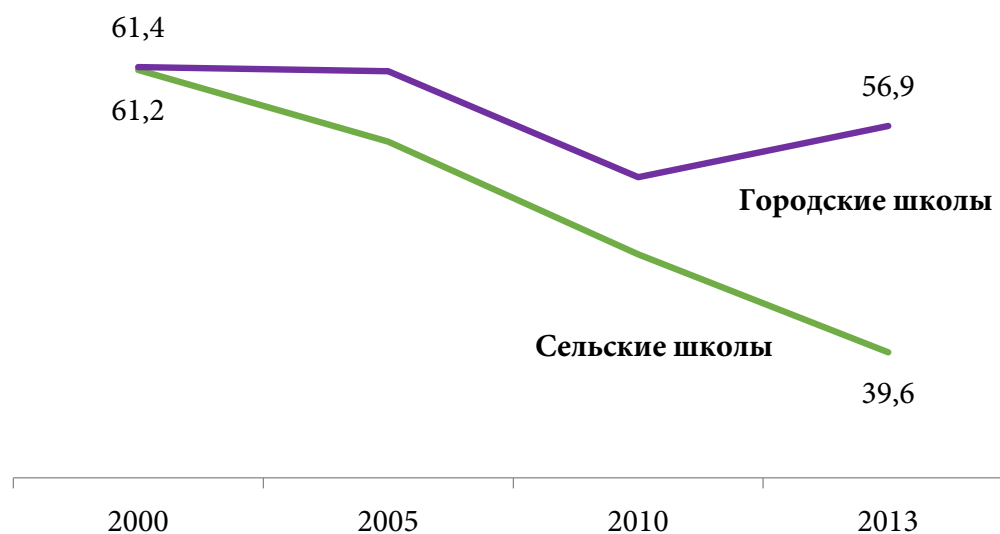

Рис. 6. Доля оканчивающих в сёлах и городах дневную среднюю школу от числа тех, кто двумя годами ранее окончил дневную основную школу, РФ, %

Источники: [Образование в... 2014: 253; Первичные данные...].

Изменения происходили и в ориентациях молодёжи на продолжение образования после окончания полной средней школы. Об этом свидетельствуют результаты наших исследований выпускников 11-летки в Новосибирской области в динамике лет. Одним из существенных отличий в структуре образовательных ориентаций молодёжи, зафиксированных в исследовании 1998 г. (см. левую часть рис. 7), была поселенческая дифференциация. Тогда сохранялись «градуированные» шаг за шагом (от самых крупных к самым мелким поселе-

Если на рубеже веков городские и сельские школьники с одинаковой и довольно высокой частотой после окончания 9-го класса продолжали обучение в 10-х классах средней школы, то затем их типичные пути стали всё более и более различаться.

ниям) различия в ориентациях молодёжи на типы учебных заведений, выбираемых для продолжения учёбы после окончания дневной средней школы.

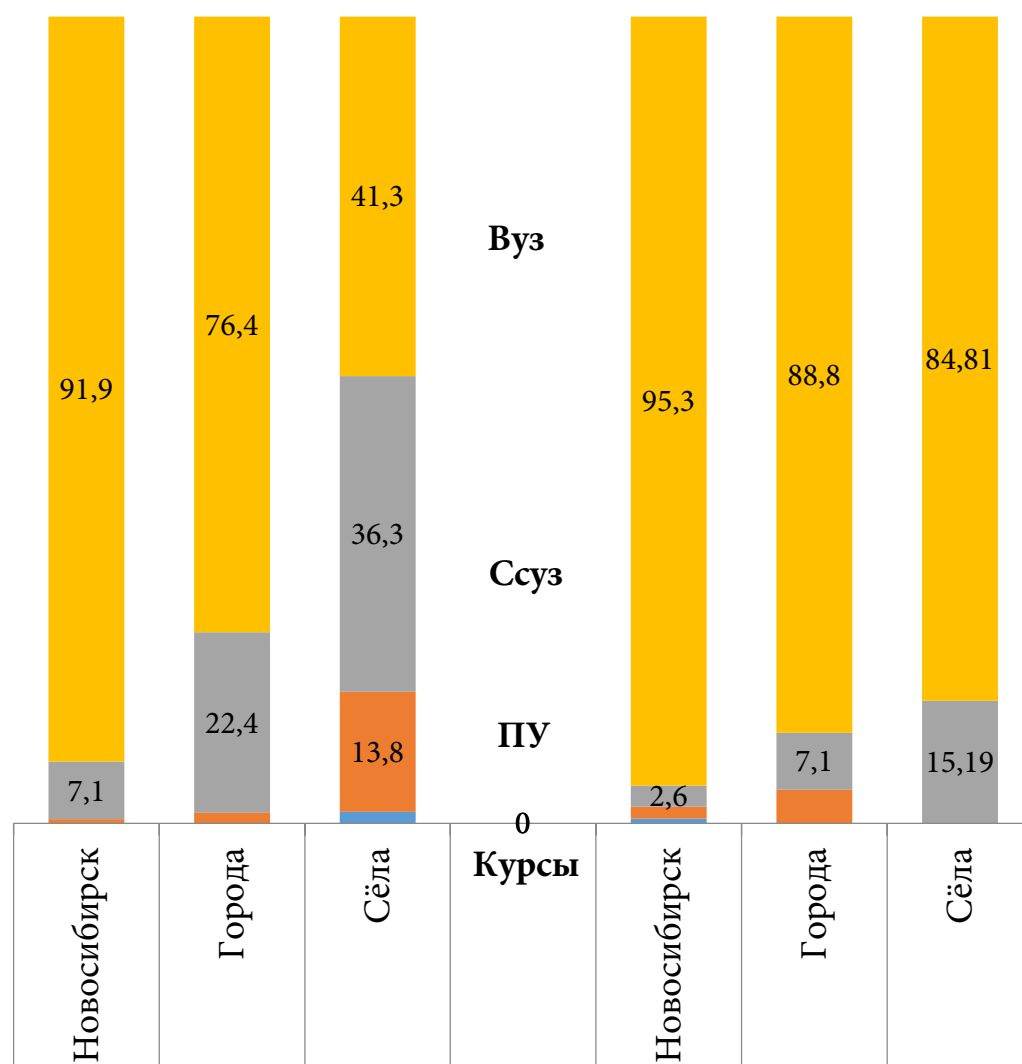

Рис. 7. Ориентации на тип учебного заведения выпускников средних школ Новосибирской обл., 1998 и 2013 гг., %

Выпускники школ в крупнейшем (более одного млн. жителей) городе – Новосибирске – в подавляющем большинстве (91,9%) стремились продолжить образование в вузах, очень малая часть (7,1%) планировали учёбу в средних специальных учебных заведениях (ссузах – теперь это образовательные учреждения СПО, осуществляющие подготовку специалистов среднего звена) и единицы – в системе начального профессионального образования (НПО – теперь это образовательные учреждения СПО, осуществляющие подготовку квалифицированных рабочих и служащих). Намеренных получить высшее образование среди выпускников школ средних и малых городов Новосибирской области было меньше, чем среди новосибирцев, но в целом довольно много – 76,4%, а желающих поступить в ссузы больше, чем в Новосибирске (22,4%). Ориентированных на НПО было также очень немного.

У сельской молодёжи в сравнении с двумя предыдущими группами ещё сильнее сокращалась доля стремящихся в вузы и увеличивалась доля планирующих получить образование в ссузах и системе НПО. Намерения сельских выпускников были весьма уравновешены: почти равновеликие потоки стремились, с одной стороны, в вузы (41,3%) и, с другой – в ссузы (36,3%), а заметная часть (13,8%) планировали учиться в профессиональных училищах (ПУ).

За пятнадцать лет произошла практически полная унификация ориентаций молодёжи на тип выбираемого учебного заведения. Теперь (2013 г.) большинство из всех трёх групп молодёжи ориентируется на учёбу в вузе (см. рис. 7, правую часть): её планируют среди выпускников школ г. Новосибирска 95,3%, городов области – 88,8% и сёл – 84,8%. Соответственно, планы на учёбу в других типах учебных заведений ничтожны у молодёжи Новосибирска, малы (7,1% ориентируются на СПО по программе «специалист среднего звена») – у молодых жителей городов области и заметны лишь у выпускников сёл, среди которых 15% планируют поступать в указанные учебные заведения.

В ходе реального выбора, осуществляемого выпускниками средней школы, поступающих в вузы оказывается несколько меньше в сравнении с планировавшими поступление, и, соответственно, несколько больше тех, кто в действительности выбирает учёбу в СПО по программе «специалист среднего звена» (см. рис. 8). Студентами вузов становятся 77,3% выпускников сельских школ и 87,1% – Новосибирска, а учащимися СПО по программе «специалист среднего звена», соответственно, 22,7 и 11,4%.

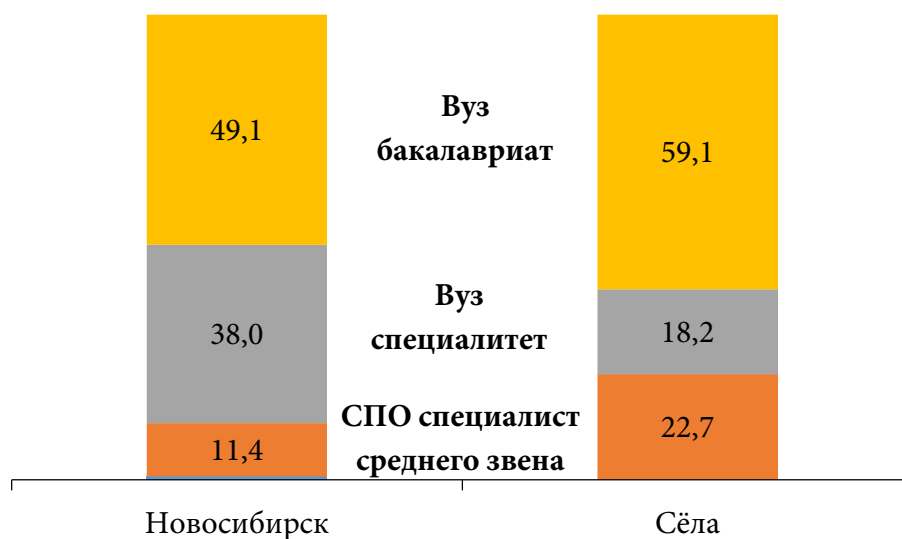

Рис. 8. Реальный выбор типа учебного заведения выпускниками средних школ Новосибирска и сёл области, 2013 г., %

Реальные пути молодёжи Новосибирска и сёл корректируются однонаправленно, и соотношение получающих высшее и среднее профессиональное образование («специалист среднего звена») в обеих группах оказывается достаточно схожим. Можно отметить лишь очень небольшую «ущемлённость» реального выбора сельских юношей и девушек: несколько большие шансы получения образования в СПО, нежели в высшего. Не стоит однозначно трактовать как некий проигрыш тот факт, что сельские выпускники чаще начинают обучение в вузах по учебным программам более короткого курса обучения – бакалавриата (59,1% селян против 49,1% новосибирцев) и существенно реже попадают на программы специалитета (соответственно, 18,2 и 38,0%). Как будет показано ниже, эти особенности решений тесно связаны со структурой избираемых специальностей.

Существенными характеристиками качества получаемого профессионального образования служат такие параметры, как обучение в разных его формах (дневной – вечерней/заочной), на бюджетных или платных учебных местах, в государственных или негосударственных учебных заведениях.

Данные государственной статистики свидетельствуют, что на протяжении нулевых годов вплоть до самого последнего времени выпускники дневных средних школ составляют более 80% приёма на дневные отделения государственных вузов [Первичные материалы...]. Поэтому неудивительно, что подавляющая часть опрошенных выпускников как в Новосибирске (91,8%), так и в сёлах области (98,7%) планировали поступать в дневные учебные заведения. В реальности начали обучение на дневных отделениях ещё больше выпускников школ Новосибирска (94,4%) и 97,0% окончивших сельские школы. Такие высокие показатели планировавших и реализовавших свои установки поступить на дневное отделение обязаны благоприятной ситуации поступления в условиях низкого, а порой и отсутствующего конкурса при приёме в профессиональные учебные заведения в этот период.

При поступлении наиболее искомыми являются бюджетные учебные места в государственных вузах и СПО. Сельские юноши и девушки, видимо, опасаясь, что они менее конкурентоспособны в сравнении с новосибирцами, в планах чаще ориентируются на платную учёбу (21,5 против 18,4% – см. рис. 9). Вместе с тем, результаты поступления свидетельствуют, что они гораздо чаще добиваются более желаемых бюджетных учебных мест (48,5 против 38%). Можно предположить, что этот феномен связан со спецификой мотиваций молодых селян и другими личностными факторами.

Воздействие демографической ситуации, выражающееся в повышенных шансах на доступ к более привлекательным учебным местам, сказывается и на выборе между учёбой

Сельские юноши и девушки, видимо, опасаясь, что они менее конкурентоспособны в сравнении с новосибирцами, в планах чаще ориентируются на платную учёбу (21,5 против 18,4% – см. рис. 9). Вместе с тем, результаты поступления свидетельствуют, что они гораздо чаще добиваются более желаемых бюджетных учебных мест (48,5 против 38%).

в государственных и негосударственных учебных заведениях. Как выпускники школ Новосибирска, так и сёл области в большинстве планируют и реально поступают в государственные учебные заведения на бюджетные места. Ориентировались на них в своих образовательных стратегиях 87,3% молодых селян и 83,3% молодых новосибирцев. Реальный выбор оказался ещё более успешным: поступили в государственные учебные заведения 92,3% выпускников из Новосибирска и 91,2% из сёл области. Как видим, молодые сельские жители, объективно находящиеся в более ущемлённых социально-культурных условиях в сравнении со своими сверстниками из крупного культурного центра, демонстрируют равную с ними очень высокую конкурентоспособность!

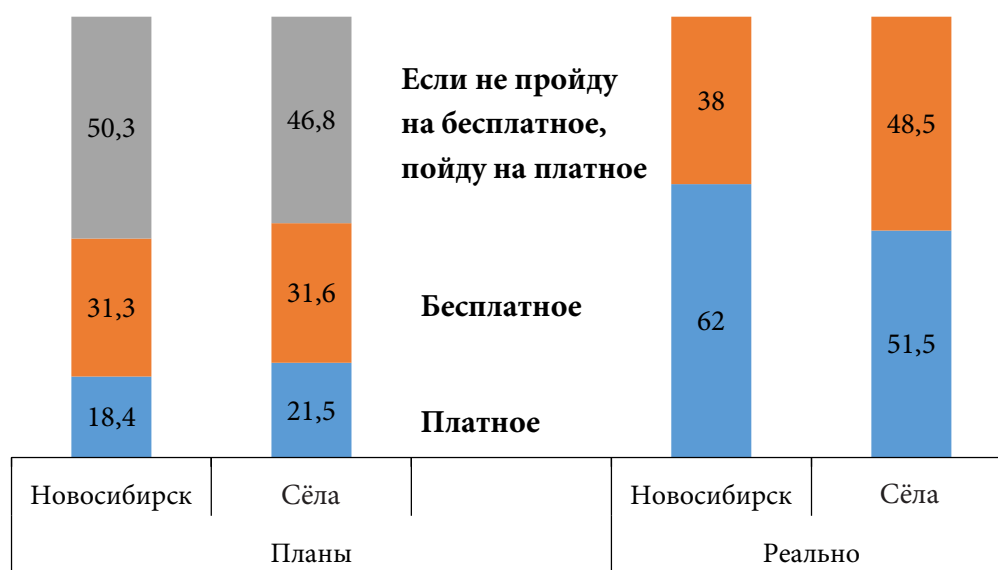

Рис. 9. Выбор бюджетного или платного обучения в планах и в реальности выпускниками школ Новосибирска и сёл области, %

Итак, преобладающей образовательной стратегией сельских выпускников 11-летки теперь стала стратегия, уже долгие годы отмечающаяся у юношей и девушек больших городов, – получение высшего образования. Между тем, для сегодняшних вузов (в отличие от прошлого) характерна большая дифференциация по качеству обучения. Официальной номинации уровней качества вузов нет. Тем не менее, сегодня в научном и общественном дискурсе сложилась система обозначений вузов, которая несёт на себе черты структурного упорядочивания. В научных разработках предлагается выделять следующие основные типы вузов: массовые, коммерческие, полуплатные, элитные [Ключарев 2013]. Общественный дискурс помещает на одном полюсе престижные и ведущие вузы, а на другом – наиболее слабые, к которым относит большинство негосударственных и наименее популярные государственные, а также большую часть филиалов. Есть много промежуточных позиций, где сосредоточены учебные заведения средней пре-

Как выпускники школ Новосибирска, так и сёл области в большинстве планируют и реально поступают в государственные учебные заведения на бюджетные места.

Общественный дискурс помещает на одном полюсе престижные и ведущие вузы, а на другом – наиболее слабые, к которым относит большинство негосударственных и наименее популярные государственные, а также большую часть филиалов.

стижности, их ещё называют «массовыми». Этими оценками и представлениями, а также связанными с ними различиями в качестве обучения, в степени конкурентной доступности осознанно и латентно руководствуются выпускники средних школ, выстраивая образовательные стратегии. Для того чтобы выяснить, хотя бы приблизительно, как эта структурная упорядоченность отражается в образовательных стратегиях молодёжи, в операциональном плане был разработан (на основе экспертных оценок работников органов образования Новосибирска) ранг новосибирских вузов – от первого, высшего ранга до седьмого, низшего¹. По тем же семи позициям была закодирована информация и по вузам других городов, к которым обращалась очень небольшая часть опрошенных.

На рис. 10 приведены распределения по рангу вузов, отмеченных в планах опрошенных выпускников школ в сёлах области и в Новосибирске.

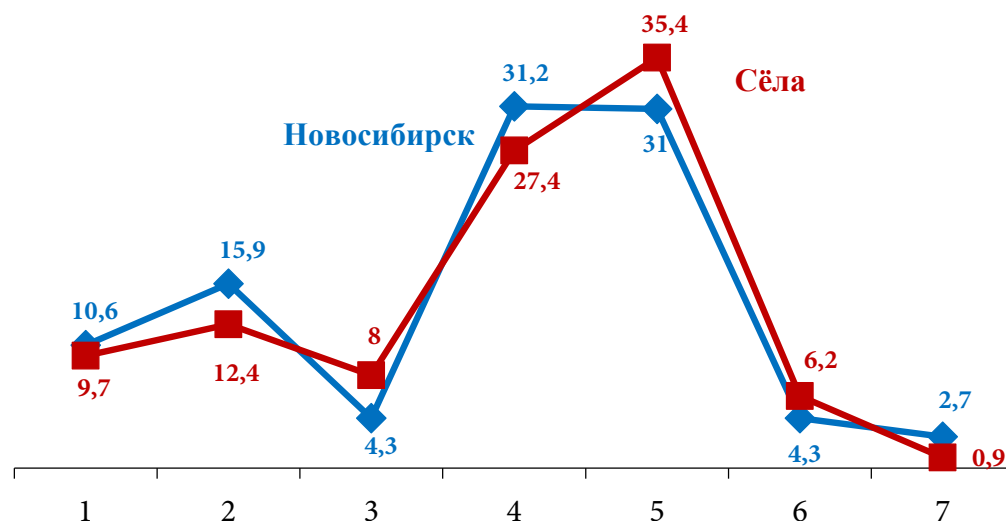

Рис. 10. Планы на учёбу в вузах выпускников школ Новосибирска и сёл области: распределение по рангу вузов, %

В расчётах учитывалось до трёх названий вузов, в которые респонденты планировали поступать. Следует иметь в виду, что величина попавших в своём выборе в тот или иной ранг вузов зависит ещё и от количества вузов, приписанных к тому или иному рангу. Так, наивысший первый ранг присвоен только одному, самому престижному Новосибирскому государственному университету, второй ранг – также одному, следующему за ним по репутационной популярности Новосибирскому государственному техническому университету, а в следующие ранги попадает уже большее число вузов: в третий – два, в четвёртый – 7, в пятый – 10, в шестой – 3, в седьмой – 5.

¹ 29 вузов Новосибирска были распределены по семи рангам. Их список мы не приводим по этическим соображениям.

Существенной характеристикой планов на поступление в вуз является большая доля ориентирующихся на самые престижные учебные заведения и незначительная – на самые низко оцениваемые. Хотели бы учиться в двух ведущих университетах (в сумме 1-го и 2-го рангов) больше четверти старшеклассников Новосибирска и чуть меньше четверти сельских 11-классников, тогда как вузы 6-го и 7-го рангов привлекают всего 7% первых и 7,1% – вторых. Сельская молодёжь, скромнее оценивающая свою конкурентоспособность, несколько сдержаннее в своих ориентациях на ранги вузов. Эта «сдержанность» проявляется ступенчато: по сравнению с новосибирцами при выборе вузов первых трёх рангов селяне уступают по доле ориентирующихся на первые два, но обгоняют по последнему в подгруппе – третьему; в подгруппе наиболее массовых отраслевых вузов четвёртого и пятого рангов ориентации сельской молодёжи вновь ниже по начальному – четвертому – рангу и, напротив, выше по чуть более низкому – пятому.

Результаты реального поступления в вузы, распределённого по их рангам, представлены на рис. 11. Примечательно, что существенная часть сельской молодёжи, очевидно наиболее подготовленная, добивается больших, нежели новосибирцы, успехов в получении учебных мест наиболее престижных вузов. В вузы первого и второго рангов попадают 21,2% сельских выпускников. Это чуть меньше, чем доля планировавших такой выбор (22,1%), а в НГТУ поступают даже больше (15,4%), чем ориентировались на него (12,4%). Между тем, новосибирские выпускники в реальности оказываются в вузах первого и второго рангов существенно реже (17,6%), нежели планировали (26,5%). На другом полюсе – в вузах низкой престижности шестого и седьмого рангов – также отмечается небольшое преимущество селян: доля попавших в эти вузы у них ниже (5,7%), чем у новосибирцев (8,9%). Вместе с тем, в подгруппе вузов наиболее массового выбора сельская молодёжь уступает юношам и девушкам из Новосибирска: соотношение попавших в учебные заведения четвёртого и пятого рангов у выпускников сельских школ сильно скошено в пользу пятого ранга (12,5 к 57,7%), а у новосибирцев – более уравновешено (30,6 к 40%). Тот факт, что больше половины сельских выпускников в реальности оказываются в вузах, отнесённых к пятому рангу, отчасти объясняется тем, что среди них многие выбирают специальности, по которым ведётся подготовка в педагогическом университете. Кроме того, специальности в сфере экономики, менеджмента, финансов они чаще получают в недавно созданных вузах (отнесённых к пятому рангу), в то время как новосибирские выпускники к этим сферам деятельности чаще готовятся в одном из старейших и репутационных вузов (отнесённом к третьему рангу).

Существенная часть сельской молодёжи, очевидно наиболее подготовленная, добивается больших, нежели новосибирцы, успехов в получении учебных мест наиболее престижных вузов.

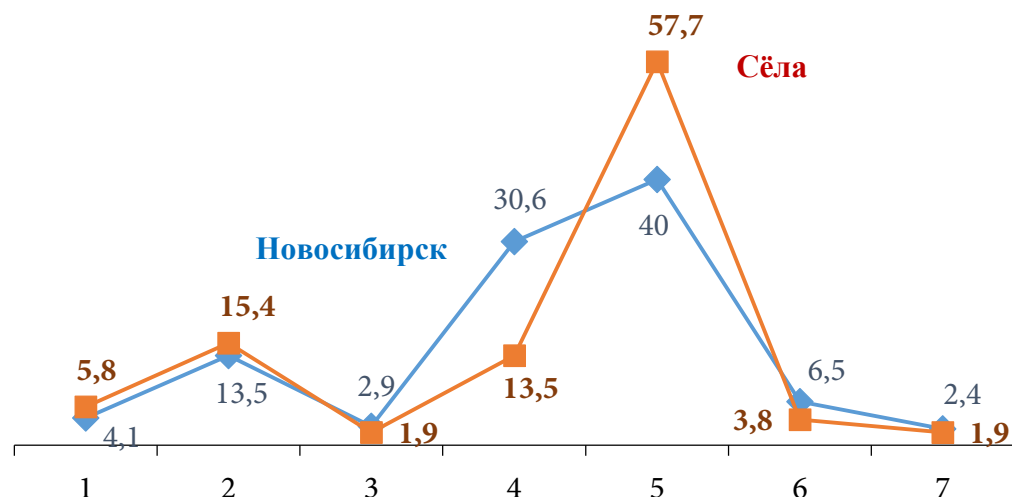

Рис. 11. Реальный выбор вузов выпускниками школ Новосибирска и сёл области: распределение по рангу вузов, %

Среди сельских выпускников несколько больше, нежели среди новосибирцев, имеющих преимущества при поступлении в вуз – 35,4 и 28,2%, соответственно. Поступают в вуз по целевому набору 15,2% селян и 9,7% новосибирцев, относятся к льготным категориям, соответственно, 12,7 и 5,6% и являются призёрами олимпиад 8,9% выпускников сельских школ и 7,9% – новосибирских. Вместе с тем, следует иметь в виду, что для сельской молодёжи учёба в вузах означает переезд из родного дома в город, главным образом в Новосибирск, т. е. им приходится преодолевать гораздо большие барьеры, сталкиваться с проблемами жизнеустройства и жизнеобеспечения в более раннем возрасте, чем новосибирцам.

Образовательные стратегии и статус родителей

Почему к 2013 г. в образовательных стратегиях выпускников сельских средних школ в сравнении с таковыми выпускников Новосибирска стало больше общих черт, чем специфических отличий, которые наблюдались 15 лет назад, по результатам обследования 1998 г.? Напомним, что обнаруженные тогда существенные отличия в структуре планов на образование сельской молодёжи от городской объяснялись тем, что они формировались под влиянием более «слабой» образовательной инфраструктуры, более низкого качества школьного обучения, особенностей рынка труда и спроса на кадры разной квалификации, характерных для села, а также по причине специфического социального состава выпускников сельских школ. Среди них, в сравнении со сверстниками из Новосибирска, было гораздо меньше тех, кто по своему социально-профессиональному происхождению принадлежал

к высоким стратам социальной иерархии, и, напротив, существенно больше был удельный вес занимающих её нижние этажи (см. таблицу 2, первый и второй столбцы цифр). Тогда больше половины сельских выпускников составляли выходцы из семей служащих и рабочих, и только по одной десятой приходилось, соответственно, на руководителей и специалистов с высшим образованием; ещё почти одну пятую составляла юноши и девушки из семей мелких собственников. У выпускников школ Новосибирска наблюдалась практически обратная картина: более половины приходилось на детей руководителей и специалистов с высшим образованием, менее трети – на детей служащих и рабочих и немного – около одной десятой – на детей мелких собственников.

Таблица 2

Социально-профессиональный статус семей выпускников школ
Новосибирска и сёл области в 1998 и 2013 гг., %

Статус	1998		2013	
	Сёла	Новосибирск	Сёла	Новосибирск
Руководители	11,4	26,3	13,5	16,3
Специалисты с высшим образованием	10,1	29,7	20,3	26,1
Специалисты со средним специальным образованием и служащие	29,1	20,1	12,2	17,8
Работники торговли, сферы обслуживания, ЖКХ			5,4	5,4
Представители армии, полиции, таможни и т. п.			5,4	5,4
Владельцы бизнеса	19,0	12,4	18,9	13,4
Рабочие	30,4	11,5	24,3	15,6
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Тогда, ссылаясь на ряд исследований [Нуман 1966: 488–499], мы объясняли, что для разных социальных групп характерны свои преобладающие системы ценностей, в том числе ценности образования и представления о его роли в достижении жизненных целей. В исследовании 1998 г. при ответе на вопрос «Каковы, по Вашему мнению, пути достижения успеха в жизни?» респонденты в числе прочих могли выбрать ответ: «много учиться и повышать уровень своего образования». Доля выбравших этот ответ выразительно варьировала в зависимости от социального происхождения молодёжи: она была максимальная у детей специалистов (44,2%), высокая – у детей руководителей (42,6%), снижалась у детей служащих (38,3%), ещё ниже – у детей рабочих (34,4%) и была небольшой у детей мелких собственников (24,1%). Тогда сниженные устремления в образовательных стратегиях

сельской молодёжи мы относили, наряду с иными обстоятельствами, на счёт того, что большая часть этой группы принадлежала к выходцам из более низкостатусных слоёв, придающих меньшую ценность образованию. Как на этот счёт обстоит дело сегодня?

Из таблицы 2 (третий и четвёртый столбцы цифр) следует, что распределения по статусу происхождения выпускников сельских школ и школ Новосибирска в 2013 г. оказываются относительно схожими, во всяком случае – гораздо более схожими, чем таковые были в 1998 г. Если тогда доля выходцев из семей руководителей у сельской молодёжи была почти втрое ниже, чем у молодых новосибирцев, то в 2013 г. она меньше всего на 2,8 процентных пункта. Выпускников из семей специалистов с высшим образованием у молодёжи сёл, в сравнении с городом, 15 лет назад было почти втрое меньше, а в 2013 г. – только на 5,8 процентных пункта. На другом полюсе – выходцы из рабочих семей: в 1998 г. их было почти втрое больше среди сельских юношей и девушек, в сравнении с новосибирцами, а в 2013 г. больше только в полтора раза.

Разумеется, к 2013 г. на динамику изменений социально-профессионального состава по происхождению выпускников средних школ Новосибирска и сёл области и связанных с ними обнаруженных выше изменений ориентаций и реального поведения молодёжи в сфере образования влияло множество факторов. Среди них – общий рост благосостояния населения, позволяющий родительской семье гораздо дольше содержать обучающегося ребёнка, а также нередко и платить за получаемое образование; переход на «подушевое» финансирование общеобразовательной школы, заинтересованной теперь в «удержании» учащихся; большое расширение таких форм профессионального образования, как система среднего специального (отчасти) и высшего образования (главным образом); воздействие демографического спада численности сверстников. Эти и ряд других факторов проявились в том, что перемены в социальном составе выпускников средних школ сёл и города Новосибирска происходили разнонаправленно. Охват обучением в средних школах Новосибирска (из-за демографических причин) повысился и социальный состав их выпускников стал более «демократичным», т. е. в нём теперь несколько больше представителей семей рабочих, работников торговли, сферы обслуживания, военных и полицейских, служащих и, напротив, относительно меньше выходцев из семей специалистов с высшим образованием и существенно меньше – из семей руководителей. До окончания дневной 11-летки стало «добегать» больше представителей всей возрастной когорты. Иным представляется её движение по классам дневной школы на селе. Как следует из данных таблицы 2, к выпуску из 11-го класса сельской средней школы социальный состав уча-

Пропорции распределения сельских выпускников по социальному происхождению стали по многим позициям схожими с таковыми у новосибирцев.

щихся изменился таким образом, что в нём стало гораздо больше представителей «элитных» групп и слоёв (специалистов с высшим образованием) и меньше выходцев из низкостатусных слоёв (рабочих). Таким образом, пропорции распределения сельских выпускников по социальному происхождению стали по многим позициям схожими с таковыми у новосибирцев.

Как показали результаты, приведённые выше на рисунках 3 и 6, на учёбу в 10-й класс переходила в 2013 г. половина выпускников сельской 9-летки, а аттестаты зрелости о среднем образовании получало около 40% их численности (соответственно, 60 и 57% от числа выпускников городской основной школы). На селе большая часть молодёжи из более «демократичных» слоёв населения оставляет учёбу в школе, не доходя до ступени полного среднего образования. Воспользовавшись ослаблением конкурсной ситуации при приёме в учреждения СПО на базе основного образования, они всё чаще стали поступать в эти учебные заведения. Именно представители низкостатусных и массовых слоёв сельского населения обнаруживают стремление к более ранней профессионализации и началу трудовой деятельности¹. В результате действия указанных выше факторов на селе к окончанию 11-го класса в дневной школе стала оставаться только та часть сельских сверстников, которые целеустремлённо ориентируются на поступление в вузы. Эти установки, как известно, в тенденции более характерны выходцам из более образованных семей и принадлежащих к более высоким социальным стратам по статусу. Именно этим обстоятельством во многом объясняется та существенная степень схожести характеристик образовательных стратегий выпускников сельских и новосибирских средних школ, которая на материалах обследования 2013 г. была продемонстрирована выше.

Заключение

Итак, влияние общих факторов изменения условий жизни, развития системы школьного и профессионального образования, перемен демографической ситуации во многом определяет то, как складываются образовательные стратегии сельской молодёжи в сравнении с их сверстниками из городов. В одних случаях результаты этого воздействия сказываются в виде общих для всей молодёжи тенденций, в других – определяют специфику образовательных установок и поведения той или другой группы молодёжи.

¹ Косвенно это подтверждают результаты нашего исследования рабочей молодёжи (опрос тысячи молодых рабочих промышленных предприятий в 13 регионах РФ в 2009 г. и интервьюирование 62 человек в 2010 г. – рук. Д. Л. Константиновский): те из них, кто мигрировали из сёл, начинали свою трудовую жизнь (в том числе поступая в ПУ и суззы) после окончания 9-летки (иногда даже ранее), принадлежали к низкостатусным слоям по своему происхождению.

Отмечая неизбежное воздействие демографической ситуации на опции молодёжи на этапах бифуркации образовательного пути, нельзя преуменьшать влияние такого важного фактора, как наличная локальная структура и сеть учебных заведений разных уровней образования. Нараставший к 2010 г. «поворот потока» сельских выпускников 9-летки в систему СПО во многом определялся тем, что им предлагалась широкая сеть колледжей и технических лицеев, их филиалов в небольших поселениях, тем самым приближенных к родным местам сельской молодёжи. В выборе учёбы в вузах частью сельских 11-классников также существенную роль играли вузы относительно более низкого ранга, филиалы вузов.

Сложившаяся в предыдущие годы весьма благоприятная ситуация с профессиональной подготовкой сельской молодёжи оказывается в настоящее время недостаточно стабильной. Специалисты, анализирующие на региональном уровне сегодняшние условия реформируемой образовательной среды и запросы рынка труда, обнаруживают новые вызовы и социальные противоречия [Арсентьева, Харченко 2015]. Так, в соответствии с проводимой реформой в Сибирском регионе административно-управленческие и финансовые решения осуществляются как на региональном уровне (за счёт «оптимизации», реализуемой как сокращение числа общеобразовательных школ, объединение или закрытие профессиональных училищ, реструктурирование учебных заведений начального и среднего профобразования, которое привело к заметному сокращению численности обучающихся в ПУ, а также ликвидации самих ПУ в ряде городов и районов областей), так и на федеральном (закрытие или реструктурирование вузов и филиалов вузов, признанных неэффективными, и др.). Признавая, что такие действия являются во многом реакцией на демографические процессы, специалисты констатируют, что «реструктуризация» учебных заведений и в частности сокращение подготовки по рабочим профессиям (и ликвидация самих училищ) стали результатом усиления формализма и бюрократического давления на школы и учреждения профобразования, которым сопровождалось постепенное внедрение новых федеральных государственных образовательных стандартов в их нынешнем виде. Сегодня налицо существенное сокращение подготовки по рабочим профессиям в системе профессионального образования. Оно затрагивает главным образом учебные заведения, расположенные в средних и малых населённых пунктах, т. е. прежде всего сказывается на возможностях получения профессиональной подготовки сельской молодёжью, выбирающей «неакадемическую» траекторию. Вместе с тем, в новый Закон «Об образовании в Российской Федерации» заложены возможности для новой организации образовательных процессов и нового понимания результатов профессионального образова-

«Реструктуризация» учебных заведений (в частности, сокращение подготовки по рабочим профессиям и ликвидация самих училищ) стали результатом усиления формализма и бюрократического давления на образовательные учреждения, которыми сопровождалось внедрение новых федеральных государственных образовательных стандартов в их нынешнем виде.

ния. Их реализация зависит от своевременной корректировки управленческих решений, в которых бы находили отражение не только задачи внутриведомственной оптимизации, но и цели социальной и экономической эффективности всего общества.

Создание лучших возможностей для реализации способностей и сущностных сил молодёжи, и в частности сельской, в ходе получения общего и профессионального образования (иначе говоря, оптимизации её образовательных стратегий), на что направлены усилия нашего общества, возможно путём совершенствования социальных подсистем и прежде всего систем общего и профессионального образования в опоре на новые положительные тенденции в их развитии, а также благодаря улучшению ресурсов самой молодёжи, что лежит в рамках действий институционального и социетального порядков.

Библиографический список

Арсентьева Н. М., Харченко И. И. 2015. Современные вызовы системе профессионального образования и проблемы формирования кадровой базы экономики сибирских регионов // Сборник итоговых докладов XVI Апрельской международной конференции НИУ ВШЭ. Том 4. URL.: <https://conf.hse.ru/2015/sbornik> [Дата посещения: 28.08.2016].

Бессуднов А. Р., Малик В. М. 2016. Социально-экономическое и гендерное неравенство при выборе образовательной траектории после окончания 9-го класса средней школы // Вопросы образования. № 1. С. 135–167.

Демографический ежегодник России 2001. Стат. сб. М.: Госкомстат, 2001. 404 с.

Демографический ежегодник России 2015. Стат. сб. М.: Росстат, 2015. 263 с.

Ключарев Г. А. 2013. «Проблема мелюзги», образовательные неравенства и эффективность вузов как социально-экономические индикаторы // Вестник Института социологии. № 6. С. 234–251. URL.: <http://www.vestnik.isras.ru/article/229> [Дата посещения: 23.08.2016].

Константиновский Д. Л. 1999. Динамика неравенства. Российская молодёжь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му). М.: Эдиториал УРСС. 344 с.

Образование в Российской Федерации: 2007. Стат. ежегодник. М.: ГУ ВШЭ, 2007. 484 с.

Образование в Российской Федерации: 2010. Стат. сб. М.: ГУ ВШЭ, 2010. 492 с.

Образование в Российской Федерации: 2012. Стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 444 с.

Образование в Российской Федерации: 2014. Стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2014. 464 с.

Первичные данные, официально предоставленные в 2008–2011 гг. Отделу социологии образования ИС РАН Федеральным агентством по статистике РФ.

Постановление Правительства РФ от 17 декабря 2001 г. № 871 «О реструктуризации сети общеобразовательных учреждений, расположенных в сельской местности (с изменениями на 1 февраля 2005 года)» // Консорциум «Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/901807007> [Дата посещения: 22.10.2016].

Hyman H. H. 1966. The Value Systems of Different Classes // Class, Status, and Power. Social stratification in comparative perspective, 2e ed. London: Routledge and Kegan Paul. P. 488–499.

DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.428

Village School Graduates: Educational Strategies

Cherednichenko Galina Anatolievna

Doctor of Sociology, senior researcher, Department of Sociology of Education Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: galcher50@mail.ru

Abstract. Government statistical data and materials from sociological studies are used to examine the educational strategies of village youth. Analysis is carried out in a comparative manner – the processes and phenomena which characterize village youths are compared with such attributed to urban youths. The statistical data is analyzed within the dynamics of the period from the 1990's through the 2010's. It is revealed that village youths' educational strategies, compared to those of their urban peers, are shaped under the influence of common factors of living conditions changes, the development of school and professional education systems, shifts in the demographic situation (transition from the abundant generations of the late 1990's and early 2000's to the sparse generations of the late 2000's). After finishing basic schooling most village youths choose to go down the "non-academic" path: they transfer to secondary professional training, while young men and women from cities, for the most part, continue to attend day high school. Those who are currently receiving a complete secondary education in rural areas are much more socially selected relative to the social structure of the village population, when compared to their peers from urban secondary schools relative to the general city population. These village youths are to a much greater extent than before consolidated in their pursuit of higher education. As a result a situation has developed towards the early 2010's when the majority of rural high school graduates enrolled into universities, so their educational attitudes and their actual choices turned out to be quite similar to the aspirations of youths from cities. Shown is the demographic situation's influence (during varying chronological periods) on youths' options at certain stages of choosing an educational path, and also indicated is how they are affected by such a crucial factor as the existing local structure, a network of educational facilities for various levels of general and professional education.

Keywords: rural youth, urban youth, educational strategies, graduates from general secondary school, graduates from high school, secondary specialized education, higher education.

References

Arsent'eva N. M., Harchenko I. I. Sovremennye vyzovy sisteme professional'nogo obrazovaniya i problemy formirovaniya kadrovoy bazy ekonomiki sibirskih regionov [Contemporary Challenges to the System of Education and Problems of Formation of the Human Resource Base of the Economy of Siberian Regions]. NRU HSE Official website. URL: <https://conf.hse.ru/2015/sbornik> [date of visit: 28.08.2016].

Bessudnov A. R., Malik V. M. Social'no-ekonomicheskoe i gendernoe neravenstvo pri vybore obrazovatel'noy traektorii posle okonchaniya 9-go klassa sredney shkoly [Socio-Economic and Gender Disparities in the Choice of Educational Path after Finishing of the 9-th Step of Secondary School]. *Voprosy obrazovaniya*, 2016, no 1, pp. 135–167.

Demografichesky ezhegodnik Rossii 2001 [Demographic Yearbook of Russia 2001]. Moscow, Goskomstat, 2001. 404 p.

Demografichesky ezhegodnik Rossii 2015 [Demographic Yearbook of Russia 2015]. Moscow, Rosstat, 2015. 263 p.

Hyman H. H. The Value Systems of Different Classes. Class, Status, and Power. Social stratification in comparative perspective, second edition. London, Routledge and Kegan Paul, 1966, pp. 488–499.

Kliuchariov G. A. «Problema meliuzgi», obrazovatel'nye neravenstva i effektivnost' vuzov kak social'no-ekonomicheskie indicatory [The Problem of “small-fry”, Education Inequalities and Efficiency of Universities as Indicators of Social-Economic Development]. *Vestnik Instituta sotziologii*, 2013, no 6, pp. 234–251. URL: <http://www.vestnik.isras.ru/article/229> [date of visit: 23.08.2016].

Konstantinovskiy D. L. Dinamika neravenstva. Rossiyskaya molodiozh' v meniajuschemsya obschestve: orientacii i puti v sfere obrazovaniya (ot 1960-h godov k 2000-mu) [The Dynamics of Inequality. Russian Youth in a Changing Society: Orientations and Paths in Education (from 1960 to 2000)]. Moscow, Editorial URSS, 1999. 344 p.

Obrazovanie v Rossiyskoy Federacii: 2007 [Education in Russian Federation: 2007]. Moscow, SU HSE, 2007. 484 p.

Obrazovanie v Rossiyskoy Federacii: 2010 [Education in Russian Federation: 2010]. Moscow, SU HSE, 2010. 492 p.

Obrazovanie v Rossiyskoy Federacii: 2012 [Education in Russian Federation: 2012]. Moscow, NRU HSE, 2012. 444 p.

Obrazovanie v Rossiyskoy Federacii: 2014 [Education in Russian Federation: 2014]. Moscow, NRU HSE, 2014. 464 p.

Pervichnye dannye, oficial'no predostavlennyye v 2008–2011 gg. Otdelu sociologii obrazovaniya IS RAN Federal'nym agentstvom po statistike RF [Primary Data Officially submitted in 2008–2011 to the Department of Sociology of Education of the Institute of Sociology RAS by Federal Agency for Statistics]. Not publ.

Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 17.12.2001 № 871 «O restrukturizacii seti obscheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy, raspolozhennykh v selskoy mestnosti (s izmeneniyami na 1.02.2005)» [RF Government Resolution of 17 December 2001 № 871 “On the Restructuring of the Network of Educational Institutions Located in Rural Areas (as amended at February 1, 2005)”]. Konsorcium «Codex» website. URL.: <http://docs.cntd.ru/document/901807007> [date of visit: 22.10.2016].

Т е м а н о м е р а Социология образования: современные реалии

Ссузы глазами выпускников: работа vs продолжение образования

Гаспаршвили Александр Тенгизович –
кандидат философских наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела социологии
образования, Институт социологии Российской
академии наук, Москва

E-mail: gasparishvili@gmail.com

Ссузы глазами выпускников: работа vs продолжение образования

DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.429

Аннотация. В статье анализируются учреждения по подготовке специалистов среднего звена – прежде всего, связи между социально-демографическими характеристиками выпускников ссузов и их мнениями, представлениями об избранных специальностях, мотивами выбора профессии и своего будущего жизненного пути. Статья подготовлена на основе материалов социологического исследования, посвящённого проблемам профессиональных ориентаций и планов выпускников российских ссузов, проведённого исследовательским коллективом ИС РАН под руководством Д. Л. Константиновского в 2014 г. В ходе исследования выпускники объясняли, чем обусловлен их выбор профессии, что повлияло на этот выбор, делились своими планами относительно того, чем они собираются заниматься после завершения учёбы, высказывали своё мнение о качестве полученного образования и его необходимом уровне для успеха в жизни. Судя по полученным данным, значительное большинство выпускников ссузов (70%) собираются выйти на рынок труда. Тех, кто думают продолжить образование сразу после окончания ссуза и заниматься только учёбой, относительно немного – 16%. Ещё 2% собираются всецело посвятить себя семейной жизни. Уверены в том, что будут работать по специальности, – менее половины выпускников (45%). Большая часть опрошенных в поисках работы рассчитывают прежде всего на неинституциональные ресурсы. Тех, кто собираются воспользоваться институциональными ресурсами, почти в два раза меньше. Образование, полученное в ссузе, считают достаточным для успеха в жизни менее 10% выпускников. Значительное большинство (более 70%) говорят о необходимости высшего образования. Проведённый анализ позволяет сделать заключение, что для большинства учащихся ссузов система среднего специального образования является промежуточным этапом в планируемой жизненной траектории. Закончив ссуз, они будут, как правило, самостоятельно искать работу, не будучи уверенными, смогут ли трудоустроиться по специальности. Это связано не только с проблемами рынка труда, но и с качеством подготовки будущих специалистов – 40% выпускников не находят для себя полезными знания, полученные по специальности. Поприсутствовав какое-то время на рынке труда в качестве специалистов среднего звена, многие из них поступят в вузы, получат высшее образование и попытаются построить свои судьбы в соответствии со своими представлениями об успехе в жизни.

Ключевые слова: выпускники, мотивация, образование, рынок труда, среднее специальное образование, мнения, трудоустройство

Сегодня перед нашей страной особенно остро стоит задача достижения успешного функционирования промышленности и развития передовых технологий. Важной составляющей решения этой задачи является подготовка квалифицированных кадров среднего звена. Ссузы должны научить молодых людей профессии, воспитать профессионалов. Опыт большинства передовых экономик свидетельствует, что в первую очередь благодаря труду специалистов среднего звена достигаются основные успехи в промышленности и технологии.

В 2013–14 гг. в Российской Федерации работало 2703 ссузов – профессиональных образовательных организаций, реализующих программы среднего профессионального образования. Из них 2488 государственных и муниципальных, 215 частных [Образование в Российской Федерации... 2014]. Они равномерно распределены по субъектам РФ, причём работают как в крупных, так и в малых городах, и даже в ПГТ, что создаёт благоприятные условия для удовлетворения образовательных потребностей населения и кадровых потребностей экономики. Относительно низкая стоимость и короткий срок обучения делают среднее специальное образование привлекательным как для отдельных граждан, так и в масштабах государства [Ибрагимов 2006].

Специалисты с дипломами среднего специального образования должны сыграть важнейшую роль в модернизации экономики нашей страны, в превращении её в глобального экономического лидера.

О необходимости подготовки специалистов среднего звена постоянно говорят с трибун самого разного уровня – парламентского, правительственного, министерского. Дефицит таких специалистов в российской как инновационной, так и не претендующей на какие-либо технологические и организационные прорывы, обычной, традиционной сфере экономики был определён как особо серьёзная проблема. В Министерстве образования и науки на состоявшемся в Государственной Думе в январе 2015 г. круглом столе на тему «Совершенствование системы среднего профессионального образования» было отмечено, что, согласно данным статистики, за период с 1993 г. по настоящее время количество студентов вузов увеличилось вдвое, а количество специалистов среднего звена не изменилось [План по совершенствованию... 2015].

Что происходит с системой среднего специального образования? Готовит ли она специалистов для экономики или является ступенью подготовки молодых людей к поступлению в вузы? Становятся ли ссузы более привлекательными для молодых людей?

Попытаемся проследить, какую роль играют ссузы в современном российском обществе: готовят ли они квалифицированные кадры, которые будут обеспечивать техно-

Опыт большинства передовых экономик свидетельствует, что в первую очередь благодаря труду специалистов среднего звена достигаются основные успехи в промышленности и технологии.

Относительно низкая стоимость и короткий срок обучения делают среднее специальное образование привлекательным как для отдельных граждан, так и в масштабах государства.

логическое и промышленное развитие нашей страны, или они являются для молодых людей ступенью для получения более высокого уровня образования? Мы сделаем это на основе данных социологического исследования, проведённого исследовательским коллективом ИС РАН под руководством Д. Л. Константиновского в 2014 г. Опрос проводился в девяти субъектах РФ, включая Москву и Санкт-Петербург. Опрашивались студенты выпускных курсов ссузов, осваивающие основные профессиональные учебные программы среднего профессионального образования базового и повышенного уровня. Всего было опрошено 600 студентов.

Обратимся к выявлению, мотивов, которыми руководствовались при поступлении в ссуз нынешние их старшекурсники (см. рис. 1).

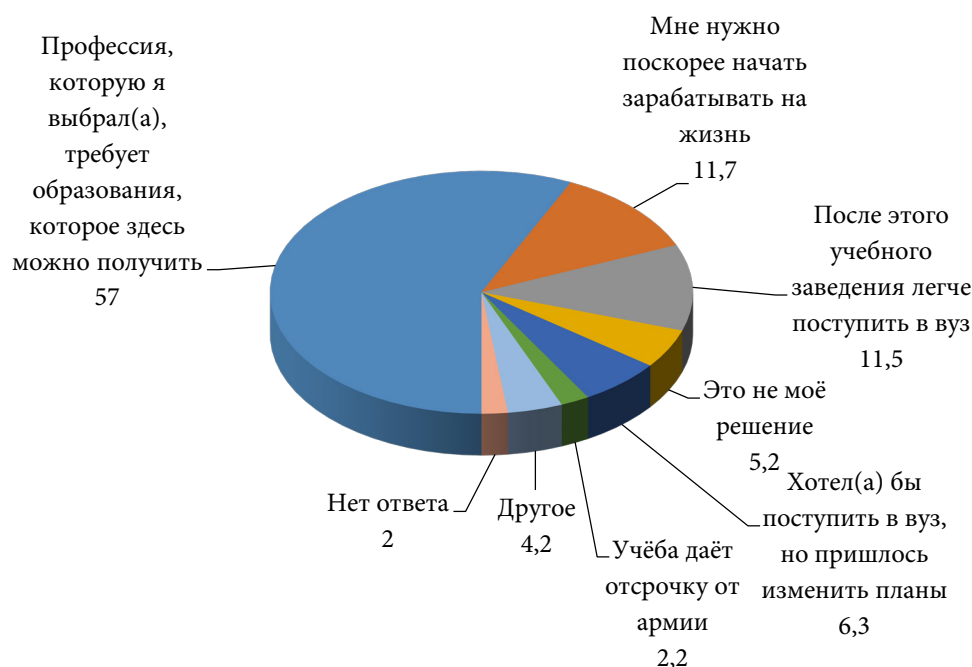

Рис. 1. Почему Вы решили учиться в этом учебном заведении?, %

Судя по ответам респондентов, основным мотивом выбора учебного заведения являлся интерес к профессии, которую они для себя выбрали. Этим мотивом руководствовались 57% нынешних выпускников. Среди других значимых мотивов можно выделить необходимость поскорее начать зарабатывать на жизнь (11,7%) и уверенность, что после окончания данного среднего специального учебного заведения легче поступить в вуз (11,5%). Доля тех, кто хотели поступить в вуз, но впоследствии по тем или иным причинам изменили свои планы, составляет 6,3%.

Выбор учебного заведения чаще всего обуславливается выбором профессии. Рассмотрим, какими критериями руководствовались выпускники средних специальных учебных заведений при выборе своей будущей специальности.

Причины выбора различных специальностей отражены в [таблице 1](#). Цветом выделены наиболее значимые данные – те, которые выделяются на общем фоне по каждой причине выбора.

Таблица 1

Чем Вас привлекает эта специальность или профессия?, %

Причины	Сфера обслуживания и торговли	Экономика, финансы и кредит, банковское дело	IT-технологии и программирование	Образование и просвещение	Здраво-охранение и медицина	Технические специальности и промышленное производство
Специальность (профессия) мне интересна	61,9	46,1	50,5	68,7	71,2	62,5
Работа по этой специальности высоко оплачивается	23,0	14,8	37,1	9,0	1,9	22,5
Специальность престижна	20,6	32,2	25,8	11,9	13,5	17,5
Смогу приносить пользу своей стране, обществу	12,7	5,2	11,3	38,8	61,5	10,0
Для этой профессии не нужны особые знания	4,8	–	4,1	3,0	1,9	–
Семейная традиция	4,0	9,6	7,2	9,0	5,8	2,5
С этой специальностью можно сделать хорошую карьеру	31,0	44,3	16,5	14,9	5,8	32,5
С этой специальностью легко устроиться на работу в нашей стране	17,5	18,3	14,4	29,9	23,1	12,5
Владея этой специальностью легче уехать на работу за рубеж	2,4	0,9	6,2	4,5	1,9	–
Совпадение моих способностей, наклонностей с характером выбранной специальности	6,3	10,4	12,4	14,9	23,1	15,0
Наиболее подходящий путь в самостоятельную жизнь	13,5	9,6	11,3	11,9	19,2	7,5

При выборе всех профессий наиболее важной является причина «Эта специальность (профессия) мне интересна», но чаще других её называли те, кто собираются связать свою жизнь со сферой образования и медицины. Доминирующие причины выбора этих двух специальностей в значительной мере совпадают – за интересом к профессии следует возможность приносить пользу своей стране, обществу. Далее по значимости следует «возможность легко устроиться на работу в нашей стране».

Выпускники, обучавшиеся по специальностям «Экономика, финансы и кредит, банковское дело», называют интерес к профессии в качестве основной причины реже других. Если среди остальных выпускников ссузов эту причину называют порядка 60–70%, то среди будущих экономистов только 46%. Экономисты в качестве основных причин выбора профессии также называли «возможность сделать хорошую карьеру» и её «престижность».

Для будущих работников сферы обслуживания и торговли «возможность сделать хорошую карьеру» также оказалась на втором месте по значимости. На третьем месте для них – «высокая оплата труда» в сфере обслуживания и торговли.

Высокая оплата труда в совокупности с престижностью в значительной мере определила выбор выпускников, которые прошли обучение в сфере IT-технологий и программирования.

Те, кто получал образование в сфере «технических специальностей и промышленного производства», среди мотивов своего выбора чаще других называли «возможность сделать хорошую карьеру» и «высокую оплату труда» будущей специальности.

Стоит отметить, что работа за рубежом привлекает очень незначительное число выпускников ссузов.

В целом можно выделить два наиболее распространённых оценочных профиля.

Первую группу составляют профессии, главной привлекательной стороной которых является их *прибыльность*, несколько ниже прибыльности оценена престижность, а общественная значимость подобных профессий получила самые низкие оценки по сравнению с этими двумя характеристиками. К этой группе относятся *юристы, финансисты и экономисты, дизайнеры и модельеры*, а также *менеджеры*.

В оценках профессий из второй группы доминирует их *общественная значимость*. Прибыльность данных профессий оценена значительно ниже. В эту группу попадают *врачи, инженеры, конструкторы и проектировщики, учёные, преподаватели вузов*, а также *фермеры*.

Единственной профессией, которая не попала ни в одну из двух выделенных нами групп, являются *военные*, оценки которых, как уже говорилось выше, были наиболее сбалансированы по всем трём показателям.

Примечательно также, что характеристика «престижность» не является доминирующей при оценке ни одной из представленных в анкете профессий.

При выборе всех профессий наиболее важной является причина «Эта специальность (профессия) мне интересна», но чаще других её называли те, кто собираются связать свою жизнь со сферой образования и медицины.

Работа за рубежом привлекает очень незначительное число выпускников ссузов.

Рассмотрим теперь, как зависят оценки данных профессий от социально-демографических характеристик выпускников средних специальных учебных заведений. В ходе дальнейшего анализа будут использованы только совокупные средние оценки профессий, что позволит представить информацию более компактно и наглядно.

На рис. 2 отражена совокупная средняя оценка профессий в зависимости от пола учащихся.

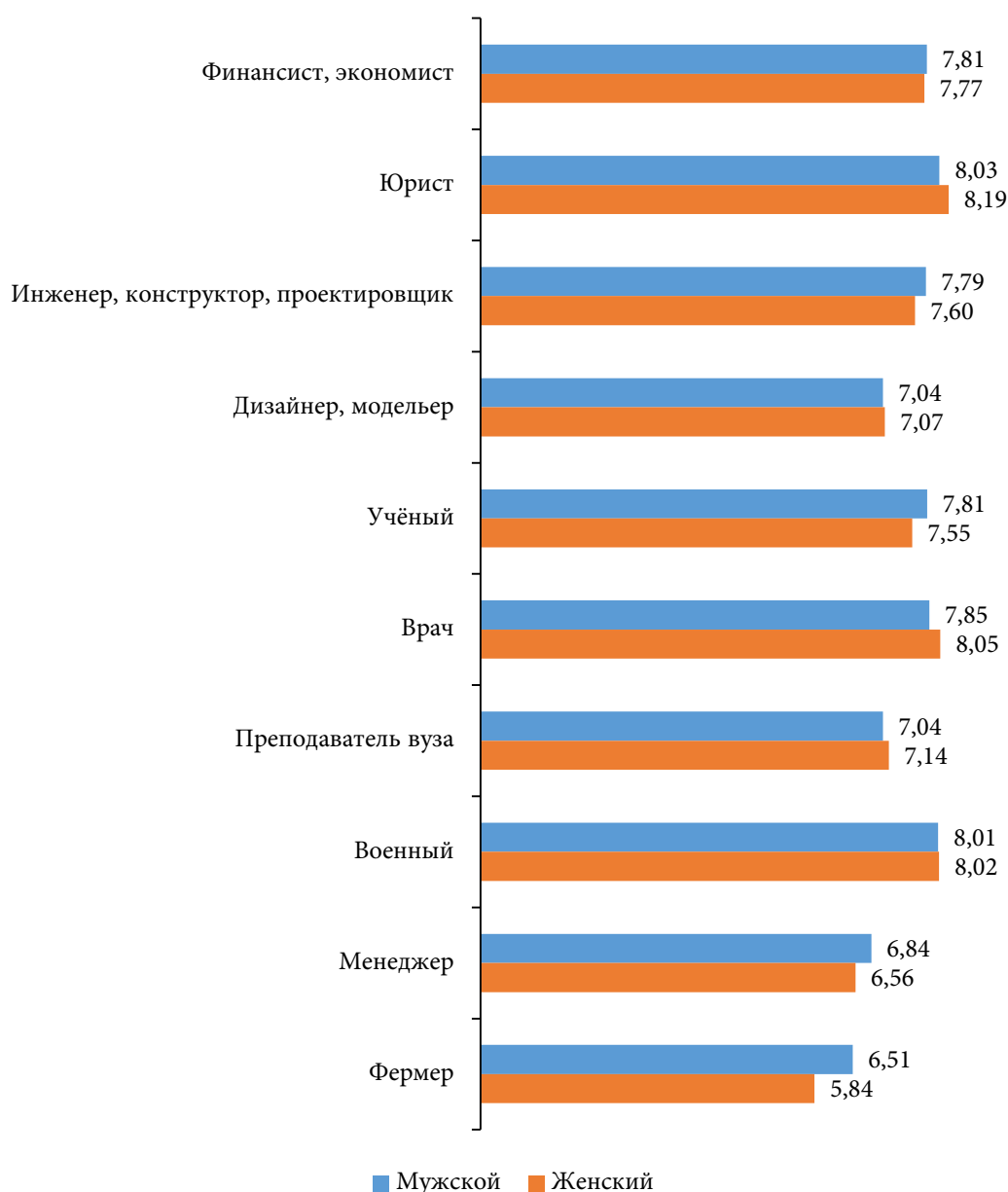

Рис. 2. Совокупная средняя оценка профессий по 10-балльной шкале.
Пол

Оценки профессий юношами и девушками в целом довольно схожи. Только относительно профессии фермера мнения юношей и девушек заметно разошлись (6,51 и 5,84 балла, соответственно). Отметим, что юноши в среднем дали более высокую оценку таким профессиям, как инженер, конструктор, проектировщик, учёный, менеджер. Девушки несколько выше оценили профессии юристов, врачей и преподавателей

Юноши дали более высокую оценку таким профессиям, как инженер, конструктор, проектировщик, учёный, менеджер. Девушки несколько выше оценили профессии юристов, врачей и преподавателей вузов.

вузов. Военные, дизайнеры и модельеры, а также финансисты и экономисты были оценены одинаково, вне зависимости от пола респондентов.

Следующей социально-демографической характеристикой, в рамках которой будут проанализированы оценки профессий, является материальное положение семьи выпускника. Эти данные представлены на рис. 3.

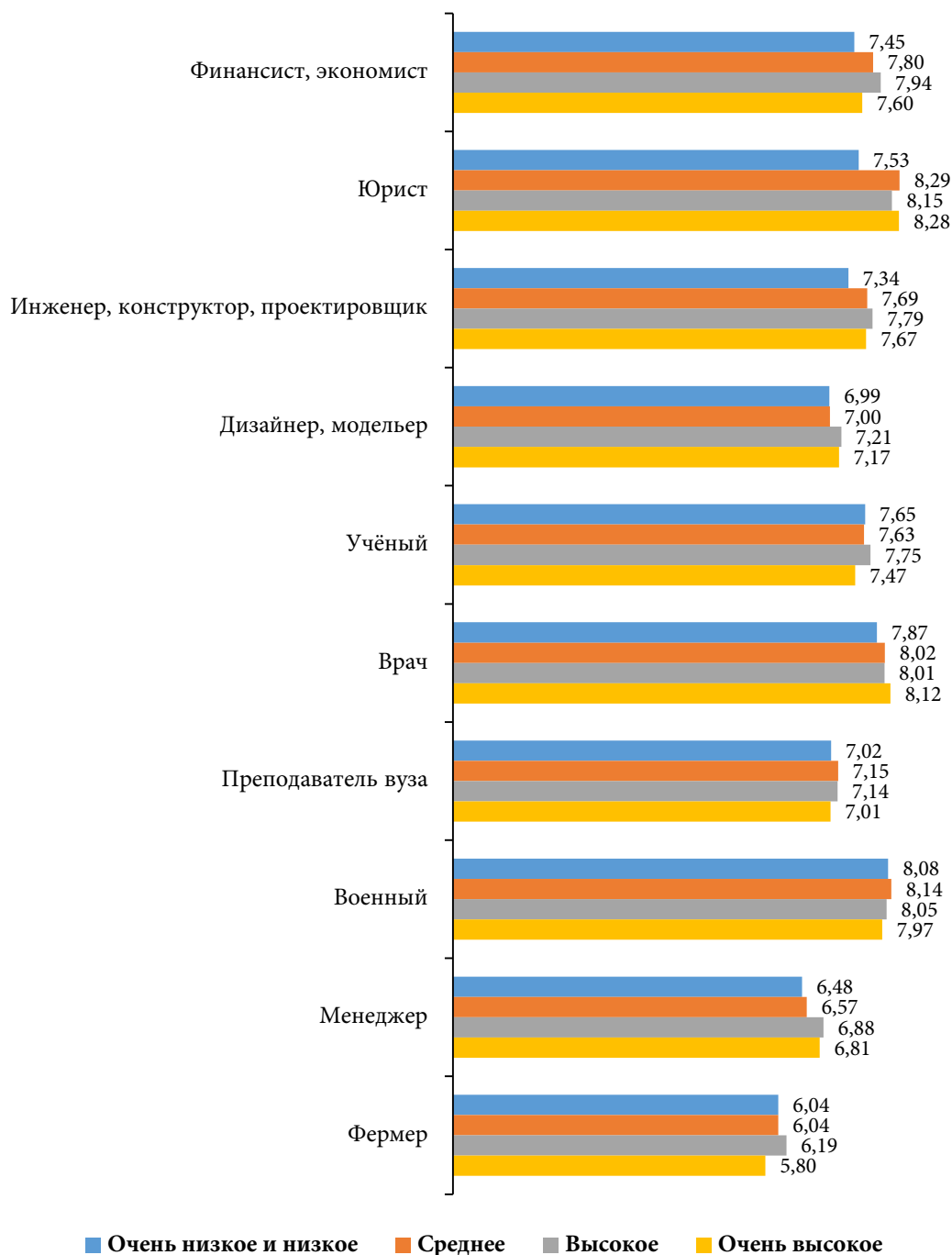

Рис. 3. Совокупная средняя оценка профессий по 10-балльной шкале. Материальное положение семьи

Напомним, что группа респондентов из семей с очень низким материальным положением в силу своей малочисленности не может быть проанализирована отдельно. Поэтому на рис. 3 она объединена с группой с низким уровнем материального достатка.

С ростом уровня благосостояния повышаются оценки профессии врачей, группы профессий «инженеры, конструкторы, проектировщики», а также группы профессий «финансисты-экономисты». Примечательно, что повышение оценок последних двух групп профессий наблюдается только при сравнении выпускников с низким, средним и высоким уровнем материального положения. Группа с очень высоким материальным достатком выбивается из данной тенденции – выпускники из самых богатых семей оценили эти профессии ниже остальных. Кроме того, можно выделить две профессии, оценки которых снижаются с ростом уровня материального положения – это военнослужащие и преподаватели вузов.

Последним показателем, в связи с которым будут рассмотрены оценки профессий, является социальный статус родителей (см. рис. 4).

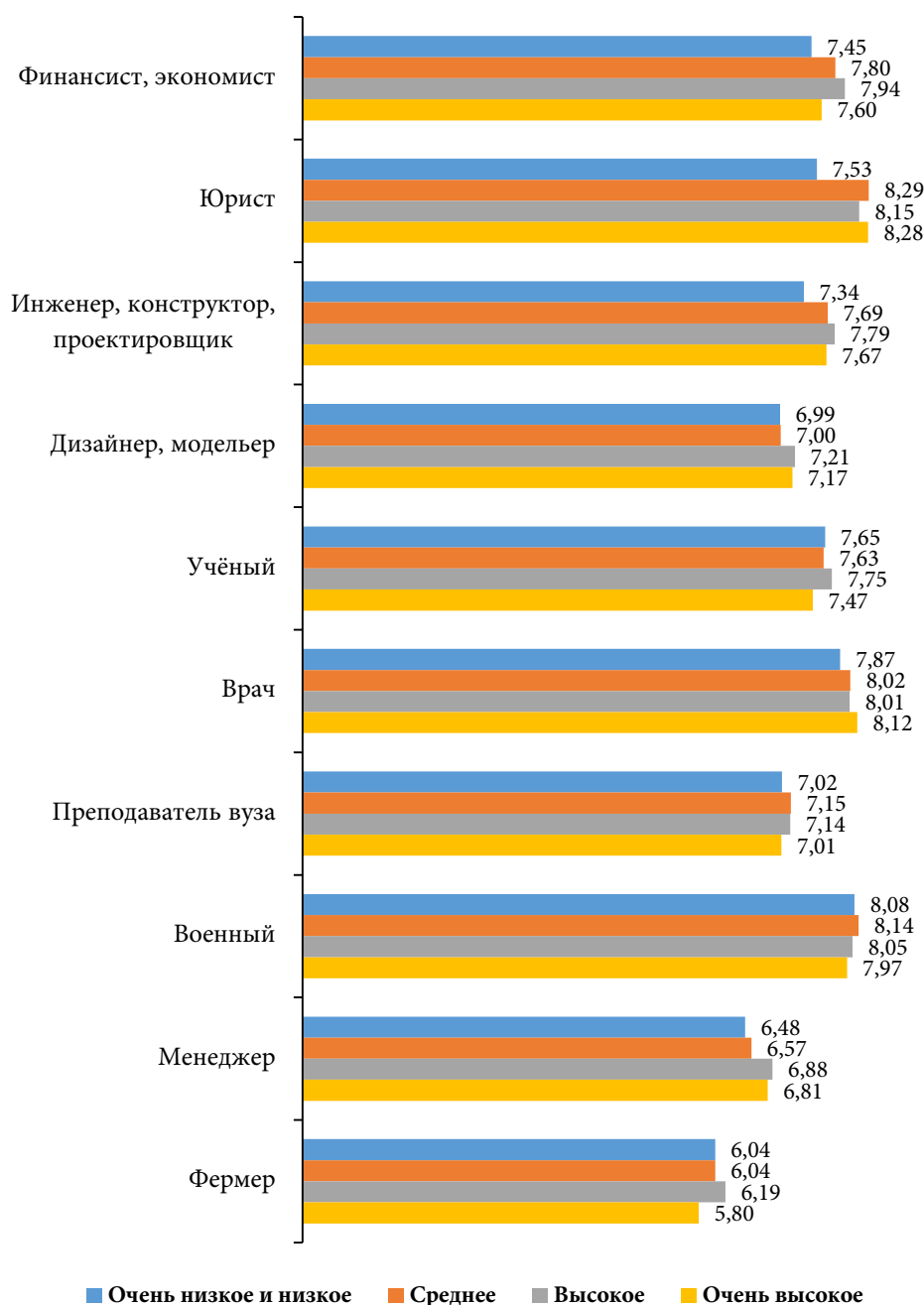

Рис. 4. Совокупная средняя оценка профессий по 10-балльной шкале. Социальный статус родителей

При оценке профессий в связи с социальным статусом родителей из общей тенденции выделяются дети руководителей. Средние оценки, данные этой группой по большинству профессий (за исключением врачей и учёных), являются наиболее низкими по сравнению с остальными группами. Похожая тенденция наблюдалась и в предыдущем сравнении материального положения семьи – там выделялись выпускники из семей с очень высоким уровнем материального достатка.

Возвращаясь к социальному статусу родителей, отметим, что наиболее высокие оценки по сравнению с остальными группами дали дети специалистов. Они выше остальных оценили такие профессии, как юрист, финансист, экономист; врач, преподаватель вуза, дизайнер, модельер, менеджер и фермер. Дети предпринимателей выше остальных оценили работу военных, а также инженеров, конструкторов, проектировщиков.

Информация о том, кто повлиял на выбор профессии выпускниками, представлена в таблице 2.

Таблица 2

Что или кто повлиял на Вас при выборе данной специальности (профессии)?, %

Источники	Сфера обслуживания и торговли	Экономика, финансы и кредит, банковское дело	IT-технологии и программирование	Образование и просвещение	Здравоохранение и медицина	Технические специальности и промышленное производство
Советы родителей, их пример	53,2	55,7	60,8	75,0	61,2	35,0
Советы, пример братьев и сестёр	14,3	13,0	12,4	17,3	11,9	10,0
Учителя школы	5,6	–	3,1	7,7	11,9	2,5
Друзья и сверстники	23,8	23,5	18,6	9,6	16,4	20,0
Жизненный опыт более взрослых знакомых	26,2	25,2	23,7	38,5	29,9	22,5
Информация из интернета и СМИ	15,1	13,9	14,4	11,5	14,9	2,5
Представители (или преподаватели) колледжа	6,3	7,0	10,3	15,4	6,0	–

Согласно данным исследования, главными источниками влияния при выборе практически всех профессий являются родители, другие взрослые и знакомые, а также друзья и сверстники. Бульший интерес представляет сравнение степени влияния этих источников при выборе профессий, относящихся к различным сферам. Здесь наблюдается сходство между теми, кто в качестве своей будущей специальности выбрал сферу образования, и теми,

кто планирует стать медицинским работником. Выпускники, обучавшиеся по этим двум специальностям, чаще других руководствовались при выборе профессии примером и советами родителей, а также жизненным опытом взрослых знакомых.

Также советы родителей чаще других назывались при выборе профессий, относящихся к сфере ИТ и программирования. Остальные выпускники (а это те, кто обучался по специальностям «обслуживание и торговля», «экономика, финансы и кредит, банковское дело», а также «технические специальности и промышленное производство») чаще других прислушивались к советам друзей и сверстников. Другие источники при выборе будущей профессии оказали на учащихся значительно меньшее влияние.

Сделав тот или иной выбор, учащиеся впоследствии могли разочароваться в его правильности. Тем не менее, как свидетельствуют данные исследования, более 65% всех выпускников по-прежнему полностью уверены в правильности своего профессионального выбора (см. рис. 5).

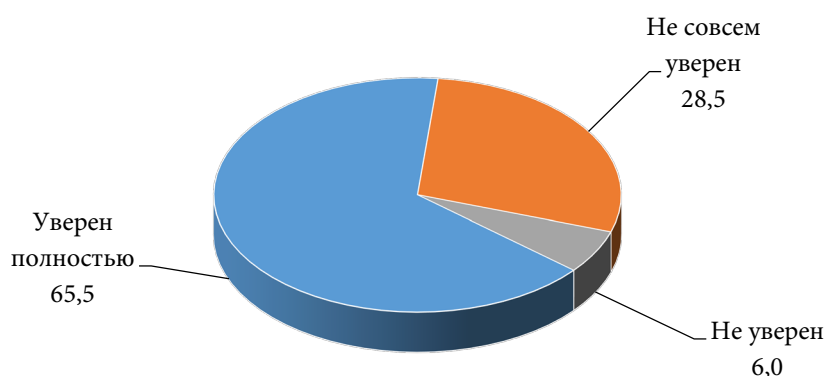

Рис. 5. Уверены ли Вы в том, что Ваш выбор специальности (профессии) правильный?, %

Рассмотрим, как уверенность в правильности выбора связана с избранной специальностью (см. таблицу 3).

Таблица 3

Уверены ли Вы, что Ваш выбор специальности (профессии) правильный? %

Специальность	Уверены ли Вы в том, что Ваш выбор специальности (профессии) правильный?		
	Уверен полностью	Не совсем уверен	Не уверен
Сфера обслуживания и торговли	66,7	30,9	2,4
Экономика, финансы и кредит, банковское дело	52,2	40,8	7,0
ИТ-технологии и программирование	69,1	22,7	8,2
Здравоохранение и медицина	75,0	19,2	5,8
Образование и просвещение	67,2	28,3	4,5
Технические специальности и промышленное производство	77,5	17,5	5,0

Больше других уверены в своём выборе те, кто обучался техническим специальностям и относящимся к сфере промышленного производства, а также те, кто решил получить профессию в сфере здравоохранения и медицины. Среди выпускников по специальностям сферы обслуживания и торговли не так много полностью уверенных в правильности выбора профессии, зато в этой группе меньше всего неуверенных в своём выборе (2,4%). Неуверенных в правильности выбора больше среди тех, чья специальность связана с IT-технологиями и программированием (7%) и сферой экономики, финансов и банковского дела (8,2%). Впрочем, и по данным специальностям значительное большинство выпускников уверены в своём выборе.

Если сравнить студентов, которые с самого начала рассматривали ссузы, в которые они поступили, как очередной этап на пути к высшему образованию, со всеми остальными категориями студентов ссузов, можно заметить, что их уверенность в правильности выбора профессии значительно ниже. Примерно 45% тех, кто уже сегодня намерены поступить в вуз, уверены в правильности выбора профессии. Скорее всего, это связано с тем, что ссуз для них – не более, чем «трамплин» в их образовательной карьере.

Окончив обучение в среднем специальном учебном заведении, выпускники сталкиваются с необходимостью нового выбора – поступить на работу, продолжить обучение, либо же постараться совмещать работу с дальнейшей учёбой (см. рис. 6).

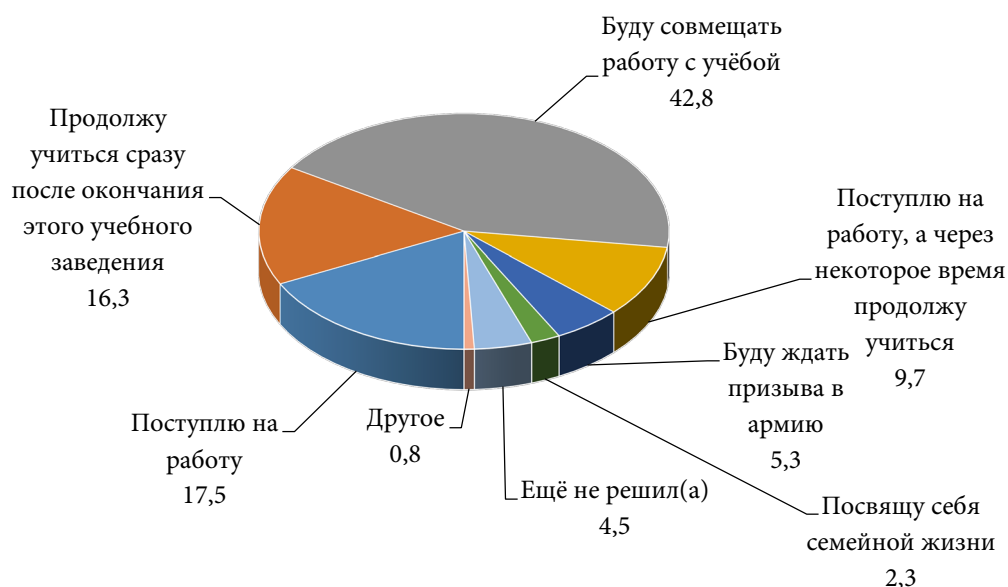

Рис. 6. Что Вы планируете делать после окончания этого учебного заведения?, %

Судя по данным исследования, значительное большинство выпускников ссузов (70%) собираются начать работать. Набор ресурсов, которыми пользуются выпускники ссузов, решая вопросы своего трудоустройства, достаточно широк.

Эти ресурсы можно объединить в две группы. К первой группе относятся институциональные – организации, мероприятия и службы, нацеленные на помощь в трудоустройстве. Это центры трудоустройства, биржи труда, встречи с работниками предприятий, которые учебные заведения проводят для своих учащихся, и др. Ко второй группе относятся неинституциональные ресурсы. Это различные неформальные сети (родственники, друзья, знакомые), самостоятельные поиски, рассылка своих резюме через интернет, и т. п.

Большая часть опрошенных в поисках работы рассчитывают прежде всего на неинституциональные ресурсы – 83,5%. Институциональными собираются воспользоваться почти в два раза меньше опрошенных – 49,4%¹.

Рассматривая конкретные пути трудоустройства, отметим, что около четверти (24,2%) выпускников при поиске работы после окончания ссуза считают, что могут рассчитывать только на свои силы (см. рис. 7). Будут самостоятельно искать работу через интернет 19%. Рассчитывают на помощь окружающих, в первую очередь родителей, других родственников и знакомых семьи, – 18,2%.

Далее следуют те, кто при трудоустройстве планируют воспользоваться возможностями, которые предоставляет им сам ссуз: системой распределения на работу (16,2%), связями с конкретными предприятиями (12,2%), либо же в ходе организованной ссузом встречи с работниками предприятий (10,5%).

Отдельную группу составляют те выпускники, которые на момент опроса уже работали по специальности (6,5%) либо нашли работу в ходе учебной практики (16,3%).

В центры по трудоустройству, на ярмарки вакансий и биржу труда готовы обратиться только 10,5% выпускников ссузов.

Тех, кто думают продолжить образование сразу после окончания ссуза и заниматься только учёбой, относительно немного – 16,3%. Ещё 2,3% собираются всецело посвятить себя семейной жизни; 16% юношей собираются в армию и в связи с этим какое-то время не будут ни работать, ни продолжать образование (по крайней мере до тех пор, пока не отслужат).

Доля тех, кто собираются в той или иной форме, раньше или позже продолжить образование, составляет 68,8%, причём 42,8% думают о том, чтобы с самого начала трудовой деятельности совмещать учёбу с работой, а 9,7% хотят продолжить учёбу через некоторое время после того, как начнут работать. Только 17,5% выпускников считают, что завершили свои «отношения» с образованием, планируют поступить на работу.

¹ Более 100%, т. к. респонденты имели возможность выбрать более 1 варианта ответа.

Рис. 7. Как у Вас обстоят дела с поиском места работы после окончания учебы?, %

*Более 100%, т. к. респонденты имели возможность выбрать более 1 варианта ответа.

Таким образом, для большинства выпускников ссузов среднее специальное образование является одновременно и подготовкой к выходу на рынок труда, и «трамплином» для получения более высокого уровня образования.

Рассмотрим, существует ли связь между намерениями продолжить образование и социальным статусом родителей выпускников (см. таблицу 4).

Можно отметить, что дети рабочих в меньшей степени, чем другие выпускники, планируют продолжить образование сразу после окончания ссуза. Среди них же самая большая доля тех, кто собираются продолжить образование, поработав некоторое время. Больше всего молодых людей, не собирающихся прерывать своё образование, среди детей специалистов и руководителей.

Таблица 4

Должность родителей и планы выпускников, %

Что Вы планируете делать после окончания этого учебного заведения?	Кем работают Ваши родители?				
	Руководители	Предприниматели	Специалисты*	Служащие**	Рабочие в промышленности или работники в сельском хозяйстве
Поступлю на работу	14,6	18,6	11,0	24,5	16,4
Продолжу учиться сразу после окончания этого учебного заведения	20,8	12,9	32,3	12,6	5,5
Буду совмещать работу с учёбой	45,8	50,0	40,9	35,2	46,4
Поступлю на работу, а через некоторое время продолжу учиться	10,4	5,7	5,5	10,7	14,5
Буду ждать призыва в армию	5,2	4,3	3,9	7,5	5,5
Посвящу себя семейной жизни	–	8,6	0,8	2,5	1,8
Ещё не решил(а)	2,1	–	3,9	6,3	8,2
Другое	1,0	–	–	0,6	1,8

*Работники, служебные обязанности которых предполагают наличие начального, среднего или высшего профессионального (специального) образования.

**В данном случае работники, занятые по найму нефизическим трудом, служебные обязанности которых не обязательно предусматривают наличие специального образования.

Доля выпускников ссузов среди учащихся высших учебных заведений довольно велика, например, в 2013 г. это был каждый пятый (21,4%) поступивший. Доля выпускников школ составляет 59,3% (см. таблицу 5) [Образование в Российской Федерации... 2014].

Таблица 5

Уровень образования лиц, принятых на обучение в вузы, тыс. чел.

Год поступления	2011	2012	2013
Принято всего	1207,4	1298,2	1246,5
Имеют образование			
Среднее общее	711,4	765,5	739,3
Среднее профессиональное по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих	48,1	43,0	44,7
Среднее профессиональное по программам подготовки специалистов среднего звена	303,7	310,3	266,9
Неполное высшее профессиональное, высшее, профессиональное	44,4	52,0	59,0

Вплоть до нынешнего года молодые люди, закончившие техникум или колледж, имели определённые преимущества при поступлении в вуз, поступая туда по отдельному конкурсу. Поступив в вуз, они могли продолжить образование по выбран-

ному профилю по сокращённой программе. Среднее профессиональное образование базового уровня сокращало срок обучения в вузе на год, повышенного уровня – на год или даже на два.

Такая система, с точки зрения руководства Минобрнауки, неприемлема. «С каждым годом всё больше и больше девятиклассников приходят не в десятые классы, а в систему колледжей и техникумов, – рассказал министр Дмитрий Ливанов участникам Всероссийского совещания руководителей региональных органов образования, прошедшего во Владивостоке. – Но мы это связываем не с возросшей привлекательностью этой системы, а со льготой для выпускников колледжей при поступлении в высшие учебные заведения» [Среднее специальное... 2015]. Он также объявил о возможности отмены льгот для выпускников ссузов.

Льготы пока не отменены, однако в 2015 г. правила приёма в вузы для выпускников системы среднего специального образования изменились. Отменены отдельный конкурс и сокращённая форма обучения для абитуриентов с дипломом колледжа. Теперь выпускник колледжа, желающий поступить в вуз, вместо ЕГЭ должен пройти тестирование или собеседование и участвовать в конкурсе наравне с выпускниками школ.

Нечто вроде сокращённой формы обучения всё ещё возможно для выпускников колледжей, но происходит это не «автоматически», а зависит от руководства вуза. Выпускник ссуза должен обратиться в деканат факультета с просьбой о переводе на ускоренную форму обучения, и деканат может перезачесть ему изученные в колледже дисциплины. В этом случае для студентов вуза, закончивших колледж, утверждается индивидуальный график учебного процесса, и таким образом сокращается срок обучения [Всё, что нужно знать... 2015].

Скорее всего такого рода нововведения осложнят выпускникам ссузов получение высшего образования. В связи с этим стоит отметить, что более 70% выпускников средних специальных учебных заведений считают наличие высшего образования необходимым для успеха в жизни (см. рис. 8). Напомним, что примерно такое же количество выпускников (68,8%) планируют в дальнейшем в той или иной форме продолжить своё образование, причем 62,7% намереваются поступить в вуз.

Менее 10% выпускников ссузов считают среднее специальное образование достаточным для успеха.

Похожие данные были получены Д. Л. Константиновским в исследовании «Мониторинг непрерывного образования», которое было проведено в 2005 г. [Константиновский, Вахштайн, Куракин 2013], что говорит о весьма устойчивом характере мнений и установок выпускников ссузов.

Более 70% выпускников средних специальных учебных заведений считают наличие высшего образования необходимым для успеха в жизни.

Рис. 8. Какое образование, по Вашему мнению, необходимо сегодня для успеха в жизни?, %

Возвращаясь к информации, представленной на рис. 5, отметим, что около 28% учащихся говорят о достаточности высшего образования с дипломом специалиста; ещё 15,4% считают необходимым иметь два высших образования; примерно равное количество выпускников (13–14%) выбрали ответы «высшее образование с дипломом магистра» и «высшее образование с дипломом бакалавра». Менее 10% выпускников ссузов считают достаточным для успеха иметь среднее специальное образование.

Попытаемся проследить, существует ли связь между социально-демографическими характеристиками выпускников и их мнениями о необходимости образования для успеха в жизни. Из всех характеристик, зафиксированных в анкете, чёткая связь с необходимостью образования была выявлена в связи с социальным статусом родителей. Эти данные представлены на рис. 9.

При анализе привлекательности различного уровня образования в соответствии с социальным статусом родителей стоит обратить внимание, что вне зависимости от принадлежности к тому или иному социальному слою, наиболее привлекательной является традиционная форма российского образования — специалитет. Степень магистра или бакалавра менее привлекательна.

Выходцы из семей предпринимателей имеют особое мнение – среди них самая большая группа выпускников (25%) считают, что сегодня для успеха в жизни необходимо не меньше двух высших образований.

Рис. 9. Какое образование, по Вашему мнению, необходимо сегодня для успеха в жизни? Социальный статус родителей, %

Выходцы из семей предпринимателей имеют особое мнение – среди них самая большая группа выпускников (25%) считают, что сегодня для успеха в жизни необходимо не меньше двух высших образований.

Можно отметить, что представители рабочих семей менее других могут определиться в вопросе о необходимости того или иного уровня образования – среди них число тех, кто считают, что для успеха в жизни нужно получить среднее специальное образование, иметь степень магистра, бакалавра, диплом специалиста или два высших образования, практически одинаково.

Причины, побудившие выпускников продолжить образование, представлены на рис. 10. В ходе исследования респонденты должны были объяснить своё желание продолжить учиться, оценивая предложенные варианты ответа по шкале: «Очень важно» – «Важно» – «Не важно». На рисунке ответы «Очень важно» и «Важно» объединены.

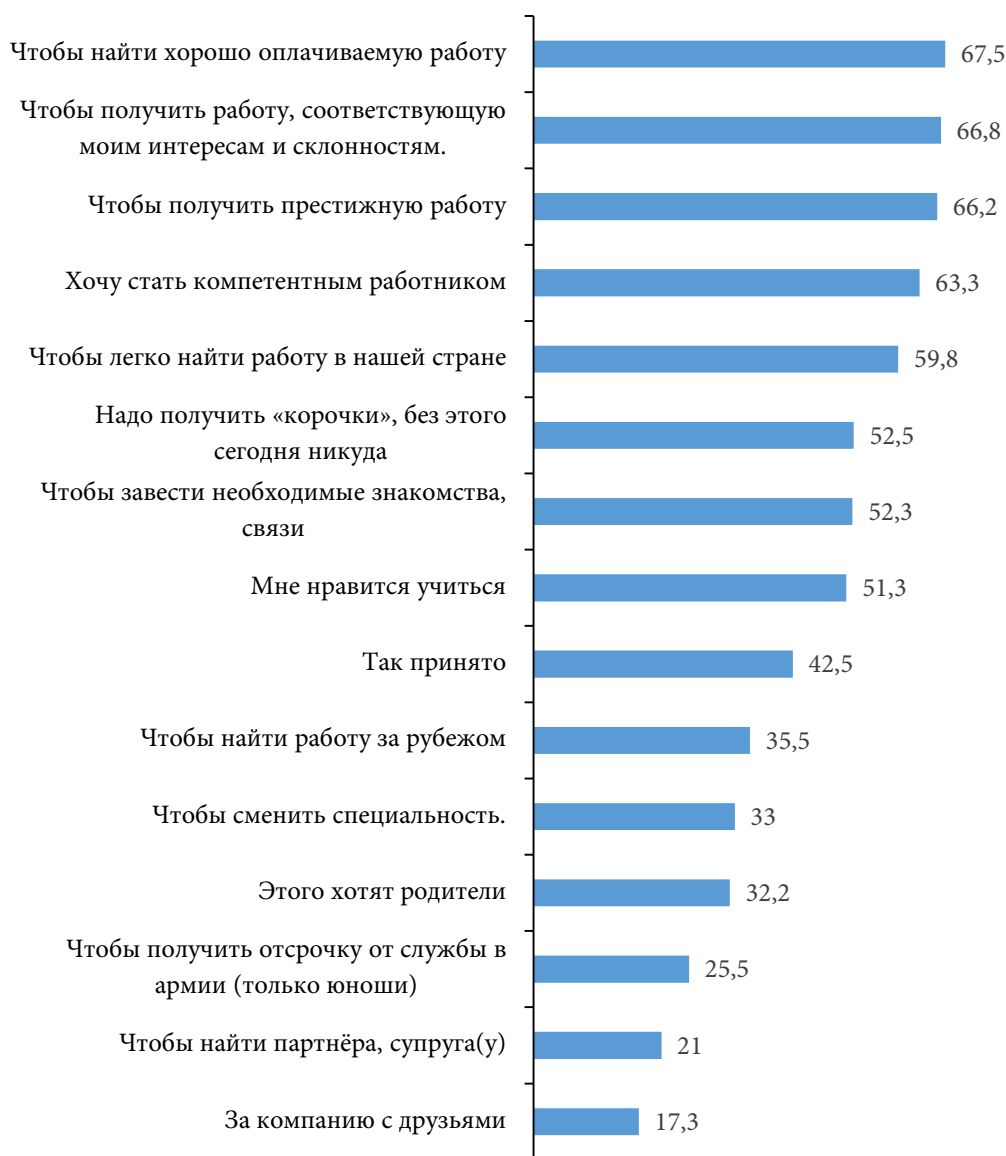

Рис. 10. Почему Вы собираетесь продолжить учиться? (сумма ответов «Важно» и «Очень важно»), %

Среди мотивов, побудивших выпускников продолжить образование, присутствуют как внутренние, процессуально-содержательные мотивы, так и мотивы, обусловленные внешними факторами (экстринсивные). При этом оба вида мотивов являются актуальными.

К внешним мотивам продолжения образования относится желание найти лучшую работу – хорошо оплачиваемую (67,5%) и престижную (66,2%). Значительное число выпускников, планирующих продолжить образование, считают, что это необходимо, чтобы в дальнейшем им было легче полу-

чить работу в нашей стране (59,8%) или за рубежом (35,5%). Кроме того, среди внешних мотивов были названы необходимость получения официальных документов о наличии образования (52,5%), а также желание завести полезные знакомства и связи (52,3%). Около трети выпускников (33%) планируют продолжить обучение, чтобы сменить свою нынешнюю специальность. Продолжать учиться из-за желания своих родителей планируют около 32% молодых людей. Еще 17% будут продолжать обучение за компанию с друзьями. Около 21% в ходе дальнейшего обучения планируют найти партнёра или супруга. И, наконец, 25,5% юношей хотят получить отсрочку от армии.

Среди внутренних мотивов, обусловивших намерение выпускников продолжить образование, наиболее распространённым является желание найти работу, соответствующую своим интересам и склонностям (66,8%), а также стремление повысить свою профессиональную компетентность (63,3%). Кроме того, более половины (51,3%) выпускников, планирующих продолжить обучение, собираются сделать это потому, что им просто нравится учиться.

Подводя итоги нашего анализа, можно сделать следующее заключение: для большинства молодых людей, учащихся в ссузах, система среднего специального образования является промежуточным, «вспомогательным» этапом в планируемой жизненной траектории. Закончив ссуз, они будут самостоятельно искать работу, не возлагая особых надежд на институциональные ресурсы и не будучи вполне уверенными, найдут ли работу по специальности. Они осознают, что заработная плата, которую может им обеспечить полученный уровень образования, скорее всего не будет соответствовать их запросам, считают, что для того, чтобы иметь хорошо оплачиваемую работу и для успеха в жизни необходимо иметь высшее образование. Наиболее привлекательной для них является традиционная форма российского образования – специалитет. Так что поприбывав какое-то время на рынке труда в качестве специалистов среднего звена, они (кто раньше, а кто позже) поступят в вузы, получат высшее образование и попытаются построить свои судьбы скорее в соответствии со своими представлениями об успехе в жизни, чем согласуясь с потребностями экономики.

Библиографический список

Всё, что нужно знать о поступлении в вузы в 2015 году // Аргументы и факты. URL: http://www.aif.ru/dontknows/about/vsyo_chno_nuzhno_znat_o_postuplenii_v_vuzy_v_2015_godu [Дата посещения: 03.06.2016].

Ибрагимов Г. И. 2006. Качество среднего профессионального образования в современных условиях // Педагогика. № 6. С. 75–81.

Константиновский Д. Л., Вахштайн В. С., Куракин Д. Ю. 2013. Реальность образования. Социологическое исследование: от метафоры к интерпретации. М.: ЦСП. 224 с.

Образование в Российской Федерации: 2014. Статистический сборник. М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2014. 464 с.

План по совершенствованию профобразования доработают // Официальный сайт партии Единая Россия. URL: <http://er.ru/news/127275/> [Дата посещения: 03.06.2016].

Среднее специальное оставят без высшего // Коммерсант. 2015. № 117. С. 5.

DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.429

Secondary Professional Training Facilities in the Eyes of Graduates: Working Versus Further Education

Gasparishvili Alexander Tengizovitch

Candidate of philosophical sciences, associate professor, senior research fellow,
Department of Sociology of Education, Institute of Sociology of the Russian Academy of
Sciences, Moscow, Russia. E-mail: gasparishvili@gmail.com

Abstract. This article analyzes institutions which prepare mid-level specialists – primarily the connection between the socio-demographic characteristics of professional training college graduates and their opinions, their outlook on their chosen specialties, their motives for choosing a profession and their future course of life. This article has been prepared based on materials from a sociological study dedicated to such issues as professional attitudes and plans of those who graduated from Russian professional training colleges; said study was conducted in 2014 by an IS RAS research team lead by D. L. Konstantinovskiy. During the study, graduates would explain what caused them to choose their profession and what influenced their choice, they would also share their plans on what they intend to do after completing their education, they would express their opinion on the quality of the education they received, as well as the level necessary for succeeding in life. Based on the acquired data, the vast majority of professional training college graduates (70%) are preparing to enter the labor market. Those who consider pursuing further education full time right after graduating from professional training college – they are relatively few at 16%. Another 2% intend to completely dedicate their time to family life. Less than half of graduates (45%) are confident that they will find a job by their profession. The majority of those surveyed rely primarily on non-institutional resources while searching for a job. Almost two times less people intend to utilize institutional resources. Less than 10% of graduates consider education received at professional training colleges to be sufficient for succeeding in life. The vast majority (over 70%) consider higher education to be essential. The conducted analysis allows us to make the following conclusion: for most professional training college graduates, the secondary professional training system is an intermediate stage in their planned life paths. After graduating from a professional training college, they usually tend to independently search for a job, while not being sure that they would find a job by their specialty. This has to do not only with issues on the labor market, but also with the training quality of future specialists – 40% of graduates do not deem the knowledge which they receive during their special training to be useful to them. After being on the labor market for a while as mid-level specialists, many of them would enroll into college in order to receive higher education and attempt to build their lives according to their idea of life success.

Keywords: students, graduates, education, career and technical education system, labor market, career and technical education system, career guidance, work opportunities, opinion.

References

Ibragimov G. I. Kachestvo srednego professional'nogo obrazovaniya v sovremennyh usloviyah [The Quality of Secondary Education in Modern Situation]. *Pedagogika*, 2006, no 6, pp. 75–81.

Konstantinovskiy D. L. Real'nost' obrazovaniya. Sociologicheskoe issledovanie: ot metafory k interpretacii [Education Reality. Sociological Research: from Metaphor to Interpret]. Moscow, CSP publ., 2013. 224 p.

Obrazovanie v Rossiyskoy Federacii: 2014 [Education in Russian Federation: 2014]. Moscow, NRU HSE, 2014. 464 p.

Plan po sovershenstvovaniyu profobrazovaniya dorabotayut [The Plan for Improving the Professional Education is Finalizing]. Edinaya Rossiya political party Official website. URL: <http://er.ru/news/127275/> [date of visit: 03.06.2016].

Srednee special'noe ostavyat bez vyschego [Secondary Professional Education will be Left without Higher]. *Kommersant*, 2015, no 117, p. 5.

Vsio, chto nuzhno znat' o postuplenii v vuzy v 2015 godu [All You Need to Know about the Admission to Universities in 2015]. *Argumenty i Fauty* journal Official website. URL: http://www.aif.ru/dontknows/about/vsyo_chto_nuzhno_znat_o_postuplenii_v_vuzy_v_2015_godu [date of visit: 03.06.2016].

Т е м а н о м е р а Социология образования: современные реалии

О б э ф ф е к т и в н о с т и непрерывного образования в наукоёмких производствах

Ключарев Григорий Артурович –
доктор философских наук, профессор,
руководитель Центра социологии образования,
науки и культуры, Институт социологии
Российской академии наук, Москва

E-mail: Kliucharev@mail.ru

Шереги Франц Эдмундович –
кандидат философских наук, директор Центра
социального прогнозирования и маркетинга,
Москва

E-mail: f-sheregi@inbox.ru

Чурсина Анна Вадимовна –
старший лаборант с высшим образованием,
аспирант, Институт социологии Российской
академии наук, Москва

E-mail: anna.chiursina@gmail.com

Об эффективности непрерывного образования в наукоёмких производствах

DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.430

Аннотация. Непрерывное образование в виде подготовки кадров, повышения квалификации, обучения на рабочем месте, информирования и консультирования, самообразования, создания креативных сред для инновационного творчества и некоторых других видов учебной деятельности является основным способом производства человеческого капитала в условиях появления и развития наукоёмкой деятельности. В данной статье¹ рассматривается тезис о том, что понятие «непрерывное образование» следует рассматривать с разных точек зрения, таких как юридическая, экономическая. Затрагивается вопрос о взаимосвязи образования и профессиональной деятельности. Отмечается, что образовательное поведение сотрудников является одним из факторов развития производства. Особое внимание уделяется аспекту непрерывного образования в исследованиях крупных и средних наукоёмких предприятий. В статье анализируются данные исследования, проведённого в наукоёмких предприятиях, которое охватывало сотрудников, прошедших курсы повышения квалификации и неучаствовавших в них, а также управленческое звено этих предприятий. Рассматривается влияние прохождения курсов повышения квалификации, в том числе и корпоративных, на уровень удовлетворённости сотрудников наукоёмкого производства своей работой и на формирование качеств, которые необходимы им для выполнения своих обязанностей. Изучалось, насколько прохождение курсов повышения квалификации влияет на заработную плату работника (действительную и желаемую). Отдельно изучалось мнение руководителей таких компаний относительно качеств, которые необходимы для выполнения функций управления. Отмечается, что существуют четыре группы компетенций, которые необходимы для успешного участия в инновационной работе. Показано, что дополнительное образование обуславливает развитие интеллектуалоёмких производств посредством формирования технологических компетенций у сотрудников. Делается вывод, что распространённый в мировой практике критерий эффективности обучения на производстве – рост заработной платы обучающихся сотрудников – не столь надёжен из-за практики «серых» зарплат. Описываются особенности выбора работодателем ведомственного или корпоративного дополнительного образования. Рассматриваются три уровня анализа эффективности инвестиций в дополнительное профессиональное образование.

Ключевые слова: непрерывное образование, дополнительное профессиональное образование, эффективность образования, наукоёмкие производства, воспроизводство научных и инженерных кадров, повышение квалификации и переподготовка

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10420 «Непрерывное образование и наукоёмкие производства: институты и практики взаимодействия».

Концепт непрерывного образования используется для описания самых различных учебных практик и видов деятельности, причём в англоязычной литературе терминов для их обозначения гораздо больше, чем в русской, как, например, *passive learning*, *learning organization*, *partner education*, *vocational training*, *learning-by-doing*¹ и т. д. Весь этот понятийный комплекс востребован при описании действий, направленных на получение новых знаний и компетенций в зависимости от возраста, социально-экономического статуса учащегося, продолжительности и периодичности обучения, способа их организации и степени институализированности. Принципиально важным является то, что непрерывное образование в виде подготовки кадров, повышения квалификации, обучения на рабочем месте, информирования и консультирования, самообразования, создания креативных сред для инновационного творчества и др. является основным способом производства человеческого капитала в условиях появления и развития интеллектуалоёмкой деятельности [Шацкая 2014; Архипов, Шацкая 2012]. При этом дополнительное образование не является основной составляющей профессионального успеха, однако капитализация (накопление) результатов образования обязательно дополняется конвертацией в человеческий и социальный капиталы, которые, в свою очередь, уже входят в число основных факторов развития наукоёмких производств.

Однако данное обстоятельство не вполне учитывается действующим российским законодательством². Так, Закон «Об образовании в Российской Федерации» определяет, что профессиональное образование реализуется посредством программ, которые позволяют слушателям приобретать знания, навыки и компетенции, позволяющие заниматься определёнными видами профессиональной деятельности, то есть, по сути, оплачиваемым трудом. Профессиональное обучение может производиться на рабочем месте и в ходе производственного процесса. Успешное прохождение таких программ завершается получением квалификации, которая признаётся государственной системой квалификаций и (или) востребована на рынке труда [Федеральный Закон... ст. 10, п. 2]. При этом противоречие, на которое мы обращаем внимание, заключается в том, что «дополнительное образование - вид образования, направленного на всестороннее удовлетворение образовательных потребностей человека в интеллектуальном, духовно-нравственном, физическом и (или) профессиональном совершенствовании, и не сопровождается повышением уровня образования» [Федеральный Закон... ст. 2, п. 12, 13, 14].

¹ Так, например, происходит обучение внутри одного юридического лица – одно подразделение оказывает образовательные услуги другому; один сотрудник в оплачиваемое работодателем время и по его поручению оказывает образовательные услуги другому сотруднику.

² Федеральный Закон от 29 декабря 2013 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации, Государственная программа «Развитие образования» на 2013-20 гг., утвержденная Постановлением № 295 от 15 апреля 2014 г.

Получается, что накопление человеческого капитала для законодателя не связано (формально) с получением образования, в том числе дополнительного. Впрочем, формальное признание дополнительного профессионального образования (ДПО) – это институализированный маркер, ценз, который, в случае корпоративного образования, легко разрешается. Работодатель сам определяет, какое образование нужно его работникам и какое место они займут на служебной лестнице в зависимости от уровня образования и участия в непрерывной учебной деятельности. Профессиональное обучение при этом обеспечивает возможность реализации права на образование в течение всей жизни (непрерывное образование) [Федеральный Закон... ст. 10, п. 2.] Этот момент также отражается и в международных правоустанавливающих документах [UNESCO 2013].

Помимо юридической специфики, рассматриваемый вопрос имеет непосредственное экономическое измерение. Характер инвестиций в ДПО существенно отличается от иных форм инвестирования в традиционные формы образования, регламентированные государственными правовыми актами (среднее, высшее, послевузовское). Как правило, при традиционных формах образования субъекты обучения, принятия инвестиционного решения и его финансирования не совпадают. Инвестиции в среднее/высшее образование в значительной степени осуществляются за счёт средств, распорядители которых в лучшем случае опосредованно заинтересованы в эффективности их вложений (например, бюджетные места). Значительное влияние на принятие инвестиционных решений со стороны частных лиц оказывают критерии, не связанные с прямым получением будущих доходов (стремление избежать службы в армии или с целью создания семьи с перспективным партнёром, например). В то время как оплата дополнительного образования целиком осуществляется экономическими субъектами, заинтересованными в его определённой (уровень дохода, статусность) и относительно быстрой отдаче. Жизненный цикл инвестиций в ДПО достаточно короток, и это даёт возможность более точно измерить их эффективность по сравнению с более масштабными и долгосрочными инвестициями в традиционное образование.

С другой стороны, связь образования и профессиональной деятельности имеет высокую степень неопределённости, обусловленной взаимодействием самых различных факторов. Прежде всего, имеется в виду несовпадение интересов наёмного работника и работодателя. Первый заинтересован в более высокой оплате своего труда и по возможности в более комфортных (приемлемых) условиях деятельности. Работодатель, напротив, рассчитывает на рост производительности труда, повышение конкурентоспособности наукоёмкого предприятия при минимизации транзакционных издержек, к которым относится и заработная плата сотрудников. Поэтому, когда встаёт вопрос об эффективности вложенных в образование средств, приходится отвечать на такие вопросы: «Насколько обучение привязано и соответствует бизнес-целям компании?»; «Продвинуло ли обучение компанию к бизнес-цели (набор индикаторов)?»; «Насколько

Связь образования и профессиональной деятельности имеет высокую степень неопределённости, обусловленной взаимодействием самых различных факторов.

существующие бизнес-процессы (их качество, эффективность, продуктивность) улучшились в результате обучения?»¹ [Pakes, Ericson 1998; Daunfeldt, Elert, Dan 2016; Corradini, Battisi, Demirel 2016; Arvanitis, Loukis 2015].

Эти три вопроса конкретизируются следующими вопросами: насколько возросла производительность труда; применяются ли полученные знания; какие специальные знания, опыт, отношения (а, по сути, компетенции) перенесены на рабочие места; мотивированы ли работники повышать производительность труда; уверены ли работники, что обучение связано с работой и применимо к ней, и могут ли указать момент, когда начали применять полученные знания? Все эти сюжеты приходится учитывать при разработке социологического инструментария и проведении исследований на наукоёмких производствах.

С учётом сказанного стратегия развития крупного интеллектуалоёмкого производства представляется следующим образом (см. рис. 1).

Рис. 1. Непрерывное образование и исследования в средних и крупных наукоёмких производствах

Сделаем пояснения. В момент времени (t-1) предприятие интенсифицирует политику корпоративного образования своих сотрудников. Это может быть в форме сотрудничества предприятия и учебного заведения (partner education), но чаще выбор делается в пользу корпоративного учебного заведения или спе-

¹ Рост наукоёмкой фирмы непосредственно определяется присутствием «active learning» и «learning organization».

циальных ведомственных курсов дополнительного образования. Преимущество корпоративного образования заключается в том, что оно не регламентировано никакими государственными образовательными стандартами или иными нормами, выполнение которых отнимает лишние время и средства. Диплом корпоративного образования валиден только внутри производственной системы, хотя при определённых условиях наиболее удачные программы и модули могут нострифицироваться другими предприятиями. Правда, здесь возникает проблема возможной подготовки кадров для конкурентов, но каждый работодатель её решает по своему [Ключарев, Пахомова 2007; Печенкин 2014]. Итак, определив порядок повышения квалификации или переподготовки сотрудников, менеджмент крупной кампании сталкивается с дилеммой определения пропорции средств, которые будут заложены на другую важную форму деятельности, определяющую успех развития компании, а именно на прикладные исследования (R&D)¹.

Если результатом участия в образовательных программах становится увеличение человеческого капитала сотрудников в виде вполне определённых *технологических компетенций*, то прикладные исследования обеспечивают прирост *технологических* (а иногда и фундаментальных) *знаний*. В совокупности два этих процесса, наряду с прочими факторами развития (маркетинг наукоёмкой продукции, защита интеллектуальной собственности и др.), обеспечивают рост наукоёмкого производства. В момент времени $t-2$ кампания имеет значительно лучшие показатели своей эффективности, чем в момент $t-1$. При этом процесс становится непрерывным, поскольку на стадии $t-2$ вносятся коррективы в содержание и объём обучающих программ в соответствии с новой ситуацией и положением компании на рынке наукоёмкой продукции.

Вклад дополнительного образования в производство и накопление человеческого капитала²

Для того чтобы оценить вклад непрерывного (дополнительного) образования в производство и накопление человеческого капитала и тем самым повышать капитализацию производств, нами были выбраны 57 высокотехнологич-

¹ Research and Development – общепринятая аббревиатура

² Опрос проведён в сентябре - октябре 2015 г. в 57-ми высокотехнологичных (наукоёмких) компаниях, доля которых составляет: информационные технологии – 16,9%, коммуникации и связь – 14,5%, транспорт и энергетика – 27,3%, ВПК – 41,3%, участвующих в реализации инновационной программы с использованием NBIC-технологий. В совокупности опрошено 800 специалистов – сотрудников этих компаний, включающих в равном соотношении две группы, соответственно: участвовавших последние три года в программах дополнительного профессионального образования (прохождение курсов повышения квалификации) и неучаствовавших в них.

Преимущество корпоративного образования заключается в том, что оно не регламентировано никакими государственными образовательными стандартами или иными нормами, выполнение которых отнимает лишние время и средства.

ных предприятий. В ходе исследования сравнивались две группы специалистов-работников компаний: (1) обучавшихся и (2) необучавшихся на курсах повышения квалификации или профессиональной переподготовки.

Социально-демографические портреты обеих групп схожи. В каждой группе большинство (82%) составляют мужчины, и только 18% – женщины. По возрастному составу первая группа в среднем немного старше второй, в то же время порядка двух третей опрошенных в каждой группе – молодёжь до 35 лет включительно (62 и 67%, соответственно). Распределение респондентов обеих групп по видам выполняемой работы в основном близкое: относительное большинство в обеих группах – инженеры: 46% в первой группе и немного меньше – 36% – во второй. Такое небольшое смещение компенсируется тем, что в первой группе чуть меньше, чем во второй, доли руководителей (13 и 19%) и вспомогательного персонала (10 и 13%). В остальном распределение респондентов по их специализации в обеих группах практически совпадает: в каждой группе по 8–10% программистов, компьютерщиков; управленцев, менеджеров, юристов; проектировщиков, конструкторов; а также по 2–3% испытателей, генетиков, биологов, специалистов в области сельского хозяйства.

Доходы первой группы чуть выше - чуть выше и амбиции относительно желательных доходов за выполняемую работу. Впрочем, в обеих группах опрошенные хотели бы получать в среднем примерно в 1,5 раза больше, чем получают в настоящее время (см. рис. 2).

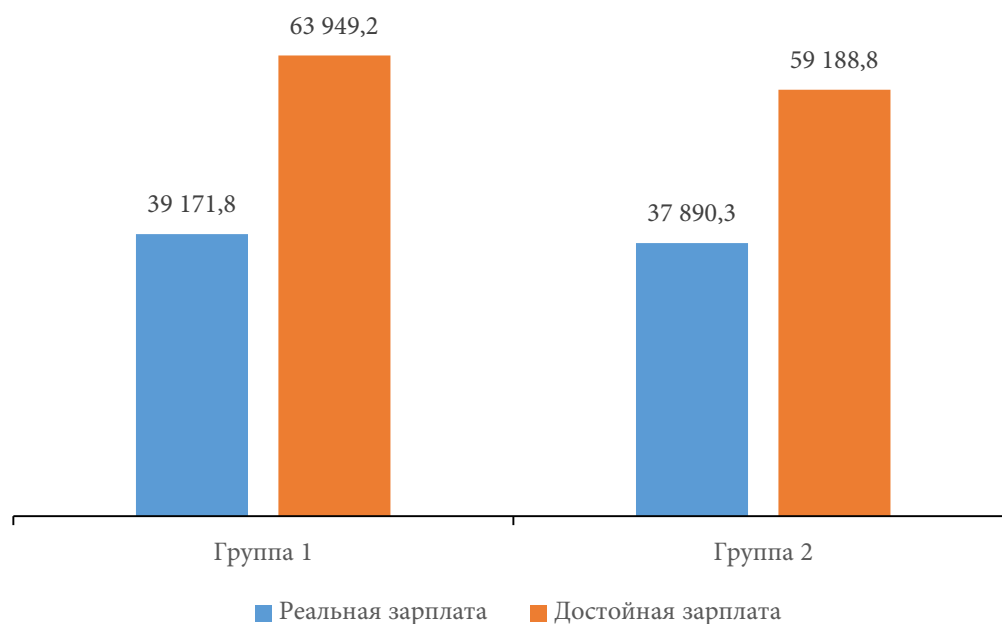

Рис. 2. Средние значения среднемесячной заработной платы и желаемой, которую считают достойной для той работы (профессии), которую выполняют сегодня, в рублях

В обеих группах большинство окончили технический факультет вуза (70 и 63%), с большим отрывом на втором месте среди полученных вузовских специальностей – информационные технологии, программирование (13% в первой и 17% во второй группе). Реже специализацией респондентов в вузе были управление, экономика, менеджмент (6 и 9%); другие гуманитарные профессии (3 и 4%); естественные науки (6 и 4%); медицина, сельское хозяйство (3 и 2%).

Окончили вуз в прошлом веке менее трети опрошенных в каждой группе (30 и 26%, соответственно). Относительное большинство в обеих группах (41 и 39%) получили диплом о высшем образовании в начале нынешнего столетия (в 2000–2005 гг.), и ещё часть опрошенных (29 и 35%) окончили вуз не более 10 лет назад. При этом большинство опрошенных в обеих группах (80 и 77%) имеют диплом специалиста; значительно реже – бакалавра (7 и 6%), магистра (8 и 10%), учёную степень (4 и 7%). Как видим, уровень образования на момент опроса в первой группе в целом чуть ниже, чем во второй.

В ходе исследования, помимо формального образования респондентов, изучались также навыки, такие как пользование компьютером и знание иностранных языков. Оказалось, что каждый пятый в группах относится к продвинутым пользователям – пишет компьютерные программы; более половины (57 и 58%) хорошо владеют несколькими программами, необходимыми по работе; остальные владеют компьютером на уровне общего пользователя. Тех, кто владеет компьютером слабо или не владеет вовсе, в нашей выборке практически не оказалось (исключение составил один респондент из первой группы).

Уровень компьютерной грамотности респондентов обеих групп в целом немного превышает производственные потребности. Указывают, что в нынешней должности им требуется знание компьютера на уровне написания компьютерных программ, моделирования – 15 и 19% опрошенных в группах; на уровне работы с несколькими программами – 56 и 54%; на уровне работы с одной программой (11 и 8%) или общего пользователя – 16 и 18%. Примечательно, что некоторые должности (их крайне мало) вообще не предполагают использования компьютера, или достаточно начальной компьютерной грамотности (2 и 1%).

Те же закономерности прослеживаются в отношении знания иностранного языка и потребностей в этой компетенции: имеющиеся у респондентов обеих групп знания в целом выше, чем требуется на работе (см. рис. 3). Отметим, что в обеих группах поровну владеющих иностранным языком в совершенстве или свободно говорящих (по 21%), и примерно поровну тех, кто ощущают потребность в таком «продвину-

Большинство опрошенных окончили технический факультет вуза, с большим отрывом на втором месте среди полученных вузовских специальностей – информационные технологии, программирование.

Каждый пятый из опрошенных относится к продвинутым пользователям – пишет компьютерные программы; более половины хорошо владеют несколькими программами, необходимыми по работе; остальные владеют компьютером на уровне общего пользователя.

том» знании языка (14 и 15%). Однако в целом и потребности на работе, и имеющийся уровень знаний иностранного языка в первой группе несколько ниже потребностей и знаний членов второй группы. Особенно наглядно это показывает последняя строка диаграммы: владеют слабо иностранным языком 18% опрошенных первой группы и 10% второй, нет необходимости в этом знании у 29 и 23%, соответственно.

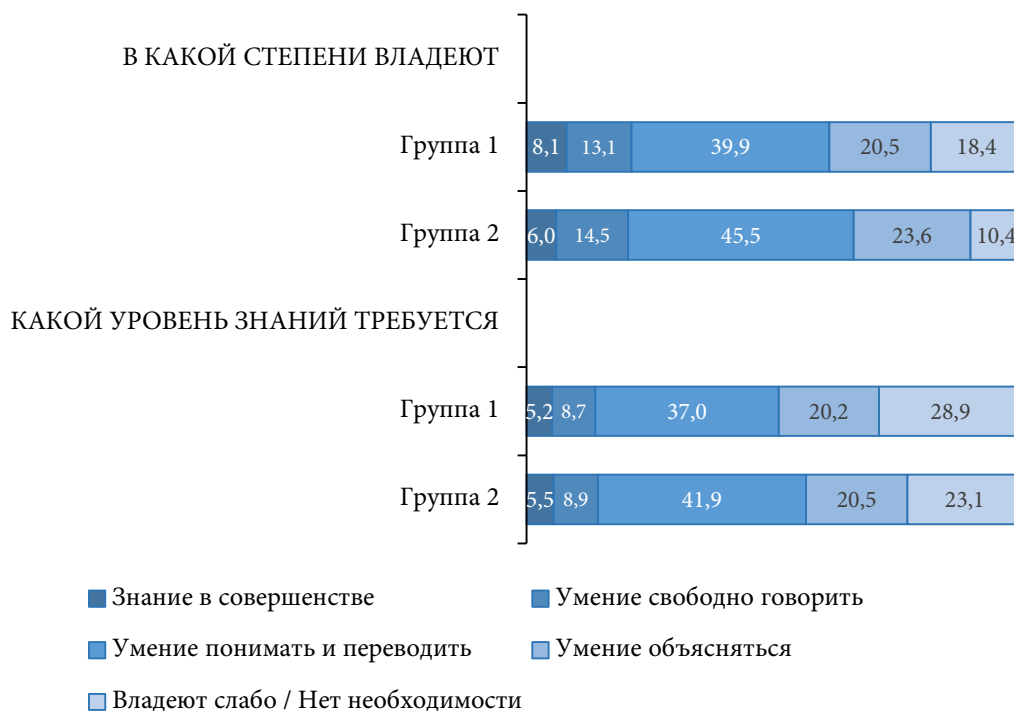

Рис. 3. В какой степени респонденты владеют иностранным языком и какой уровень знания требуется на работе (по двум группам), %

По базовой специализации, полученной в вузе, в настоящее время работает большинство опрошенных обеих групп (77 и 79%); ещё 16 и 14% указывают, что частично работают по своей специальности, и по 7% в группах трудятся не по специальности. Наиболее распространённая причина того, что респонденты работают не по базовой специализации, полученной в вузе, – отсутствие вакансии (13 и 16%). Реже называются иные причины, например, что по специализации работать не интересно (6 и 4%), что появляются новые области знаний (по 1%).

После окончания вуза пришлось пройти переквалификацию 81% опрошенных первой группы и только 15% – второй. Переквалифицировавшиеся в обеих группах указывают, что это обучение проходило, как правило, в форме курсов повышения квалификации (77 и 48%). Реже это была переквалификация по месту работы (13 и 33%) или профессиональное переобучение (10 и 19%). С момента окончания вуза и до прохождения переквалификации в среднем проходило 4 года – этот срок характерен для обеих групп.

Среди опрошенных владеющих иностранным языком в совершенстве или свободно говорящих 21% и 14–15% тех, кто ощущают потребность в таком «продвинутом» знании языка.

После окончания вуза многим пришлось пройти переквалификацию. Обучение проходило в форме курсов повышения квалификации, реже – обучение по месту работы или профессиональное переобучение. С момента окончания вуза и до прохождения переквалификации в среднем проходило 4 года.

Представители обеих групп в целом удовлетворены различными аспектами своей нынешней работы. Доли недовольных теми или иными параметрами не превышают 3%, за одним лишь исключением: величина зарплаты не устраивает каждого пятого опрошенного (22 и 20%). Остальными аспектами вполне довольны свыше половины опрошенных в каждой группе. Причём в среднем уровень удовлетворённости разными сторонами работы в первой группе выше, чем во второй (см. рис. 4). Прежде всего, это касается оценок содержания труда (92 и 86%), организации труда (86 и 76%), его технической и технологической обеспеченности (83 и 75%), престижа профессии в общественном мнении (80 и 71%). Однако эта закономерность нелинейная, имеются исключения: в первой группе немного ниже, чем во второй, уровень удовлетворённости взаимоотношениями с непосредственным руководителем (79 и 84%), а также условиями социальных гарантий (55 и 62%).

Рис. 4. Удовлетворены ли Вы своей нынешней работой? Приведены ответы «вполне» (другие варианты ответов: «не во всём» и «нет» на рисунке не отражены), %

Руководство творческим (производственным) коллективом – основной вид деятельности у 19% опрошенных первой группы и у 23% - второй. Респонденты-руководители из двух изучаемых групп по-разному оценивают важность качеств, нужных для успешного выполнения функции управления (см. таблицу 1). Разница между показателями составляет не менее 5%. Для первой группы самым важным качеством является способность *самостоятельно принимать решения*. На этом качестве руководителя делают акцент 79% респондентов-руководителей первой группы. Второе из важных качеств уступает главному более 20% - это *способность управлять информацией* в области профессиональных знаний (58%). И третье место занимает *способность управлять творческим коллективом* (57%).

Таблица 1

Какие из перечисленных качеств Вы считаете важными для себя, чтобы успешно выполнять функции управления?, % от руководителей коллективов (Можно выбрать любое количество ответов)

Качества	1 группа	2 группа
Способность самостоятельно принимать решения	79,2	64,9
Способность управлять информацией в области профессиональных знаний	58,3	57,4
Способность управлять творческим коллективом	56,9	67,0
Способность к организации и планированию НИОКР	55,6	59,6
Способность решать проблемы	52,8	62,8
Способность к генерации новых идей	52,8	50,0
Способность к анализу и синтезу	50,0	57,4
Способность взаимодействовать с экспертами из других профессиональных областей	48,6	53,2
Способность к разработке творческих проектов и управлению ими	44,4	47,9
Наличие целевых профессиональных знаний	41,7	39,4
Способность оценивать риски	41,7	40,4
Ответственность за качество	41,7	48,9
Способность адаптироваться к изменениям условий творческого труда	38,9	31,9
Способность к координации многопланового творческого коллектива	33,3	40,4
Способность к критическому самоанализу	31,9	33,0
Исследовательские способности	30,6	40,4
Способность к творческому саморазвитию (обучению)	30,6	31,9
Способность к инициативе и предпринимательству	27,8	11,7
Творческая коммуникабельность	26,4	24,5
Ориентация на превышение показателей деятельности, достигнутых конкурентами	16,7	24,5

Для руководителей самым важным качеством является способность самостоятельно принимать решения. Второе из важных качеств - это способность управлять информацией в области профессиональных знаний. И третье место занимает способность управлять творческим коллективом.

В иерархии важных качеств для второй группы на первое место выходит *способность управлять творческим коллективом* (67%), на второе – *способность самостоятельно принимать решения* (65%), на третье – *способность решать проблемы* (63%).

Если сравнивать две группы не по рейтингам качеств руководителя, а по абсолютным цифрам, то выясняется, что для респондентов-руководителей из первой группы более значимыми представляются два качества: *способность самостоятельно принимать решения* (79 и 65%, соответственно) и *способность к инициативе и предпринимательству* (28 и 12%). Менее существенны для первой группы, по сравнению со второй, способности к анализу и синтезу (50 и 57%), к исследованиям (31 и 44%), ответственность за качество (42 и 49%), ориентация на превышение показателей конкурентов (17 и 25%).

Таким образом, респонденты-руководители из первой группы делают акцент на лидерских качествах руководителя, таких как решительность, инициативность, предпринимательство; а из второй - на аналитических, исследовательских способностях, на качестве продукции, показателях конкурентов.

По оценкам руководителей коллективов из первой группы, курсы повышения квалификации были в высокой степени эффективными для формирования способности управлять информацией в области профессиональных знаний, координировать многоплановый творческий коллектив, взаимодействовать с экспертами из других профессиональных областей, разрабатывать творческие проекты и управлять ими (на это указали 60–63% опрошенных руководителей коллективов из первой группы); а также способности самостоятельно принимать решения, решать проблемы, обладать целевыми профессиональными знаниями (56–57%) и других качеств.

У респондентов обеих групп также выяснялось, какие, по их мнению, компетенции необходимы им для качественного участия в инновационной работе. Компетенции эти были выделены по четырём направлениям:

- инструментальные и системные;
- социально-личностные;
- экономические и организационно-управленческие;
- профессионально-профилирующие.

По каждому из этих направлений акцентируем внимание на расхождениях (не менее 5%) в оценках двух групп респондентов.

Среди инструментальных и системных компетенций для первой группы представляются более значимыми, чем для второй, такие компетенции, как умение работать с различным программным обеспечением (66 и 61%), умение управлять информацией, т. е. находить и анализировать её (60 и 54%).

У респондентов выяснялось, какие, по их мнению, компетенции необходимы им для качественного участия в инновационной работе. Компетенции эти были выделены по четырём направлениям: инструментальные и системные; социально-личностные; экономические и организационно-управленческие; профессионально-профилирующие.

Среди социально-личностных компетенций первая группа выделяет в большей мере способность и готовность к перманентному обучению (35 и 26%), способность быстро адаптироваться к новым производственным ситуациям (33 и 26%). При этом ряд компетенций в первой группе признаётся менее важным для успешной инновационной работы, чем во второй группе; речь идёт об умении работать в команде (41 и 48%), стремлении к успеху (20 и 27%), способности к конструктивной критике и самокритике (13 и 19%), развитости навыков межличностных отношений (8 и 14%).

Экономические и организационно-управленческие компетенции оцениваются в обеих группах сходно, с той лишь разницей, что первой группе менее, чем второй, импонирует готовность к творческому риску (17 и 22%).

А вот профессионально-профилирующим компетенциям в первой группе уделяется существенно больше внимания, чем во второй. Прежде всего, речь идёт о способности использовать в работе теоретические знания (39 и 34%), общепрофессиональные базовые (47 и 41%) и специальные (углублённые профессиональные) знания (50 и 38%).

Таким образом, первая группа, по сравнению со второй, выше ценит профессионализм свой и своих коллег и несколько меньше значения придаёт межличностным отношениям. Так, для качественного участия в инновационной деятельности, с точки зрения первой группы, более важны следующие компетенции: хорошее знание компьютера, умение управлять информацией, способность использовать в работе имеющиеся знания, склонность к непрерывному обучению, быстрая адаптация к меняющимся производственным условиям.

И, как показывают данные рис. 5, по мнению более половины респондентов первой группы именно этим компетенциям на курсах обучают высокоэффективно. Прежде всего это касается наиболее востребованных профессионально-профилирующих и инструментально-системных компетенций.

Эти выводы подтверждают и ответы респондентов первой группы на другие вопросы. Так, опрошенные первой группы считают, что для успешного участия в инновационном проекте, наиболее важны такие качества, как углубление базовых знаний по специальности и развитие навыков применения профессиональных знаний в производстве (74–76%). Причём, по оценкам большинства (71–72%), формированию именно этих качеств последние курсы повышения квалификации содействовали в высокой степени.

Итак, в среднем уровень удовлетворённости разными аспектами работы в первой группе выше, чем во второй. При этом доходы первой группы чуть выше, чуть выше и амбиции относительно желательных доходов за выполняемую работу.

Респонденты-руководители из первой группы подчёркивают важность лидерских качеств руководителя творческого коллектива, таких как решительность, инициативность, пред-

принимательство; представители второй группы акцентируют внимание на аналитических, исследовательских способностях, на качестве продукции, показателях конкурентов.

Рис. 5. Формированию каких качеств в высокой степени содействовали курсы?, % респондентов первой группы; приведены качества, по которым ответ «в высокой степени» дали свыше половины опрошенных

Первая группа, по сравнению со второй, выше ценит профессионализм в себе и своих коллегах и несколько меньше значения придаёт межличностным отношениям, подчёркивая, что для полноценного участия в инновационной деятельности прежде всего значимы такие компетенции, как хорошее знание компьютера, умение управлять информацией, способность использовать в работе имеющиеся знания, склонность к непрерывному обучению, быстрая адаптация к меняющимся производственным условиям.

Выводы

В проведённом исследовании в качестве непрерывного (дополнительного) образования в основном рассматривались корпоративные учебные программы. Особенность ведомственного и корпоративного образования состоит в том, что объективно оценить результативность осуществляемого образования достаточно сложно. Обычно при выборе образовательной программы потребитель ориентируется на рейтинг провайдера и, как следствие, на ожидаемое повышение зарплаты и карьерный рост. Так, по данным экспертов, в течение трёх лет после получения дополнительного профессионального образования зарплата в среднем удваивается. по сравнению с уровнем на момент начала обучения. Именно поэтому авторитетные западные рейтинги основаны в первую очередь на скорости роста зарплаты после получения образования. В России такой рейтинг сделать проблематично. Реальное вознаграждение работников с учётом значительной доли «серой» зарплаты определить почти невозможно, а раз так, то и об эффективности образования можно судить лишь косвенно. Но, с другой стороны, прямые инвестиции бизнеса в образование позволяют отвлечься от уровня «непрозрачных» зарплат сотрудников и установить контроль над соотношением размеров инвестиций и прибылей предприятий. Если это соотношение имеет положительную динамику и она устраивает бизнес-структуру, то это достаточно надёжный аргумент для высокого рейтинга образовательной программы.

Вопрос эффективности инвестиций в дополнительное образование имеет три основных уровня анализа.

Во-первых, это собственно экономическая эффективность, которая заключается в извлечении прибыли, а именно превышении доходов над расходами. Говоря экономическим языком, инвестиция эффективна тогда, когда приобретаемые выгоды перекрывают издержки (невозвращённые затраты, потери по инфляции и др.).

Второй уровень исследований связан с нематериальными накоплениями, которые достаточно хорошо описываются теорией человеческого и социального капитала. С точки зрения этой теории, образование всегда является выгодной инвестицией. Оно выступает именно той сферой, которая способна аккумулировать материальные вложения и преобразовывать их в нематериальные. Однако многие исследователи предлагают не останавливаться на нематериальных накоплениях, а продолжать изучать их последующую (возможно, несколько отложенную во времени) ликвидность – конвертацию в экономические ресурсы. В этом, конечно, есть своя логика, поскольку

Особенность ведомственного и корпоративного образования состоит в том, что объективно оценить результативность осуществляемого образования достаточно сложно. Обычно при выборе образовательной программы потребитель ориентируется на рейтинг провайдера и, как следствие, на ожидаемое повышение зарплаты и карьерный рост.

Образование всегда является выгодной инвестицией. Оно выступает именно той сферой, которая способна аккумулировать материальные вложения и преобразовывать их в нематериальные.

при сравнении экономических показателей между собой более наглядно и определённо прослеживается эффективность или неэффективность инвестиций.

В-третьих, помимо собственно экономической стороны вопроса, особенное значение имеет производство и накопление человеческого капитала. Принципиально важным является то, что непрерывное образование в виде подготовки кадров, повышения квалификации, обучения на рабочем месте, информирования и консультирования, самообразования, создания креативных сред для инновационного творчества и др. является основным способом производства человеческого капитала в условиях появления и развития интеллектуалоёмкой деятельности. При этом дополнительное образование может обуславливать профессиональный успех работника, поскольку капитализация (накопление) результатов образования обязательно сопровождается конвертацией в человеческий и социальный капиталы, которые, в свою очередь, входят в число основных факторов развития наукоёмких производств.

Среди полученных нами результатов проведённого исследования следует отметить следующие. Уровень удовлетворённости разными сторонами работы в первой группе (участники образовательных программ) выше, чем во второй (необучающиеся). Прежде всего это касается оценок содержания труда, организации труда, его технической и технологической обеспеченности, престижа профессии в общественном мнении. Однако эта закономерность нелинейная, имеются исключения: в первой группе немного ниже, чем во второй, уровень удовлетворённости взаимоотношениями с непосредственным руководителем, а также условиями социальных гарантий.

Далее, респонденты-руководители из двух обследованных групп по-разному оценивают важность качеств, необходимых для успешного выполнения функции управления. Для первой группы самым важным качеством является способность самостоятельно принимать решения. На этом свойстве руководителя делают акцент 79% респондентов-руководителей первой группы. Подчеркнём, что следующее качество в иерархии важных отстаёт от данного более чем на 20% - это способность управлять информацией в области профессиональных знаний. И третье место занимает способность управлять творческим коллективом. Таким образом, респонденты-руководители из первой группы делают акцент на лидерских качествах руководителя, таких как решительность, инициативность, предпринимательство; во второй группе выделяют аналитические, исследовательские способности, качество продукции, показатели конкурентов.

Важно отметить, что первая группа, по сравнению со второй, выше ценит профессионализм и несколько меньше значения придаёт межличностным отношениям. Так, для качественного участия в инновационной деятельности, с точки

Дополнительное образование может обуславливать профессиональный успех работника, поскольку капитализация результатов образования обязательно сопровождается конвертацией в человеческий и социальный капиталы, которые входят в число основных факторов развития наукоёмких производств.

зрения первой группы, более важны следующие компетенции: хорошее знание компьютера, умение управлять информацией, способность использовать в работе имеющиеся знания, склонность к непрерывному обучению, быстрая адаптация к меняющимся производственным условиям.

Таким образом, основной вывод настоящего исследования заключается в констатации несовпадений на количественном уровне социально-психологических и профессионально-компетентностных показателей работников и руководителей, участвующих в программах непрерывного (дополнительного) образования и не принимающих в них участия. Можно ли считать, что обучающиеся сотрудники обуславливают прирост капитала наукоёмкого предприятия, а необучающиеся составляют «балласт», от которого надо поскорее избавиться. Нам представляется такой вывод слишком радикальным и неправомерным. Современное наукоёмкое производство очень сложный процесс, в котором помимо передовых исследований и разработок остаётся достаточно много рутинной работы, выполнять которую высококлассным специалистам и учёным вряд ли целесообразно.

Собственно, в этом и состоит специфика научной деятельности: в любом коллективе, в любой лаборатории есть свои лидеры, а есть ведомые, которые выполняют очень важную, но незаметную со стороны работу, результаты которой используются лидерами.

И в этом смысле образовательное поведение сотрудников остаётся важным, а возможно и одним из ключевых факторов развития предприятия.

Библиографический список

Архипов А. И., Шацкая И. В. 2012. Профессиональные кадры для модернизации экономики: образовательный аспект. М., ИЭ РАН. 211 с.

Государственная программа «Развитие образования» на 2013-2020 годы, утверждённая Постановлением № 295 от 15 апреля 2014 г. // Официальный сайт Министерства образования и науки РФ. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/4720> [Дата посещения: 23.10.2016].

Ключарев Г. А., Пахомова Е. И. 2007. Корпоративное образование: новая альтернатива государственным программам в сфере профессионального образования // Вопросы образования. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/korporativnoe-obrazovanie-novaya-alternativa-gosudarstvennym-programmam-v-sfere-professionalnogo-obrazovaniya> [Дата посещения: 23.10.2016].

Печенкин А. Е. Отдел обучения как бизнес подразделение компании // Myshared. URL: www.myshared.ru/slide/677881 [Дата посещения: 23.10.2016].

Федеральный Закон от 29 декабря 2013 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Официальный сайт Министерства образования и науки РФ. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/2974> [Дата посещения: 23.10.2016].

Шацкая И. В. 2014. Система профессионального образования как источник кадрового обеспечения модернизационных преобразований российской экономики. М., Спутник+. 136 с.

Arvanitis Spyros, Loukis Euripidis. 2015. Employee education, information and communication technologies, workplace organization and trade // Industrial and Corporate Change. Oxford Journals. № 24 (6). P. 1417-1442.

Battisi Giuliana, Corradini Carlo, Demirel Pelin. 2016. Serial innovations in the UK: does size matter? // Industrial and Corporate Change. Vol. 25. № 1. P. 23-47.

Daunfeldt Sven-Olov, Elert Niklas, Dan Johansson. 2016. Are high-growth firms overrepresented in high-tech industries? // Industrial and Corporate Change. Vol. 25. № 1. P. 1-21.

ISCED Fields of Education and Training Paris, UNESCO Institute for Statistics, 2013. P. 13. // Официальный сайт ЮНЕСКО. URL: <http://www.uis.unesco.org/Education/Documents/isced-fields-of-education-training-2013.pdf> [Дата посещения: 23.10.2016].

Pakes A., Ericson R. 1998. Empirical Implications of alternative models of firms dynamics // Journal of Economic Theory. № 79. P. 1-45.

DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.430

On the Effectiveness of Continuous Education in High-Tech Industrial Enterprises

Kliucharev Grigoriy Arturovich

Doctor of Philosophy, professor, head of the Center for the Sociology of Education, Science and Culture, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
E-mail: Kliucharev@mail.ru

Sheregi Franc Edmumdovich

Doctor of Philosophy, director of the Center for Social Forecast, Moscow, Russia.
E-mail: f-sheregi@inbox.ru

Chursina Anna Vadimovna

Senior laboratory assistant with higher education, postgraduate, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: anna.chiursina@gmail.com

Abstract. Continuous education¹ in the form of personnel training, advanced training, training in the workplace, informing and consulting, self-education, implementing creative environments for innovative creativity, and certain other forms of educational activities are the main means of producing human capital given conditions when high-tech business is emerging and developing. This article considers the following thesis: the idea of “continuous education” should be viewed from different points of view, such as legal, economic. Addressed is the matter of the relationship between education

¹ This study was conducted within the framework of a grant from the Russian Scientific Foundation – “Continuous education and high-tech industrial enterprises: institutions and collaboration practices” (project № 16-18-10420).

and professional activities. Noted is the fact that employees' educational behavior is one of the factors of production development. Special attention is paid to such an aspect as continuous education while studying large-scale and average high-tech enterprises. This article analyzes data from a study conducted at high-tech enterprises, involving employees who had passed advanced training courses, those who hadn't attended the latter, as well as the management of these enterprises'. Considered is the way in which attending such advanced training courses (including corporate ones) influences the job-satisfaction level of employees at high-tech industrial enterprises, as well as the development of those qualities which are necessary for them to perform their duties. Examined was the degree in which attending advanced training courses affected a laborer's salary (both actual and desired). Separately studied were the opinions of the executives at such companies, opinions concerning those qualities which are necessary to perform management functions. The following observation was made: there exist four groups of competences necessary for successful participation in innovative work. Revealed is the fact that additional education determines the development of those industrial enterprises with a high concentration of intellectuals, by means of forming employees' technological competences. The following conclusion is made: the criterion used to assess effectiveness of training in the workplace – namely, salary increases for studying employees – while it may be commonplace in worldwide practice, however, it is not very reliable on account of “grey salary” practices. Described are the peculiarities when it comes to employers choosing between institutional or corporate additional education. Considered are three levels for analyzing the effectiveness of investing into additional professional training.

Keywords: Continuing education, science intensive industries, reproduction of scientific and engineering personnel, efficiency of training and retraining.

References

Arhipov A. I., Shackaja I. V. Professional'nye kadry dlja modernizacii ekonomiki: obrazovatel'ny aspekt [Professional Staff to Modernize the Economy: the Educational Aspect]. Moscow, IE RAS, 2012. 211 p.

Arvanitis Spyros, Loukis Euripidis. Employee education, information and communication technologies, workplace organization and trade. *Industrial and Corporate Change*. Oxford Journals, 2015, no 24 (6), pp. 1417-1442.

Battisi Giuliana, Corradini Carlo, Demirel Pelin. Serial innovations in the UK: does size matter? *Industrial and Corporate Change*, 2016, Vol. 25, no 1, pp. 23-47.

Daunfeldt Sven-Olov, Elert Niklas, Dan Johansson. Are high-growth firms overrepresented in high-tech industries? *Industrial and Corporate Change*, 2016, Vol. 25, no 1, pp. 1-21.

Federal'ny Zakon ot 29.12.2013 #273-FZ «Ob obrazovanii v Rossiyskoy federacii [Federal Law of December 29, 2013 № 273-FZ “On Education in the Russian Federation”]. Russian Ministry of Education and Science Official website. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/2974> [date of visit: 23.10.2016].

Gosudarstvennaja programma «Razvitie obrazovanija» na 2013-2020 gody, utverzhdiennaja Postanovleniem no 295 ot 15.04.2014 [The State Program “Development of Education” for 2013-2020 years, Approved by Resolution no 295 of April 15, 2014]. Russian Ministry of Education and Science Official website. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/4720> [date of visit: 23.10.2016].

ISCED Fields of Education and Training Paris, UNESCO Institute for Statistics, 2013. P.13. UNESCO Official website. URL: <http://www.uis.unesco.org/Education/Documents/isced-fields-of-education-training-2013.pdf> [date of visit: 23.10.2016].

Kliucharev G. A., Pahomova E. I. Korporativnoe obrazovanie: novaja al'ternativa gosudarstvennym programmam v sfere professional'nogo obrazovanija [Corporate Education: a New Alternative to Government Programs in the Field of Professional Training]. *Voprosy obrazovanija*, 2007, no 2, pp. 117-139

Pakes A., Ericson R. Empirical Implications of alternative models of firms dynamics. *Journal of Economic Theory*, 1998, no 79, pp. 1-45.

Pechenkin A. E. Korporativny universitet GAZPROM [PJSC Gazprom Corporate University]. Official website. URL: www.myshared.ru/slide/677881 [date of visit: 23.10.16].

Shackaja I. V. Sistema professional'nogo obrazovanija kak istochnik kadrovogo obespechenija modernizacionnykh preobrazovanij rossiyskoy ekonomiki [Professional Education System as a Source of Staffing Procuring of Modernizing Transformation of Russian Economy]. Moscow, Sputnik+, 2014. 136 p.

Социальное самочувствие

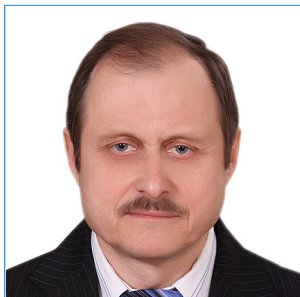

Социальная безопасность среднедоходных групп в России

Козырева Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора Института социологии Российской академии наук, заведующая Центром лонгитюдных обследований Института социальной политики НИУ ВШЭ, Москва

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Смирнов Александр Ильич – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: smir_al@bk.ru

Социальная безопасность среднедоходных групп в России

DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.436

Аннотация. В статье¹ анализируются проблемы социальной безопасности россиян со средним уровнем доходов и их способность противостоять угрозам и опасностям кризисного общества. Анализ опирается на данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» — лонгитюдного обследования домохозяйств. Исследование выявило, что ухудшение материального положения россиян после вступления страны в полосу экономических кризисов привело к значительному сужению высокодоходных слоёв и расширению групп со средним уровнем доходов. При этом во всех группах, независимо от уровня материальной обеспеченности, наблюдалось существенное рассогласование объективного и субъективного материальных статусов респондентов. Об ухудшении условий и снижении уровня жизни среднедоходных слоёв свидетельствовало нарастание неудовлетворённости людей своим материальным положением и жизнью в целом, усиление их обеспокоенности проблемами занятости и страха перед безработицей, повышение тревожности и ухудшение оценок жизненных перспектив. Основными причинами снижения уровня социальной защищённости слоёв со средним уровнем доходной обеспеченности стало сокращение размера реальных доходов и доступности различных источников денежных и неденежных доходов, ограничение доступа к социальным льготам и социальным услугам. Повышение частоты обращений работодателей к «нестандартным» формам поведения на рынке труда, помогающим предприятиям с наименьшими потерями выйти из кризиса и сдерживающим рост безработицы (административные отпуска, работа по сокращённому графику, задержки заработной платы, «скрытая» оплата труда и т. п.), привело к значительному росту нарушений трудовых прав работников с низким и средним уровнями доходов. Среди них увеличилось число людей, работающих без официального оформления трудовых отношений. Но, несмотря на развитие этих и целого ряда других негативных тенденций, ситуация в сфере социальной безопасности среднедоходных слоёв всё же не выглядела катастрофической.

Ключевые слова: доходы, социальная безопасность, угрозы безопасности, уровень жизни, социальное самочувствие, социальное обеспечение, социальные льготы и гарантии, экономический кризис

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16-23-21001 «Сравнительный анализ среднедоходных групп в России и Китае».

В условиях динамичного и противоречивого развития общества, сопровождающегося ростом разновидностей и масштабов опасностей и угроз, принципиальное значение приобретает повышение внимания к проблемам социальной безопасности, острота которых достигает критических отметок в периоды кризисных потрясений общества. Именно такая ситуация сложилась в России в последние годы. Под влиянием современных реальностей в социальной сфере обострились многие прежние и возникли новые опасности и угрозы, дестабилизирующие все сферы жизнедеятельности. К ним относятся, прежде всего, рост бедности, повышение угрозы безработицы, углубление социальной поляризации населения, ухудшение условий труда и увеличение количества нарушений трудовых прав, снижение эффективности функционирования основных институтов социального обеспечения и социальной защиты. Сократилось количество граждан, имеющих доступ к социальному обеспечению, рассчитывающих на социальную защиту.

О социальном измерении безопасности говорят как в широком, так и в узком смысле. В широком смысле понятие «социальная безопасность» очень часто отождествляется с понятием «национальная безопасность». В этом случае оно трактуется как фундаментальная интегрирующая категория человеческого бытия, так или иначе включающая все остальные виды безопасности [Зинченко 2007], как способ функционирования социальной системы, сохраняющий её устойчивость и жизнеспособность в процессе взаимодействия её структурных составляющих между собой и с окружающей средой на протяжении существования и развития общества [Социальная безопасность России... 2016] и т. д. Когда же о «социальной безопасности» говорят в узком смысле, то акцентируют внимание на защите интересов личности, семьи, общества или других субъектов в социальной сфере, развитии социальной структуры и отношений в обществе, системы жизнеобеспечения и социализации людей, образа жизни [Кузнецов 2008: 48]. Социальная безопасность трактуется как «состояние общества, обеспечивающее максимальный уровень предоставляемых социальных благ и социальных условий, которое определяет качество жизни общества в целом и гарантирует наименьший риск для жизни и здоровья людей» [Черникова, Черданцев, Вшивкова 2015: 836]. В зону социальной безопасности попадают самые различные аспекты социальной жизни, охватывающие широкий спектр социальных проблем, но прежде всего определяющие социальное положение человека.

Социальная безопасность, трактуемая в узком смысле, предполагает защищённость интересов человека и общества от недопустимых или неприемлемых рисков, вызовов, опасностей и угроз, обеспечение жизненно важных прав в социальной сфере (на жизнь; на труд и его оплату; на бесплатное лечение

и образование; на доступный отдых; на гарантированную социальную защиту и др.), поддержание оптимальных или достойных, удовлетворяющих человека условий жизни и деятельности. Сегодня, когда экономический кризис приобрёл затяжной характер, степень защищённости жизненно важных интересов личности, семьи и общества от возросших опасностей и угроз, способность людей им противостоять во многом определяются как кризисным состоянием социальной сферы российского общества, так и наличием у граждан тех или иных ресурсов, определённых активов, которые, позволяют противодействовать неблагоприятным условиям окружающей среды.

В кризисном обществе решение проблем социальной безопасности во многом зависит от того, насколько эффективна государственная система социального обеспечения. То есть от того, как реализуются программы по оказанию помощи гражданам, оказавшимся в трудной ситуации; как обеспечиваются гарантии всем гражданам на получение определённых видов социальных услуг и минимальный объём социальных благ независимо от степени участия в производственной деятельности. Эффективно действующая система социального обеспечения, реально защищающая граждан, способна решить многие социальные проблемы, содействовать укреплению социальной сплочённости и переходу к устойчивому экономическому росту.

В стабильном обществе социальное обеспечение всё в большей степени приобретает очертания социального развития, нацеленного не только на поддержку наиболее уязвимых слоёв и решение традиционных задач социального обеспечения неимущих, но и на достижение высоких результатов в развитии всех членов общества. Его безусловными приоритетами становятся развитие личности, социальные свободы, гендерное равенство, обеспечение занятости и справедливая оплата труда, равного доступа к образованию и рабочим местам, охрана здоровья людей и др. [Модернизация России... 2011: 196–201]. Осуществляется модернизация социального обслуживания населения, развиваются различные инновационные подходы в социальной политике, нацеленные на внедрение новых способов, средств, технологий удовлетворения актуальных потребностей населения. Но, тем не менее, в условиях экономического кризиса, особенно, если он становится затяжным и глубоким, акценты смещаются в обратную сторону. Повышается значимость традиционных проблем социального обеспечения, увеличивается количество нуждающихся, поскольку в зону кризисной турбулентности попадают не только бедные, но и довольно обеспеченные группы, теряющие свою социально-экономическую устойчивость.

Важным элементом социального обеспечения, одной из его важнейших организационно-правовых форм является социальное страхование. Многослойность и многовариантность социального страхования (обязательное и добровольное, госу-

Сегодня степень защищённости жизненно важных интересов личности, семьи и общества от возросших опасностей и угроз, способность людей им противостоять во многом определяются как кризисным состоянием социальной сферы российского общества, так и наличием у граждан ресурсов, которые, позволяют противодействовать неблагоприятным условиям.

дарственное и негосударственное, распределительное и накопительное, коллективное и индивидуальное и т. п.) даёт возможность использовать его в различных моделях социальной политики, но в разных формах и сочетаниях. В государствах с развитой экономикой система страхования от социальных рисков охватывает огромное количество различных институтов и организаций, что позволяет обеспечить как гарантированную социальную защиту граждан, так и наиболее полное удовлетворение спроса различных категорий населения на услуги страхования [Теория и методология... 2005: 117–133].

В нынешней непростой ситуации особый научный и практический интерес представляет изучение проблем социальной безопасности средних слоёв, которые не относятся ни к бедным, ни к богатым, но в «силу своего внутреннего многообразия не могут рассматриваться как единый социальный субъект» [Средний класс... 2016: 9]. Хотя средние слои крайне неоднородны по своему составу, а их представители имеют разные мировоззренческие позиции, жизненные ориентиры, стили потребительского поведения, адаптационные стратегии и т. п., всех их объединяет то, что они в той или иной степени успешны. Данное качество находит выражение в первую очередь в их способности обеспечивать себя финансово, материально. В пользу этого вывода говорит и то, что, как показывают исследования, высокий уровень социальной дифференциации в современной России в наибольшей мере определяется высоким уровнем имущественного неравенства [Рыночная рациональность... 2013: 85].

Исследование актуальных проблем социальной безопасности групп со средним уровнем материальной обеспеченности позволяет, с одной стороны, определить степень удовлетворённости жизненно важных потребностей и интересов наиболее массовых слоёв населения, проследить её связь с изменением экономической ситуации в стране. С другой стороны, появляется возможность уточнить и скорректировать направления совершенствования системы социальной защиты семей и отдельных граждан.

В данной статье мы попытались сосредоточить внимание на изучении ряда отмеченных выше проблем, опираясь на данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)»¹. Исходя из того, что важнейшим дифференцирующим признаком социальных слоёв в нынешней России выступает «имущественная дифференциация, поляризующая интересы социальных

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН (сайты обследования RLMS-HSE: URL: <http://www.hse.ru/org/hse/rllms>, <http://www.cpc.unc.edu/projects/rllms>).

групп» [Горшков 2011: 166], в основе которой лежат различия в уровне доходной обеспеченности, в ходе анализа данных мониторинга были выделены четыре группы респондентов, различающихся по величине среднедушевых доходов: низкодоходные слои – 0,75 или менее медианного значения; нижние среднедоходные слои – более 0,75–1,25 медианы; верхние среднедоходные слои – более 1,25–2 медианы; высокодоходные слои – более 2-х медианных значений.

Анализ динамики распределения респондентов по группам в зависимости от величины дохода показал (см. рис. 1), что ухудшение экономического положения значительной части россиян после вступления страны в 2008 г. в полосу экономической нестабильности привело к заметному сужению высокодоходных слоёв (с 14,7% в предкризисном 2007 г. до 8,3% в 2015 г.) и расширению нижних среднедоходных слоёв (соответственно с 29,2 до 38%). В ходе этих изменений, свидетельствующих об увеличении количества россиян с ограниченными или истощёнными ресурсами, зачастую недостаточными для успешного противодействия опасностям и угрозам кризисного общества, нижние среднедоходные слои превратились в наиболее многочисленную группу, составляя вместе с респондентами, относящимися к слоям с самыми низкими доходами, почти три четверти всех респондентов.

Рис. 1. Динамика доходных групп, 2006–15 гг., %

Наиболее интенсивно отмеченные выше изменения протекали в самых крупных городах – республиканских, краевых и областных центрах, где за 2007–15 гг. слои с самыми высокими доходами сократились вдвое – с 22,7 до 11,6%, а верхние среднедоходные уменьшились почти на треть – с 33,4 до 27,6%. В то же время нижние среднедоходные слои выросли

почти в полтора раза – с 28 до 40,3%, а низкодоходные увеличились с 15,9 до 20,6%. В других городах существенные изменения коснулись только нижних среднедоходных слоёв (увеличились с 34,3 до 38,5%) и слоёв с самыми высокими доходами (сократились вдвое — с 13,9 до 7,3%). Обращает на себя внимание и то, что наименьший уровень доходной обеспеченности постоянно фиксировался в сельской местности, где свыше половины жителей год от года наполняли слою с самыми низкими доходами. Доля таких респондентов уменьшилась с 56,3% в 2007 г. до 52,2% в 2015 г., тогда как доля сельчан, относящихся к нижним среднедоходным слоям, за этот же период увеличилась на треть – с 26 до 33,8%. В то же время верхние среднедоходные слою уменьшились почти в полтора раза – с 12,4 до 8,9%, а слою с наиболее высокими доходами – всего лишь с 5,3 до 4,1%.

Опасность расширения слоёв с низким уровнем доходной обеспеченности возрастает ещё больше по мере сокращения доходов населения в период обострения нынешнего экономического кризиса. Так, по данным RLMS-HSE, с декабря 2013 г. по декабрь 2015 г. средние реальные доходы российских домохозяйств снизились на 6,5%. Сложная экономическая ситуация не обошла стороной и слою относительно зажиточных россиян. В результате сокращения реальных доходов многие граждане из нижних среднедоходных слоёв стали испытывать серьёзные материальные трудности или балансировать на грани бедности, что заметно обострило проблему неравенства в доступности образовательных, медицинских и других услуг в условиях «разгосударствления социальной сферы» [Алешина 2013: 109] с целью её коммерциализации. Для части таких людей снижение доходов стало причиной не только недостатка необходимых материальных средств, но и отчуждения от уже привычного образа жизни, лишения возможности реализовать на приемлемом уровне те или иные жизненно важные права. Непосредственным отражением этих процессов оказалось постепенное развитие настроений социального пессимизма в качестве более массовой тенденции в сознании россиян.

Распределение респондентов по группам в зависимости от величины дохода позволило провести анализ согласованности их объективного и субъективного материальных статусов. Самоопределение на шкале материального благосостояния, включающей 9 ступеней (от низшей – «нищие» до высшей – «богатые»), осуществлялось на основании самооценки респондентом своей текущей позиции. В ходе анализа рассматривались три уровня иерархии, включающих по три ступени – нижний, средний и верхний. Статусная консистентность определялась как значимое или существенное соответствие субъективного статуса (уровня шкалы) групповой принадлежности.

В самых крупных городах – республиканских, краевых и областных центрах – за 2007–15 гг. слою с самыми высокими доходами сократились вдвое – с 22,7 до 11,6%, а верхние среднедоходные уменьшились почти на треть – с 33,4 до 27,6%. В то же время нижние среднедоходные слою выросли почти в полтора раза – с 28 до 40,3%, а низкодоходные увеличились с 15,9 до 20,6%.

Для части людей снижение доходов стало причиной отчуждения от привычного образа жизни. Непосредственным отражением этих процессов оказалось постепенное развитие настроений социального пессимизма в качестве более массовой тенденции в сознании россиян.

Анализ данных RLMS-HSE показал, что наиболее согласованными являются оценки представителей групп со средним уровнем доходной обеспеченности, тогда как наименее согласованными – оценки респондентов, относящихся к высокодоходным слоям (см. таблицу 1). При этом общая картина статусной консистентности за весь анализируемый период практически не изменилась.

Таблица 1
Консистентность объективных и субъективных материальных статусов, 2006–2015 гг., %

Доходные группы	Уровни и ступени шкалы								
	Нижний уровень			Средний уровень			Верхний уровень		
	Низшая ступень	2-я ступень	3-я ступень	4-я ступень	5-я ступень	6-я ступень	7-я ступень	8-я ступень	Высшая ступень
2006									
Низкодоходные слои	8,8	16,3	24,8	24,2	19,1	4,3	2,1	0,3	0,1
Нижние среднедоходные слои	5,6	11,2	24,8	25,8	23,6	6,6	2,0	0,2	0,2
Верхние среднедоходные слои	3,8	7,7	20,0	27,5	27,0	8,9	4,4	0,6	0,1
Высокодоходные слои	2,2	6,2	18,0	22,0	33,5	11,1	4,9	0,8	1,3
2015									
Низкодоходные слои	7,6	16,0	23,5	19,0	19,6	11,0	3,1	0,2	0,0
Нижние среднедоходные слои	3,5	10,0	25,2	25,3	22,1	9,7	3,9	0,3	0,0
Верхние среднедоходные слои	2,8	7,3	20,1	28,1	26,5	10,2	4,5	0,5	0,0
Высокодоходные слои	2,5	5,8	16,5	25,2	31,8	12,8	4,9	0,4	0,1

Наличие больших групп респондентов с завышенной или заниженной самооценкой своего социально-экономического положения может свидетельствовать как о существенных сдвигах в уровне материального благосостояния россиян, так и о глубокой противоречивости массового сознания, характерного для нестабильного общества. В конце 2015 г. примерно каждому пятому респонденту из высокодоходных слоёв и каждому третьему представителю срединных доходных слоёв (ниж-

них и верхних) было характерно ощущение своей принадлежности к низам общества, что нередко вызывало определённое чувство безысходности и предопределённости своей судьбы, некоей социальной отверженности или ущемлённости. В то же время гораздо меньше респондентов из нижней и срединных доходных когорт относили себя к весьма обеспеченным гражданам, уверенным в преодолении прежних социальных барьеров и расширении социальных горизонтов. Но в целом значительное преобладание негативной статусной неконсистентности над позитивной свидетельствовало о том, что на протяжении последних десяти лет доходы существенной части россиян, в том числе принадлежащих к высокодоходным слоям, которые располагали наибольшими материальными ресурсами, оставались низкими и крайне умеренными, не позволяя им реализовать свои, зачастую довольно скромные, потребности и интересы.

Вместе с тем, если обратиться к данным мониторинга, демонстрирующим ряд долгосрочных тенденций, то можно прийти к выводу, что общая ситуация в сфере социальной безопасности россиян за последние десять лет изменилась всё же в лучшую сторону, даже несмотря на значительные негативные сдвиги, отмеченные в годы последнего экономического кризиса.

Перетекание значительных групп граждан из высокодоходных слоёв в среднедоходные и существенное расширение нижних среднедоходных слоёв за счёт более обеспеченных не привело к критическому обострению проблемы социального неравенства. Наоборот, было выявлено очередное сокращение неравенства российских домохозяйств по доходам. Если с 2006 по 2008 гг. разрыв в доходах между домохозяйствами верхнего и нижнего доходных квинтилей вырос с 6 до 6,7 раз, то затем к концу 2015 г. он постепенно сократился до 2,8 раз. Подобное снижение на фоне сокращения реальных доходов домохозяйств может свидетельствовать об определённом выравнивании доходов большей части населения, но на низком уровне. Отмеченные изменения привели к улучшению взаимоотношений между гражданами, принадлежащими к различным группам, и, следовательно, к наращиванию социального капитала общества и усилению социальной сплочённости, о чём свидетельствует позитивная динамика оценок возможности достижения взаимопонимания и сотрудничества между бедными и богатыми людьми (см. рис. 2). При этом, несмотря на то, что взаимное согласование различных, а порой противоположных интересов представлялось сложной и болезненной проблемой на всех уровнях социальной иерархии, наблюдался очень чёткий тренд, демонстрирующий рост позитивных оценок по мере повышения материального статуса респондентов.

Наличие больших групп респондентов с завышенной или заниженной самооценкой своего социально-экономического положения может свидетельствовать как о существенных сдвигах в уровне материального благосостояния россиян, так и о глубокой противоречивости массового сознания, характерного для нестабильного общества.

Перетекание значительных групп граждан из высокодоходных слоёв в среднедоходные и существенное расширение нижних среднедоходных слоёв за счёт более обеспеченных не привело к критическому обострению проблемы социального неравенства.

Анализ данных мониторинга также убеждает, что россияне стали не только яснее осознавать необходимость сплочения общества, но и лучше понимать друг друга, быстрее находить пути согласования интересов. И хотя эти сдвиги пока не особенно существенны, а порой и вовсе малозаметны, они, несомненно, очень важны для консолидации кризисного общества. Универсальным показателем, помогающим понять, каков уровень доверия в обществе в целом, насколько благоприятна социальная атмосфера для гармонизации взаимоотношений различных социальных субъектов, выступает обобщённое (генерализованное) доверие, характеризующее уровень доверия граждан по отношению к посторонним, т. е. незнакомым людям вообще.

Анализ данных мониторинга также убеждает, что россияне стали не только яснее осознавать необходимость сплочения общества, но и лучше понимать друг друга, быстрее находить пути согласования интересов.

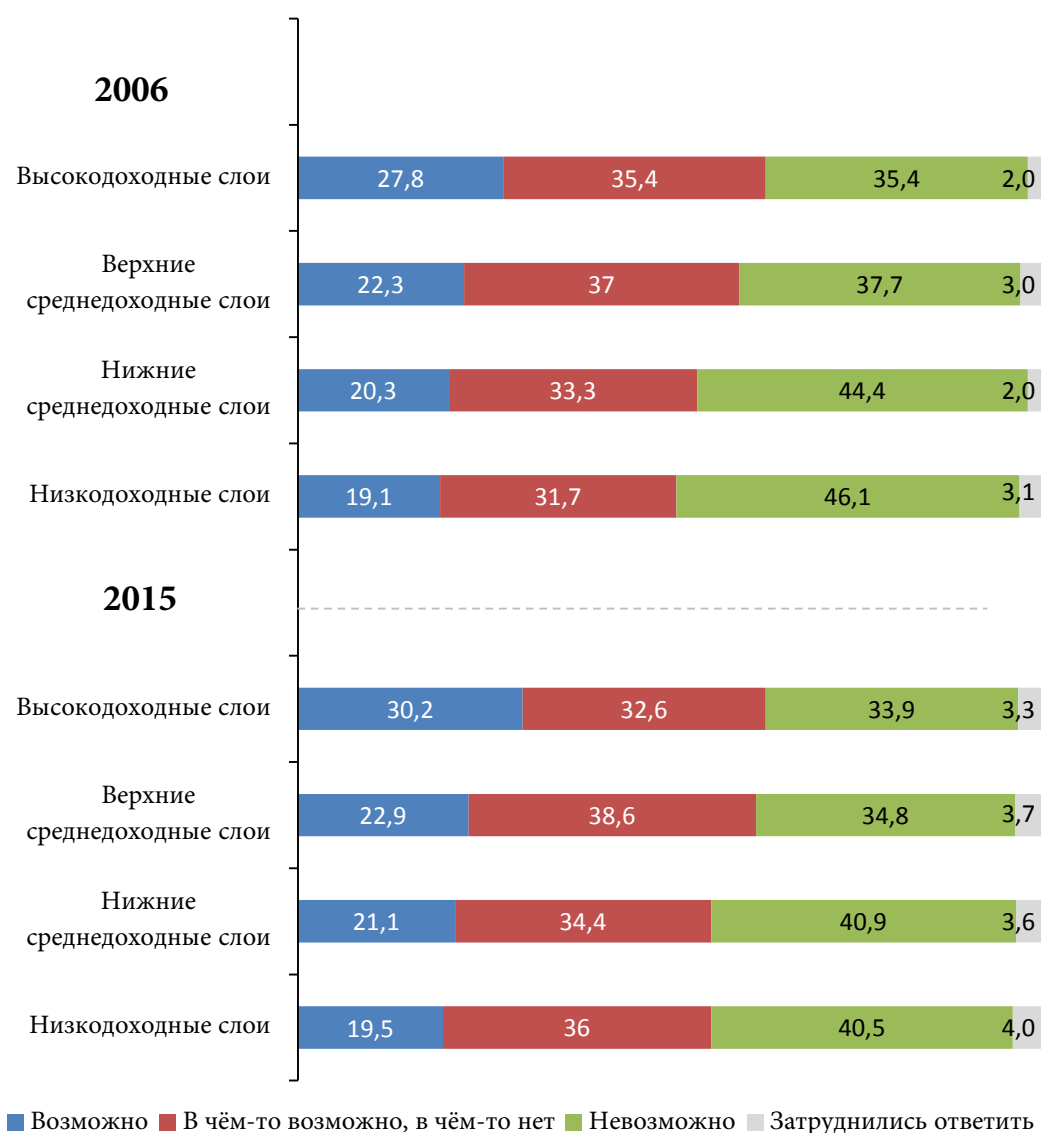

Рис. 2. Динамика оценок возможности достижения взаимопонимания и сотрудничества между бедными и богатыми по доходным группам, 2006–2015 гг., %

Согласно данным RLMS-HSE, в когортах респондентов с низкими и средними доходами, составляющих подавляющее большинство опрошенных, доля считающих, что с незна-

комыми людьми всегда надо быть осторожными, постоянно сокращается, однако растёт число тех, кто полагают, что доверять или не доверять окружающим необходимо в зависимости от того, что собой представляет тот или иной человек (см. таблицу 2). Наиболее доброжелательно относятся к посторонним респонденты с низкими доходами, а особенно насторожённо – люди с самыми высокими заработками. Что касается респондентов из групп со средним уровнем доходной обеспеченности, то они чаще всего (более 43%) занимают взвешенную, осторожную позицию, полагая, что доверять или не доверять другим людям следует в зависимости от того, какими качествами они обладают. Ещё более 40% считают, что в отношениях с людьми всегда надо быть внимательными и осторожными, и только один из семи опрошенных уверен, что большинству людей можно доверять.

Таблица 2

Динамика уровня доверия к другим людям, 2006–2015 гг., %

Альтернативные суждения	Низкодоходные слои			Нижние среднедоходные слои			Верхние среднедоходные слои			Высокодоходные слои		
	2006	2009	2015	2006	2009	2015	2006	2009	2015	2006	2009	2015
Большинству людей можно доверять	16,0	24,0	18,4	15,9	18,0	15,0	15,9	17,0	13,6	13,0	18,0	11,0
В отношениях с другими людьми всегда надо быть осторожными	55,1	39,3	37,6	55,0	44,6	40,5	57,2	45,4	41,8	59,4	44,6	49,8
И то, и другое, в зависимости от человека, условий	25,5	33,9	41,8	27,6	36,2	43,4	26,0	36,0	43,3	26,7	36,2	38,9
Затруднились ответить	3,4	2,8	2,2	1,5	1,2	1,1	0,9	1,6	1,3	0,9	1,2	0,3

К числу позитивных тенденций, характеризующих изменения в сфере социальной безопасности, следует отнести улучшение оценок состояния здоровья и удовлетворённости жизнью, которое затронуло все группы россиян. Особого внимания заслуживает тот факт, что наибольшие положительные изменения в оценках состояния здоровья были отмечены у респондентов с низкими доходами, располагающими в силу этого наименьшими материальными ресурсами, которые могут использоваться для сохранения или улучшения здоровья. Так, за 2006–15 гг. доля лиц, оценивающих своё здоровье как хорошее и очень хорошее, выросла среди респондентов из низкодоходных слоёв с 35,8 до 48,2%, среди респондентов из нижних среднедоходных слоёв – с 28,7 до 36,8%, тогда как среди респондентов из верхних среднедоходных слоёв – только с 35,7 до 36,3%, а среди опрошенных с самыми высокими доходами – с 36,2 до 39,8%.

Исследование выявило также заметное улучшение во всех доходных группах таких показателей социального самочувствия, как удовлетворённость жизнью в целом и отдельными её сторонами, которое, однако, после начала экономического кризиса пошло на спад (см. рис. 3). Причём наиболее болезненно восприняли негативные перемены в своей жизни респонденты из групп со средним уровнем доходной обеспеченности, которые, как и прежде, больше всего ценят личную безопасность и безопасность своей семьи, отношения в семье, материальное благополучие, своё здоровье и здоровье близких. С 2013 по 2015 гг. доля лиц, в большей или меньшей степени удовлетворённых своей жизнью в целом, уменьшилась в когорте респондентов, принадлежащих к нижним среднедоходным слоям, с 50 до 46,2%, а в когорте респондентов из верхних среднедоходных слоёв — с 58,4 до 55,4%. Этот спад оказался намного больше, чем во время предыдущего экономического кризиса, но ежегодные темпы спада были примерно одинаковыми. Возросшие настроения тревоги и пессимистические ожидания среднедоходных слоёв чаще всего сочетались с готовностью без паники пережить трудности.

Рис. 3. Доля полностью и скорее удовлетворённых своей жизнью в целом среди представителей различных доходных групп, 2006–2015 гг., %

Более всего россиян беспокоят сегодня такие экономические и социальные проблемы, как низкие заработки и мизерные пенсии, рост цен, угроза безработицы, невысокое качество и доступность медицинских и образовательных услуг. Как показывают исследования Института социологии РАН, все их

Исследование выявило также заметное улучшение во всех доходных группах таких показателей социального самочувствия, как удовлетворённость жизнью в целом и отдельными её сторонами, которое, однако, после начала экономического кризиса пошло на спад.

можно отнести к трём наиболее распространённым типам проблем, волнующих россиян в их личной жизни: характеризующий материальные трудности, повышающий социально-экономическую уязвимость и связанный со здоровьем [Российское общество... 2016: 69–72]. Обострение этих проблем во время экономического кризиса сказалось на уровне и качестве жизни большинства россиян, в том числе принадлежащих к группам со средним уровнем доходов. Особенности социально-экономического положения значительной части этих людей таковы, что стремление к удовлетворению материальных нужд играет в их сознании и поведении не столь существенную роль, как в докризисный период. Многим из них пришлось значительно умерить свои запросы, отказаться от привычных расходов, в то время как самые верхние слои, несмотря на существенные трудности и потери, в большинстве своём сохранили прочность своего положения.

В группе, состоящей из представителей нижних среднедоходных слоёв, с 2013 по 2015 гг. доля респондентов, заметивших хотя бы минимальное улучшение материального положения своих семей за последние 12 месяцев, уменьшилась почти в полтора раза – с 20,4 до 14,2%, тогда как доля тех, кто почувствовали ухудшение, выросла более чем в два раза – с 15,6 до 32%, что видно из таблицы 3. Ещё более значительными оказались сдвиги в оценках представителей верхних среднедоходных слоёв: доля респондентов, которые почувствовали улучшение материального положения своих семей, за указанный период уменьшилась более чем в полтора раза – с 28,2 до 16,4%, в то время как доля лиц, ощутивших ухудшение материальной стороны жизни семей, выросла почти в три с половиной раза – с 11,4 до 37,6%. Такие значительные негативные сдвиги, затронувшие практически все слои населения, были отмечены впервые, начиная с 2006 г.

Таблица 3

Динамика оценок изменения материального положения своей семьи за последние 12 месяцев, 2006–2015 гг., %

Доходные группы	2006		2009		2013		2015	
	Улучшилось	Ухудшилось	Улучшилось	Ухудшилось	Улучшилось	Ухудшилось	Улучшилось	Ухудшилось
Низкодоходные слои	17,4	25,5	18,2	21,9	19,1	21,5	14,0	34,2
Нижние среднедоходные слои	26,0	14,1	28,1	15,0	20,4	15,6	14,2	32,0
Верхние среднедоходные слои	35,0	11,4	32,5	13,6	28,2	11,4	16,4	27,6
Высокодоходные слои	43,7	8,7	36,2	11,3	34,3	10,6	18,1	31,7

Одновременно, но не столь существенно, выросла неудовлетворённость респондентов со средним уровнем доходной обеспеченности своим материальным положением. Это хорошо иллюстрируют данные, изложенные в [таблице 4](#). Интересно и то, что, несмотря на затянувшийся экономический кризис, уровень удовлетворённости этих респондентов своим материальным положением оставался выше, чем в 2009 г.

Таблица 4

Динамика удовлетворенности своим материальным положением, 2006–2015 гг., %

Доходные группы	2006		2009		2013		2015	
	Удовлетворены	Не удовлетворены	Удовлетворены	Не удовлетворены	Удовлетворены	Не удовлетворены	Удовлетворены	Не удовлетворены
Низкодоходные слои	10,2	75,2	15,6	70,1	16,2	67,7	17,9	66,9
Нижние среднедоходные слои	17,9	62,3	18,2	61,0	22,9	56,5	20,5	59,7
Верхние среднедоходные слои	24,7	56,1	26,2	51,9	29,7	46,2	28,3	49,1
Высокодоходные слои	29,7	48,5	37,3	43,6	39,1	38,6	34,1	46,8

Очевидно, что чем выше доходы людей, тем значительнее могут быть их расходы. Принципиальное значение в данном случае имеет то, насколько большими и глубокими являются разрывы в подобных возможностях между группами с разными уровнями доходов. Когда они чрезмерно велики, сужается база для укрепления сплочённости общества и растёт социальная отчуждённость. О том, что в нынешней России эти разрывы велики, свидетельствуют данные мониторинга, демонстрирующие динамику оценок возможностей различных доходных групп приобретать дорогостоящие предметы и услуги.

Как следует из [таблицы 5](#), при каждом переходе к группе с более высокими доходами доля респондентов, которые могут откладывать деньги на такие крупные покупки, как легковой автомобиль или дача, удваивается. При этом удельный вес граждан, располагающих подобными покупательскими возможностями, даже в группе респондентов с самыми высокими доходами составляет только около трети, а среди респондентов с самыми низкими доходами – всего лишь 5,9%. Ещё более значительными являются разрывы в показателях, характеризующих возможности представителей различных доходных групп проводить отпуск за границей всей семьёй. Для нашего анализа здесь особенно интересен тот факт, что различие в доле респондентов с такими возможностями между нижними и верхними среднедоходными слоями достигает трёх раз (соответственно 7,8 и 22,5%).

Таблица 5

Динамика оценок возможностей приобретения дорогостоящих предметов и услуг, 2006–15 гг., % к имеющим отношение

Имеют возможность	Низкодоходные слои				Нижние среднедоходные слои				Верхние среднедоходные слои				Высокодоходные слои			
	2006	2009	2013	2015	2006	2009	2013	2015	2006	2009	2013	2015	2006	2009	2013	2015
Улучшить свои жилищные условия	3,7	5,2	3,4	3,9	5,4	3,4	5,0	4,6	7,2	8,4	7,1	9,3	15,1	11,6	13,3	13,6
Оплачивать дополнительные занятия детей	35,7	48,3	44,6	49,5	52,5	56,5	62,5	57,6	63,6	68,1	71,6	68,7	73,0	74,2	78,9	78,3
Откладывать деньги на крупные покупки	5,8	9,1	6,4	5,9	10,4	11,8	12,8	10,6	19,3	24,5	23,3	24,5	34,0	35,5	38,9	33,2
Провести всей семьёй отпуск за границей	1,0	1,6	2,6	3,5	2,9	4,8	7,8	7,8	7,1	14,6	22,0	21,5	24,6	32,9	45,2	36,0
Оплачивать учёбу ребёнка в вузе	18,1	30,5	20,4	24,7	32,4	33,9	34,3	25,7	43,1	49,7	46,5	40,8	57,7	62,7	56,5	52,3

Что касается готовности оплачивать более важные или менее затратные для семей статьи расходов, то она во всех доходных группах намного выше, а межгрупповые различия существенно меньше, чем в предыдущих случаях. Так, оплачивать учёбу своего ребенка в вузе способны около четверти респондентов из низкодоходных и нижних среднедоходных слоёв, немногим более 40% респондентов из верхних среднедоходных слоёв и свыше 52% наиболее обеспеченных граждан. Оплачивать дополнительные занятия детей в музыкальной школе, на курсах иностранных языков, в спортивной секции, творческом кружке и т. п. имеют возможность от 49,5% респондентов из группы с самыми низкими доходами до 78,3% граждан из группы с самыми высокими доходами.

Рассматривая вышеизложенные данные, важно учитывать, что, во-первых, представления о хорошей квартире, доме или автомобиле, о престижном вузе или заграничном отдыхе у представителей различных доходных слоёв существенно отличаются. Если для бедных и малообеспеченных граждан пределом мечтаний является обучение своего ребёнка в любом вузе, то представители обеспеченных слоёв ориентируются на престижные институты и университеты, а богатые реально рассматривают перспективы обучения своего ребёнка

в престижном заграничном университете. Одно дело – накопить деньги на подержанный автомобиль отечественного производства, и совсем другое – на новую престижную и дорогую «иномарку». Во-вторых, тяжёлый экономический кризис, вызвавший сокращение реальных доходов населения и рост цен, заставил очень многих россиян экономить, менять свои потребительские и другие привычки. Большинство семей стали сокращать расходы на одежду и обувь, питание вне дома, обслуживание автомобиля и т. д., тщательнее подходить к выбору и покупке продовольствия, отказываться от приобретения дорогих видов товаров и продуктов, выбирать дешёвые аналоги заграничному отдыху и направлять сэкономленные деньги на поддержание потребления на привычном уровне.

По ходу углубления кризисных явлений в экономике, сопровождающегося ухудшением условий для реализации жизненно важных потребностей и интересов людей, среди россиян увеличилось количество экономических пессимистов. Негативные процессы в социально-экономической сфере усилили у людей чувство неуверенности в завтрашнем дне. Прекращение экономического роста, выявление всё большей ограниченности возможностей реализации социальной политики государства, ухудшение материального положения значительной части граждан – все эти процессы, которые негативно отражаются на условиях жизни россиян и воспринимаются ими непосредственно через личный жизненный опыт, стали серьёзными факторами, подрывающими настроения социального оптимизма.

В 2015 г. большинство граждан не ждали быстрого улучшения своего положения, а готовились к худшему – новому росту цен, повышению уровня безработицы, падению доходов и т. п. О нарастании пессимистических настроений свидетельствуют ответы респондентов на вопрос «Как вы думаете, через 12 месяцев Вы и Ваша семья будете жить лучше или хуже, чем сегодня?» (см. таблицу 6). Динамика ухудшения оценок личных и семейных жизненных перспектив у представителей срединных доходных слоёв была примерно такой же, как у респондентов с низкими доходами, но гораздо менее существенной, чем у респондентов с высокими доходами. Рассматривая данные, представленные в таблице 6, необходимо также учитывать, что примерно каждый пятый опрошенный во всех анализируемых группах из года в год не мог определиться с ответом, а остальные респонденты (около 40%) полагали, что в их жизни ничего не изменится. О росте негативных ожиданий свидетельствует также увеличение количества граждан, которые в той или иной степени обеспокоены тем, что не смогут обеспечивать себя самым необходимым в течение ближайших 12-ти месяцев. Так, с 2013 по 2015 гг.

По ходу углубления кризисных явлений в экономике, сопровождающегося ухудшением условий для реализации жизненно важных потребностей и интересов людей, среди россиян увеличилось количество экономических пессимистов.

доля таких респондентов в нижних среднесредних слоях увеличилась с 64,7 до 69,7%, тогда как в верхних среднесредних слоях – с 56,3 до 60%.

Таблица 6

Динамика оценок личных и семейных жизненных перспектив, 2006–2015 гг., %

Доходные группы	2006		2009		2013		2015	
	Будут жить лучше	Будут жить хуже	Будут жить лучше	Будут жить хуже	Будут жить лучше	Будут жить хуже	Будут жить лучше	Будут жить хуже
Низкодоходные слои	19,1	11,0	26,7	10,7	24,1	10,8	20,4	17,8
Нижние среднесредние слои	23,4	8,4	25,4	9,9	21,6	10,2	19,3	19,4
Верхние среднесредние слои	29,5	6,3	29,5	9,2	25,2	10,8	19,5	17,9
Высокодоходные слои	38,9	5,5	31,1	9,8	30,9	8,5	21,1	18,8

Безусловно, и многие другие отмеченные процессы далеко не в одинаковой степени затронули сознание различных слоёв населения. Даже в относительно благополучные годы так называемого восстановительного роста многих людей очень слабо затронули процессы повышения жизненного уровня. Они продолжали остро испытывать материальную необеспеченность своего существования. Изменение жизненных стандартов происходило в этот период в атмосфере социально-психологической напряжённости, требовавшей от граждан постоянных усилий для реализации своих потребностей и интересов. Но, тем не менее, достаточно серьёзное снижение реальных доходов и ухудшение жизненных условий после вступления в новый кризис, несмотря на всю их относительность и неравномерность, порождало у многих людей, даже занимающих невысокие социальные позиции, своеобразный комплекс ожиданий дальнейших негативных изменений не только в их экономическом, но и в социальном положении. Увеличение количества граждан, испытывающих значительные материальные лишения, стало постепенно оказывать негативное влияние на социально-психологическое состояние более обеспеченных групп населения.

Важной особенностью настроений части населения России в кризисные годы стало повышение обеспокоенности проблемами занятости и усиление страха перед безработицей. Эта проблема постоянно тревожит россиян, занимая по своей значимости одно из первых мест. Такая высокая обеспокоенность угрозой безработицы уже давно объясняется многими социологами в первую очередь «высоким уровнем неопределённости относительно будущей экономической ситуации и перспектив занятости, при том, что уровень доходов

Даже в относительно благополучные годы так называемого восстановительного роста многих людей очень слабо затронули процессы повышения жизненного уровня. Изменение жизненных стандартов происходило в этот период в атмосфере социально-психологической напряжённости, требовавшей от граждан постоянных усилий для реализации своих потребностей и интересов.

и накопленных сбережений у большинства населения является недостаточным для формирования страхового резерва на случай потери работы» [Ибрагимова, Акиндинова, Аукуционек... 2004: 134–135]. Но с этим выводом можно согласиться лишь отчасти. Другой не менее важной причиной, как показывает анализ данных мониторинга, является дефицит рабочих мест с достойной зарплатой, позволяющих работнику в полной мере реализовать свои способности, что значительно затрудняет поиск подходящей работы даже высококвалифицированным специалистам с хорошим образованием. И это в то время, когда дефицит работников в стране достигает 16% и продолжает превосходить масштабы дефицита производственных мощностей [Предприятия удовлетворены... 2016: 72]. По этой причине творческий потенциал средних слоёв зачастую оказывается невостребованным или используется неэффективно.

Угроза безработицы больше тревожит работников с низкими доходами, но довольно много таких людей и среди тех, кто занимает верхние позиции по уровню доходной обеспеченности (см. таблицу 7). Причём с началом кризиса негативные настроения стали в значительно более широких масштабах распространяться в сознании состоятельных и богатых граждан. За 2013–15 гг. доля респондентов, которые очень или немного обеспокоены угрозой потери работы, увеличилась в группе наименее состоятельных граждан только на 1,9 п. п., тогда как в когортах респондентов из нижних и верхних среднедоходных слоёв — соответственно на 8,3 и 6,7 п. п., а среди граждан с самыми высокими доходами — на 13 п. п. Но даже после этих изменений элементы тревоги и страха по поводу роста угрозы безработицы продолжали занимать в сознании наименее обеспеченных граждан более значительное место, чем в сознании состоятельных и богатых.

Таблица 7

Динамика уверенности занятых на рынке труда, 2006–2015 гг., %

Доходные группы	Обеспокоенность угрозой потери работы						Уверенность в возможности трудоустройства в случае потери работы					
	2006		2013		2015		2006		2013		2015	
	Беспокоит	Не беспокоит	Беспокоит	Не беспокоит	Беспокоит	Не беспокоит	Уверены	Не уверены	Уверены	Не уверены	Уверены	Не уверены
Низкодоходные слои	58,8	27,0	64,8	21,7	66,7	19,3	25,6	55,3	33,6	46,7	30,6	47,5
Нижние среднедоходные слои	51,5	32,0	57,8	28,5	66,1	20,7	37,9	43,1	39,8	40,5	35,7	43,6
Верхние среднедоходные слои	48,3	36,4	52,6	34,3	59,3	27,3	43,1	39,0	46,2	35,8	37,5	43,8
Высокодоходные слои	49,6	38,0	47,7	38,9	60,7	28,0	51,7	33,4	50,4	32,7	40,6	39,7

В конце 2015 г. значительно уменьшилась также уверенность занятых с разными уровнями доходной обеспеченности в том, что они смогут найти равноценную работу в случае потери своего рабочего места. Но в то же время, как видно из данных, изложенных в правой части [таблицы 7](#), респонденты с более высокими доходами продолжали чаще выражать уверенность в возможности успешно решить проблему трудоустройства, чем те, кто принадлежали к группам с низкими доходами. При этом 39,7% респондентов из высокодоходных слоёв, т. е. достигших вполне определённого финансового успеха, не были уверены в том, что способны ещё раз найти такую же подходящую работу.

Нарастание экономических трудностей повысило внимание работодателей к «нестандартным» формам поведения на рынке труда, сдерживающим рост безработицы, которые получили особенно широкое распространение в России в 1990-е гг. Известный российский экономист Р. И. Капелюшников относит к ним различные механизмы адаптации, утвердившиеся на отечественном рынке труда, «которые либо не встречаются в других экономиках (как переходных, так и развитых), либо имеют в них ограниченное распространение». Речь идёт о таких спонтанно возникших способах адаптации, как административные отпуска, работа по сокращённому графику, вторичная занятость, систематические задержки заработной платы, «скрытая» оплата труда и т. п. [Капелюшников 2001: 7–8]. Использование подобных механизмов помогает работодателям с наименьшими потерями выйти из кризиса, но в то же время снижает уровень социальной безопасности, поскольку ведёт к ущемлению трудовых прав работников. И чем ниже положение респондентов на шкале материального благосостояния, тем чаще нарушаются их права.

Анализ данных RLMS-HSE выявил, что за 2013–15 гг. среди занятых со средним уровнем дохода количество респондентов, которым в течение 12 месяцев, предшествовавших опросу, уменьшали зарплату или сокращали часы работы против их желания или отправляли в вынужденный неоплачиваемый отпуск, удвоилось. Но ещё более значительным было увеличение количества таких работников во время предыдущего экономического кризиса 2008–9 гг. ([см. таблицу 8](#)). Исследование выявило также значительное увеличение доли занятых из низкодоходных и нижних среднедоходных слоёв, работающих без официального оформления трудовых отношений. Но немало таких респондентов оказалось и среди более состоятельных россиян. Это главным образом молодые люди, соглашающиеся при условии высокого заработка много и усердно работать без заключения трудового договора.

Такие люди, по существу, бесправны в отношениях со своими работодателями, у них отсутствуют гарантии занятости, медицинского и пенсионного обеспечения, они не могут рассчитывать на социальные льготы. И, несмотря на то, что

многие из них принадлежат к довольно обеспеченным слоям и не испытывают серьёзных материальных проблем, всех их можно отнести к категории социально уязвимых граждан. Как показывают исследования, бедность и уязвимость хотя и пересекаются, но уязвимость, предполагающая «ограничение доступа к жизненно важным ресурсам при условии, что для большинства населения этот ресурс доступен» [Доходы и социальные услуги... 2005: 253], встречается чаще, чем бедность.

Таблица 8

Масштабы ущемления трудовых прав, 2006–15 гг., %

Показатели	Низкодоходные слои			Нижние среднедоходные слои			Верхние среднедоходные слои			Высокодоходные слои		
	2006	2009	2015	2006	2009	2015	2006	2009	2015	2006	2009	2015
Процент не полностью получивших зарплату	15,9	11,8	4,8	7,8	6,1	2,4	5,3	6,3	3,4	5,5	5,4	3,3
Распределение работников по сроку задолженности зарплаты												
1 месяц и менее	56,3	47,6	59,6	70,2	53,4	44,5	67,9	51,7	51,2	65,2	46,2	60,4
От 1-го до 2-х месяцев	24,2	21,4	17,3	20,2	17,8	36,1	15,1	20,0	19,5	26,1	22,7	15,5
От 2-х до 3-х месяцев	6,7	11,7	13,5	3,6	13,7	11,1	9,4	6,7	14,6	4,3	8,6	10,5
3 месяца и более	12,8	19,3	9,6	6,0	15,1	8,3	7,6	21,6	14,7	4,4	22,5	13,6
В течение последних 12 месяцев сталкивались с уменьшением зарплаты или сокращением часов работы	7,4	13,7	9,4	5,9	12,3	8,9	5,1	12,0	8,9	4,8	11,2	7,2
В течение последних 12 месяцев администрация отправляла в неоплачиваемый отпуск	3,4	5,8	4,3	2,3	5,7	3,4	1,6	3,2	2,5	2,3	3,1	2,2
Работают без оформления трудовых отношений	8,2	8,6	9,3	6,8	5,6	7,3	7,5	6,9	6,2	6,9	7,2	5,4

К позитивным тенденциям следует отнести значительное снижение остроты проблемы невыплат заработной платы. С 2006 по 2015 гг. доля работников из верхних и нижних среднедоходных слоёв, которым задерживалась заработная плата, сократилась соответственно с 5,3 до 3,4% и 7,8 до 2,4%. В 2015 г. задержки заработной платы лишь немного превысили докризисный уровень и не превратились в массовое явление, как это происходило во время предыдущих экономических кризисов. Падение реальных зарплат в результате стремительно возросшей инфляции стало своего рода компенсирующим моментом, удерживающим работодателей как от массового сокращения рабочих мест, так и от широкого использования практики задержек зарплаты.

Дальнейший анализ показал, что подавляющее большинство работающих граждан, независимо от их материального статуса, заняты на предприятиях и в организациях,

В 2015 г. задержки заработной платы лишь немного превысили докризисный уровень и не превратились в массовое явление, как это происходило во время предыдущих экономических кризисов.

которые обеспечивают своим работникам гарантии и льготы, предусмотренные законом, – оплату ежегодных отпусков, больничных листов, отпусков по беременности, родам и по уходу за ребёнком до 3-х лет (см. таблицу 9). Но в то же время только каждый пятый работник имеет возможность сегодня пользоваться такими гарантиями и льготами, не являющимися обязательными с точки зрения закона, но традиционно имеющими широкое распространение на предприятиях и в организациях, как бесплатное лечение в ведомственных медицинских учреждениях, полная или частичная оплата лечения в других медицинских учреждениях; полная или частичная оплата путёвок в санатории, дома отдыха, турбазы, детские лагеря.

Таблица 9

**Предоставление льгот работникам предприятий и организаций
на основной работе, 2010 г., %**

Льготы	Доходные слои			
	Низко- доходные	Нижние средне- доходные	Верхние средне- доходные	Высоко- доходные
Оплата очередных отпусков	87,6	90,3	90,5	88,7
Оплата больничных листов	86,0	87,7	88,7	86,3
Оплата отпуска по беременности, родам, по уходу за ребёнком до 3-х лет	72,2	73,3	74,1	71,4
Бесплатное лечение в ведомственных медицинских учреждениях, полная или частичная оплата лечения в других медицинских учреждениях	16,4	20,3	20,7	21,9
Полная или частичная оплата путёвок в санатории, дома отдыха, турбазы, детские лагеря	19,1	22,1	22,0	20,0
Бесплатное содержание детей в ведомственных дошкольных учреждениях, полная или частичная оплата содержания детей в других дошкольных учреждениях	3,1	4,2	3,7	3,9
Бесплатное или льготное питание, оплата питания	7,8	9,6	10,8	12,9
Дотации на транспорт, оплата проездных	5,6	8,7	11,5	13,3
Обучение за счёт предприятия	17,1	20,2	22,8	23,4
Предоставление ссуд, кредитов для строительства или ремонта жилья, скидок на стройматериалы	2,7	3,7	4,2	6,2
Оплата арендуемого жилья	1,6	2,0	1,6	2,2

Что касается остальных льгот, обеспечиваемых на добровольной основе, то их чаще предоставляют благополучные предприятия, а получают более ценные и перспективные работники. Так, проходить обучение за счёт предприятия имеют возможность 20,2% работников из нижних и 22,8% из верхних среднедоходных слоёв. Среди работников с низкими заработками

таких оказалось только 17,1%, а среди работников с высокими доходами – 23,4%. К довольно распространённым льготам можно отнести также бесплатное или льготное питание, оплату питания и дотации на транспорт, оплату проездных.

В последние годы, которые стали крайне сложными для большинства российских компаний, работодатели занялись оптимизацией производства, уменьшением издержек, что привело к сокращению расходов на персонал, включая расходы на обеспечение «необязательных» льгот. Одновременно работодатели стали увеличивать трудовую нагрузку – расширять трудовые функции без увеличения заработной платы, а также усилили контроль над деятельностью работников. Стремление повысить эффективность работы и нарастить трудовую нагрузку без повышения заработной платы и других расходов на персонал привело к ухудшению условий труда, росту количества нарушений трудовых прав работников. Самыми пострадавшими оказались наименее ценные и защищённые работники, занятые неквалифицированным и малоквалифицированным трудом, с низкими доходами.

Поэтому не случайно исследование выявило наибольшее падение уровня удовлетворённости работников своим трудом в период нынешнего экономического кризиса в когорте занятых с низкими доходами – с 58,1% в 2013 г. до 53% в 2015 г. Менее существенным это снижение оказалось у работников из нижних среднедоходных (соответственно с 64,9 до 63,7%) и верхних среднедоходных слоёв (с 71,4 до 67,8%), а в группе занятых с высокими доходами было отмечено даже некоторое повышение удовлетворённости своей работой (с 78 до 78,9%). Подобные тенденции выявлены также в отношении изменения удовлетворённости работников из различных доходных групп отдельными сторонами труда – условиями и оплатой труда. Вместе с тем уровень удовлетворённости респондентов возможностями для профессионального роста практически не изменился или немного повысился.

Негативное влияние на настроения людей оказывает сегодня неудовлетворённость целым рядом аспектов социальной политики государства, ощущение неэффективности государственных мероприятий в сфере здравоохранения и образования. Более того, с обострением бюджетного кризиса, толкающего чиновников к принятию непопулярных решений, свёртыванию ряда социальных программ, у населения растёт беспокойство по поводу сохранения этих и других подобных программ в будущем. Усиливается чувство определённой социальной неуверенности, которое связано с развитием системы социального обеспечения.

Показательны в этом отношении результаты мониторинга, демонстрирующие осторожное отношение населения к системе добровольного страхования. Россияне со средним уровнем доходов, как и большинство других граждан, с большой долей недоверия относятся к страховым компаниям, что сдерживает развитие всей системы страхования в России,

Стремление повысить эффективность работы и нарастить трудовую нагрузку без повышения заработной платы и других расходов на персонал привело к ухудшению условий труда, росту количества нарушений трудовых прав работников.

которая призвана обеспечивать не только социальную защиту граждан от возможных причин потери трудоспособности и дохода на гарантированном уровне, но и наиболее полное удовлетворение спроса тех или иных категорий населения на услуги страхования. В 2015 г. в большей или меньшей степени доверяли страховым компаниям только 18,4% респондентов из нижних и 17% из верхних среднедоходных слоёв. Это примерно столько же, сколько было в когорте самых обеспеченных граждан, и лишь немного меньше, чем в группе наименее обеспеченных россиян (соответственно 17,1 и 21,5%). Причём за последние десять лет ситуация практически не изменилась. Можно лишь отметить небольшой рост доверия к страховым компаниям со стороны бедных и малообеспеченных граждан и такое же небольшое снижение уровня доверия со стороны респондентов с самыми высокими доходами.

Относительно небольшим остаётся количество граждан, которые пользуются различными видами добровольного страхования. При этом их удельный вес увеличивается по мере повышения доходов. Так, в 2015 г. доля респондентов, заключивших договор на дополнительное добровольное медицинское страхование, обслуживание с какой-нибудь страховой фирмой или медицинским учреждением, составила всего лишь 2,5% (от 0,7% в группе респондентов с самыми низкими доходами до 8,9% в группе респондентов с самыми высокими доходами). В подавляющем большинстве случаев этот договор оплачивали предприятия (организации), на которых работали респонденты. Только 3,3% опрошенных граждан страховали жизнь от несчастного случая (соответственно от 1,9 до 7,7%); 4,4% респондентов из тех, к кому это относится, страховали свою квартиру или дом (соответственно от 2,8 до 10,6%); 2,9% опрошенных владельцев загородного жилья страховали дачу (соответственно от 0,7% до 6%); 5,6% автовладельцев страховали автомобиль помимо обязательного страхования автогражданской ответственности (соответственно от 5,6 до 9,1%). Буквально единицы сельчан страховали сельскохозяйственное имущество, скот или другую живность.

Таким образом, падение уровня жизни и ухудшение условий жизнедеятельности россиян по мере углубления экономического кризиса привело к снижению защищённости жизненно важных прав и интересов граждан, независимо от их уровня материальной обеспеченности. Но при этом в наиболее трудном положении оказались наименее обеспеченные слои населения. Что касается слоёв со средним уровнем доходов, то они не однородны по своему составу: две трети составляют нижние среднедоходные слои, тяготеющие к бедным и малообеспеченным группам, и только около трети можно отнести к верхним среднедоходным слоям, приближающимся к наиболее обеспеченным гражданам. После вступления страны в полосу экономической нестабильности нижние среднедоход-

Падение уровня жизни и ухудшение условий жизнедеятельности россиян по мере углубления экономического кризиса привело к снижению защищённости жизненно важных прав и интересов граждан, независимо от их уровня материальной обеспеченности.

ные слои увеличились более чем на треть, что свидетельствует о существенном ухудшении социально-экономического положения средних слоёв, теряющих свою устойчивость и способность успешно противостоять угрозам и опасностям кризисного общества по мере сокращения реальных доходов. Особенно интенсивно эти процессы протекали в крупных городах.

Сокращение реальных доходов, рост угрозы безработицы и неопределённость будущего генерировали повышение неудовлетворённости граждан, занимающих разные позиции на социальной лестнице, своей жизнью в целом и отдельными её сторонами. Но наиболее болезненно восприняли негативные перемены в своей жизни респонденты из групп со средним уровнем доходной обеспеченности, которые особенно высоко ценят личную безопасность и безопасность своей семьи. Затянувшийся экономический кризис существенно подорвал их социальный оптимизм, ослабил чувство определённой социальной уверенности, которое связано с существованием системы социального обеспечения, уменьшилось количество людей из средних слоёв, которые надеялись на улучшение экономической ситуации и повышение уровня жизни своих семей в ближайшем будущем. Многие были вынуждены отказаться от привычного уровня жизни, перейти к жёсткому режиму экономии, тогда как высокодоходные слои, несмотря на рост трудностей и потерь, в значительной мере сохранили прочность своего положения. Вдвое увеличилось число представителей среднедоходных слоёв, сталкивающихся с нарушениями важнейших трудовых прав.

Но, несмотря на развитие целого ряда негативных тенденций, ситуация в сфере социальной безопасности граждан со средним уровнем доходной обеспеченности всё же не выглядела критической. Многие показатели, характеризующие состояние защищённости жизненно важных прав и интересов россиян из среднедоходных групп, оставались выше, чем во время предыдущего экономического кризиса.

Библиографический список

Алешина М. В. 2013. Социальная сплочённость: концептуализация понятия и социокультурные реалии. Монография. М.: ООО «Вариант». 216 с.

Горшков М. К. 2011. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики) / М. К. Горшков. М.: Новый хронограф. 672 с.

Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность / Г. Е. Бесстремянная, А. Я. Бурдяк, А. С. Заборовская и др.; рук. авт. колл. Т. Н. Овчарова; Независимый институт социальной политики. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. 348 с.

Зинченко Н. И. 2007. Социальное измерение безопасности России // Социологические исследования. № 2. С. 137–140.

Ибрагимова Д. Х., Акиндинова Н. В., Аукуционек С. П., Батаева А. Е. 2004. Формирование ожиданий безработицы и их влияние на экономическое поведение населения // Социальная политика: реалии XXI века. Сборник работ грантополучателей Четвёртого тура конкурса. М.: Независимый институт социальной политики. С. 134–159.

Капелюшников Р. И. 2001. Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. М.: ГУ ВШЭ. 309 с.

Кузнецов В. Н. 2008. Безопасность социальная // Социологический словарь / Отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М.: Норма. 608 с.

Модернизация России: социально-гуманитарные измерения / под ред. Н. Я. Петракова / Российский государственный научный фонд; Российская академия наук. М.; СПб.: Нестор-История, 2011. 448 с.

Предприятия удовлетворены мощностями и продажами // Эксперт. 2016. № 42.

Римский В. Л. 2013. Рыночная рациональность и социальный порядок // Гражданское и политическое в российских общественных практиках / Под ред. С. В. Патрушева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). С. 85–92.

Российское общество и вызовы времени. Книга третья / М. К. Горшков и др.; под ред. Горшкова М. К., Тихоновой Н. Е. М.: Весь Мир, 2016. 424 с.

Социальная безопасность России в условиях информационной реальности: монография / С. И. Самыгин, А. В. Верещагина, И. В. Печкуров. М.: РУСАЙНС, 2016. 156 с.

Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / Под ред. М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2016. 368 с.

Теория и методология исследований социальных проблем / [Отв. ред. Р. С. Гринберг, Т. В. Чубарова]; Ин-т междунар. эконом и полит. исслед. М.: Наука, 2005. 189 с.

Черникова С. А., Черданцев В. П., Вшивкова Г. А. 2015. Современные проблемы социальной безопасности // Фундаментальные исследования. № 11 (часть 4). С. 836–838.

DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.436

Social Security for Groups of Russians with Average Income

Kozyreva Polina Mikhaylovna

Doctor of Sociological sciences, first deputy director of the Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences; Head of the Center for Longitudinal Studies at the Institute of Social Policy of the NRU Higher School of Economics. Moscow, Russia. Email: pkozyreva@isras.ru

Smirnov Alexander Ilyich

Doctor of Sociological sciences, senior research fellow, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. E-mail: smir_al@bk.ru

Abstract. This article analyzes issues regarding social security for Russians with average income, and their ability to stand up to the threats and dangers of a society in crisis. The analysis is based on data from the “Russia Longitudinal Monitoring Survey of HSE (RLMS-HSE)”. The analysis revealed that the deteriorating financial status of the Russian people, which occurred after the country fell into a series of economic crisis, has led to the high-income segment serious thinning out, together with a significant expansion of groups with average income. Meanwhile each group, regardless of financial status, demonstrated a considerable misalignment when it comes to the objective and subjective financial position of those surveyed. Worsening conditions, as well a decrease in life-quality for segments of the population with average income, was indicated by a growing dissatisfaction among the people with their material status and with life in general, them increasingly becoming concerned with employment issues and fearing unemployment, as well as their growing anxiety and ever worsening assessments of their life prospects. The main reasons for decreasing social security of those segments of the population with average income were found to be a decline in real income, decreasing availability of various monetary and non-monetary sources of income, as well as less access to social benefits and social services. Employers more frequently resorting to unconventional forms of behavior on the labor market – which help businesses to overcome the crisis with minimal losses and to limit the increase of unemployment (administrative leaves, working on a shortened schedule, salary delays, “hidden” remuneration etc.) – has led to significantly more violations of the rights of laborers with low or average income. The amount of people among them who are working without officially registering their labor relations has increased. However, despite the development of these and many other negative tendencies, the situation when it comes to the social security of those groups with average income does not seem to be catastrophic.

Keywords: income, social security, security threats, living standards, social health, social welfare, social benefits and guarantees, economic crisis.

References

Alioshina M. V. Social'naja splochnost': konceptualizacija poniatija i sociokul'turnye realii [Social Cohesion: Conceptualisation of the Concept and Socio-Cultural Realities]. Moscow, Variant, 2013. 216 p.

Chernikova S. A., Cherdancev V. P., Vshivkova G. A. Sovremennye problemy social'noy bezopasnosti [Modern Social Security Issues]. Basic Research, 2015, no 11 (part 4), pp. 836–838.

Dohody i social'nye usluzhi: neravenstvo, ujazvimost', bednost' [Income and Social Services: Inequality, Vulnerability, Poverty]. Ed. by T. N. Ovcharova. Moscow, SU HSE publ., 2005. 348 p.

Gorshkov M. K. Rossiyskoe obschestvo kak ono est': (opyt sociologicheskoy diagnostiki) [Russian Society as it is: (Experience of Sociological Diagnosis)]. Moscow, Novy khronograf, 2011. 672 p.

Ibragimova D. H. and oth. Formirovanie ozhidany bezraboticy i ih vlijanie na ekonomicheskoe povedenie naselenija [Formation of Unemployment Expectations and Their Impact on the Economic Behavior of the Population]. Social'naja politika: realii XXI veka. Moscow, Nezavisimy institut social'noy politiki, 2004, pp. 134–159.

Kapeliushnikov R. I. Rossiysky rynek truda: adaptacija bez restrukturizacii [Russian Labor Market: Adaptation without Restructuring]. Moscow, SU HSE publ., 2001. 309 p.

Kuznetsov V. N. Bezopasnost' social'naja [Social Security]. Sociologicheskij slovar'. Ed. by G. V. Osipov, L. N. Moskvichiov. Moscow, Norma, 2008. 608 p.

Modernizacija Rossii: social'no-gumanitarnye izmerenija [Modernization of Russia: Social and Humanitarian Dimension]. Ed. by N. Y. Petrakov. Moscow, Saint-Petersburg, Nestor-Istorija, 2011. 448 p.

Predpriyatija udovletvoreny moschnostiami i prodazhami [Enterprises are Satisfied with Facilities and Sales]. Expert, 2016, no 42. C. 72.

Rimsky V. L. Rynohnaja racional'nost' i social'ny poriadok [Market Rationality and Social Order]. Grazhdanskoe i politicheskoe v rossijskih obschestvennykh praktikah. Ed. by S. V. Patrushev. Moscow, ROSSPEN, 2013, pp. 85–92.

Rossiyskoe obschestvo i vyzovy vremeni [Russian Society and Time Challenges]. Vol 3. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves Mir, 2016. 424 p.

Social'naja bezopasnost' Rossii v uslovijah informacionnoy real'nosti [Social Security of Russia in the Conditions of Informational Reality]. Moscow, RUSAYNS, 2016. 156 p.

Sredny klass v sovremennoy Rossii. Opyt mnogoletnih issledovaniy [The Middle Class in Contemporary Russia. The Experience of long-term Research]. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves' Mir, 2016. 368 p.

Teorija i metodologija issledovaniy social'nykh problem [Theory and Methodology of Social Problems Research]. Ed. by R. S. Grinberg, T. V. Chubarova. Moscow, Nauka, 2005. 189 p.

Zinchenko N. I. Social'noe izmerenie bezopasnosti Rossii [Social Dimension of Russia's Security]. Sociologicheskie issledovanija, 2007, no 2, pp. 137–140.

Социальное самочувствие

Социальное самочувствие людей старшего возраста в Республике Бурятия: региональный аспект

Бутуева Зинаида Арсентьевна –
кандидат философских наук, доцент,
Бурятский государственный университет, Улан-Удэ

E-mail: butueva_z@mail.ru

Социальное самочувствие людей старшего возраста в Республике Бурятия: региональный аспект

DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.435

Аннотация. В статье рассматриваются основные подходы и факторы социального самочувствия людей старшего возраста в региональном аспекте. Делается вывод, что социальное самочувствие как эмоционально-ценностная форма сознания проявляется в результате субъективного переживания людьми своего конкретного состояния и изменяется под воздействием внутренней структуры личности и окружающей социальной среды. Анализируется структура воздействующих на социальное самочувствие факторов, которая включает субъективные и объективные компоненты. Субъективные характеристики социального самочувствия людей старшего возраста включают личностные особенности, ценностные установки, общее эмоциональное состояние, уверенность относительно своего будущего. Объективные характеристики сосредоточены на таких компонентах, как возраст, уровень образования, здоровье, материальное и семейное положение. На изменение социального самочувствия оказывает влияние сложившаяся социально-экономическая и этнополитическая ситуация в стране и на её окраинах. Поэтому актуальным является изучение социального самочувствия людей старшего возраста в региональном аспекте. Республика Бурятия как полиэтничный регион отличается поликонфессиональностью, неоднородностью социально-экономического пространства, приграничным положением, особенностью культурных традиций. Суровые климатические условия, малая плотность населения и удалённость от политических и культурных центров России характеризует республику как регион, изолированный от основных потоков социокультурного пространства. Эти особенности создают специфическую среду, влияющую на социальное самочувствие населения. По результатам проведённого исследования сделан вывод, что возрастные группы людей старшего возраста неоднородны и это наблюдается в их оценках удовлетворённости жизнью, материальным положением, ценностными установками, уверенности в будущем. Важными факторами, влияющими на социальное самочувствие, являются возраст, уровень образования, семейное положение. Значимыми ценностями в пожилом возрасте выступают (по мере убывания): дом, семья, здоровье, материальная обеспеченность, уверенность в будущем и чувство безопасности. Эти составляющие влияют на уровень и степень включённости представителей старшего поколения в институциональные отношения и напрямую связаны с социальным самочувствием.

Ключевые слова: старение населения, люди старшего возраста, социальное самочувствие, факторы, методы измерения, субъективная удовлетворённость жизнью, регион, Республика Бурятия

Исследование социального самочувствия представителей различных социально-демографических групп является одним из важнейших аспектов социологического анализа тенденций развития общества, поскольку позволяет оценить трансформационные изменения общественного сознания, которые проходят постепенно и неравномерно в огромной России, особенно на её окраинах. Новые сочетания глобального, национального и регионального, общественно-группового и личностного оказывают противоречивое влияние на социальное самочувствие старшего поколения.

В обыденном сознании укрепилось мнение, что в старшем возрасте уменьшается важность многих факторов жизнедеятельности, поэтому представители этой возрастной группы населения оценивают социальное самочувствие гораздо хуже, чем другие. Это объясняется причинами как объективного, так и субъективного характера. Во-первых, в общественном сознании укоренился стереотип восприятия, который в основном несёт геронтофобные установки по отношению к периоду старости. Он проецируется не только обществом, но и людьми старшего возраста в отношении своего старения. Для большинства населения старость ассоциируется с негативными тенденциями и выражается в таких характеристиках, как беспомощность, одиночество, череда болезней, малообеспеченность. Во-вторых, уровень включённости старшего поколения в современные трансформационные процессы и степень их практического освоения являются проблематичными. По мере старения часть людей старшего возраста оказываются в трудной жизненной ситуации и подвергаются риску постепенного исключения из общества.

Современные исследования отечественных учёных [Григорьева 2006; Козлова 2007; Елютина 1999; Краснова 2007; Левинсон 2011; Максимова 2006; Рогозин 2013; Смолькин 2008; Чеканова 2004] позволили взглянуть на изучение старшего поколения более объёмно и глубоко. Учёные отмечают, что в этой возрастной группе преобладают процессы дифференциации, причём дифференцирующие факторы проявляются более зримо, чем интегрирующие, что обусловлено усложнением социальной структуры современного российского общества. В связи с этим актуализируются исследования социальных проблем людей старшего возраста, дискурс роли и места старшего поколения в обществе, их потребностей, интересов, ценностных ориентаций и социального самочувствия в целом.

Отражая разные стороны жизни социума, понятие «социальное самочувствие» так или иначе порождает различия в его трактовке, умножая количество и качество его характеристик. Социальное самочувствие как эмоционально-ценностная форма сознания проявляется в результате субъек-

тивного переживания людьми своего состояния и изменяется под воздействием внутренней структуры личности, а также окружающей социальной среды [Осинский, Бутуева 2015: 38].

Особенности социального самочувствия различных социальных и возрастных групп рассматриваются в рамках исследования социального неравенства, стратификации в постсоветском пространстве, концепции образа жизни в условиях трансформации российского общества [Возьмитель 2012; Голенкова 2008; Горшков 2011; Козырева 2011; Тихонова 2014; Тощенко, Харченко 1996].

Следует признать, что на социальное самочувствие воздействует широкий спектр факторов, усложняя его изучение и анализ. В последнее время предпринимаются попытки измерения социального самочувствия [Беляева 2009; Головаха, Горбачик, Панина 1998; Ковалёва 2001; Крупец 2003; Михайлова 2010; Петрова 2000; Рогозин 2007]. Д. М. Рогозин выявляет восемь компонентов социального самочувствия. К ним относятся: работа, материальное положение, возраст, семья, личные желания, социальный статус, государство, образование [Рогозин 2007: 99].

В настоящее время российские исследовательские компании регулярно проводят мониторинговые исследования социального самочувствия населения. В качестве измерительного инструментария, как правило, используют классификацию по трём направлениям: оценка материального положения семьи на момент исследования; оценка уровня жизни семьи через один-два года; уровень адаптированности к происходящим в стране переменам [Рогозин 2007: 107]. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) проводит ежемесячные построения индексов социального самочувствия, используя в качестве измерительного инструментария классификацию по индексам: удовлетворённости жизнью, социального оптимизма, самооенок материального положения [Индексы социального... 2015]. Межстрановые исследования динамики социального самочувствия населения на постсоветском пространстве проводятся в рамках проекта «Евразийский монитор». Социальное самочувствие изучается по следующим показателям: оценка экономического положения страны, материальное положение семьи, социальная адаптация, социальный оптимизм [Евразийский монитор... 2015].

В западной социологии термин «социальное самочувствие» используется как синоним понятия «субъективное благополучие». В структуре субъективного благополучия (SWB) выделяются следующие компоненты: глобальная оценка удовлетворённости жизнью, позитивные и негативные, аффективные реакции на жизнь. Э. Кэмпбелл, изучая представления американцев о хорошей жизни, получил следующий набор сфер, ранжированных в порядке убывания: экономическая ста-

бильность, хорошие отношения в семье, сильный и жизнестойкий характер, верные друзья, внешне привлекательная окружающая среда. Другие исследователи, например, Ф. Андрус и С. Вити, проводя операционализацию субъективного благополучия, рассматривали пять компонентов: дом, работа, семья, свободное время и государство [Рогозин 2007: 109]. Анализ теоретических и методологических подходов отечественных и зарубежных учёных показал, что социальное самочувствие как многомерная характеристика социально-психологического состояния до настоящего времени не имеет конкретного содержания в практике социологических исследований.

Немаловажное влияние на изменение социального самочувствия оказывает социально-экономическая и этнополитическая ситуация в стране и регионах. Поэтому изучение социального самочувствия людей старшего возраста в региональном аспекте представляется актуальной задачей. Республика Бурятия как полиэтнический регион отличается поликонфессиональностью, неоднородностью социально-экономического пространства, приграничным положением, особенностью культурных традиций. Суровые климатические условия, малая плотность населения и удалённость от политических и культурных центров России характеризуют республику как регион, изолированный от основных потоков социокультурного пространства.

Отличительные особенности развития региона уходят корнями в историю заселения и начало формирования поселенческой структуры. Региональная общность населения республики, являясь территориально обособленной частью населения страны, имеет сложную структуру и обладает отчётливо выделяющимися частями в виде местных сообществ отдельных поселений и локальных систем расселения. Эти особенности создают специфическую среду, влияющую на социальное самочувствие населения.

Демографические процессы в республике наряду с общероссийскими тенденциями, такими как повышенная смертность, в особенности трудоспособной части населения, быстрый рост городов и городского населения, гендерная диспропорция в старших возрастах, имеют свои особенности. Во-первых, к ним относится естественный прирост населения республики, особенно в последние годы. Бурятия по суммарному коэффициенту рождаемости занимает шестое место в стране. Этот прирост обеспечен, как и в большинстве национальных регионов, за счёт титульного населения республики. В бурятских семьях до сих пор сохранился культ большой традиционной семьи. Во-вторых, по сравнению с Российской Федерацией, где первые признаки старения населения были зафиксированы в 1970-е гг., в Бурятии они зарегистрированы гораздо позднее, только в 1990-е гг. В настоящее время население республики

Суровые климатические условия, малая плотность населения и удалённость от политических и культурных центров России характеризуют Бурятию как регион, изолированный от основных потоков социокультурного пространства

По сравнению с Российской Федерацией, где первые признаки старения населения были зафиксированы в 1970-е гг., в Бурятии они зарегистрированы только в 1990-е гг. В настоящее время население республики находится на «среднем уровне демографической старости».

находится на «среднем уровне демографической старости». Доля людей старше 60 лет составляет 14%, но в дальнейшем процесс демографического старения будет нарастать. В 2002 г. в республике проживало 987,3 тыс. человек, а доля пожилых людей составляла 14,9% населения, но уже к 2015 г. население республики сократилось до 978,4 тыс. человек, а доля людей старше трудоспособного возраста увеличилась до 18,6%. Для сравнения, в Российской Федерации в целом доля людей старше трудоспособного возраста составляет 24% [Население... 2015].

При сложившейся демографической ситуации в республике отмечается низкий жизненный уровень населения. По данным рейтингового агентства «РИА Рейтинг», по качеству жизни Республика Бурятия заняла 75 место из 83-х регионов России. Такое место занимают регионы-аутсайдеры. Из 61 показателя, характеризующего основные аспекты качества жизни, благоприятная ситуация в Республике Бурятия сложилась по следующим направлениям: «Демографическая ситуация» (24 место), «Здоровье и образование населения» (32 место), «Безопасность проживания» (36 место). Негативные позиции наблюдаются по показателям: «Экологические и климатические условия» (81 место), «Жилищные условия населения» (78 место), «Освоенность территории и развитие транспортной инфраструктуры» (76 место) [Рейтинг регионов... 2014]. Социально-экономические проблемы, с которыми столкнулась республика, напрямую влияют на социальное самочувствие населения Бурятии, особенно самых уязвимых слоёв населения, к которым относятся люди старшего возраста.

Исследование социального самочувствия людей старшего возраста проводилось в 2014–2015 гг. в Республике Бурятия по региональной выборке. В качестве методов использовались анкетирование (N=464) и стандартизированное фокусированное интервью (N=75). Основным исследовательским фокусом вопросов были важные аспекты жизни респондентов: оценка удовлетворённостью жизнью на пенсии, материальное положение, идентификация личности в социальном пространстве, ценностные установки и отношение респондента к своему будущему.

Результаты исследования показали, что структура воздействующих на социальное самочувствие факторов многообразна и включает субъективные и объективные компоненты. Субъективные характеристики социального самочувствия сосредоточены на рассмотрении личностных особенностей, ценностных установок, на оценке своего сегодняшнего положения в новых условиях, общем эмоциональном состоянии, уверенности относительно своего будущего, т. е. степени удовлетворённости своей жизнью в целом, в то время как объективные характеристики основаны на таких компонентах, как возраст,

уровень образования, здоровье, материальное и семейное положение. При этом субъективные и объективные показатели социального самочувствия взаимодополняют друг друга.

Для измерения удовлетворённости жизнью применялся тест «Индекс жизненной удовлетворённости» (А. О. Neugarten)¹. Он представляет интегративный показатель, который измеряет наиболее общее психологическое состояние человека, определяемое его личностными особенностями, системой отношений к различным областям своей жизни [Панина 1993: 107].

Среди людей старшего возраста высокий и средний индексы жизненной удовлетворённости характерны для 47,3%. Почти половина респондентов находят новые жизненные стимулы, которые придают им смысл жизни. Низкие значения индекса жизненной удовлетворённости характерны для 45,6% пожилых людей, что свидетельствует о высоком уровне тревожности, психологическом дискомфорте и невысоком уровне удовлетворённости ситуацией и своей ролью в ней.

На удовлетворённость жизнью влияют такие показатели, как возраст, образование и семейное положение. Людей в возрасте 55–59 лет, имеющих высокий и средний показатель удовлетворённости своей жизнью, гораздо больше (58,5%). После достижения 60 лет этот показатель несколько уменьшается и составляет 47,1%, а в возрастной группе 70–74 года он уменьшается до 26,9%. В возрастной группе 75–79 лет доля удовлетворённых жизнью растёт и достигает 50%. Возрастная группа 80–89 лет испытывает самые большие затруднения, из них 81,8% имеют низкий индекс жизненной удовлетворённости. Анализ данных показывает, что возраст выхода на пенсию является тем рубежом, который негативно отражается на социальном самочувствии людей старшего возраста. Поэтому необходимо особое внимание обращать на возрастную группу 60–74 года, которая труднее адаптируется к пенсионному образу жизни, и возрастную группу 80–89 лет, социальное самочувствие представителей которой обусловлено плохим здоровьем и, как следствие, инвалидностью и сужением контактов.

Рассмотрим, как влияют образование и семейное положение на удовлетворённость жизнью. Больше удовлетворены своей жизнью люди старшего возраста, имеющие высшее образование (56,7%); низкий индекс жизненной удовлетворённости характерен для пожилых людей, имеющих более низкое образование. Высокий и средний индексы жизненной

¹ Данная методика разработана группой американских учёных, занимавшихся социально-психологическими проблемами геронтопсихологии. Впервые тест был опубликован в 1961 г. и вскоре получил широкое распространение. В России в 1993 г. данная методика была переведена и адаптирована Н. В. Паниной.

удовлетворённости имеют люди старшего возраста, проживающие с супругами и с детьми (59%), низкий индекс жизненной удовлетворённости демонстрируют одинокие пожилые люди (53,3%). На вопрос интервью «Что Вас больше всего огорчает и что Вам приносит наибольшее удовлетворение?» мы получили следующие ответы: «Никаких огорчений нет. Радует дружная семья. Дети, внуки живут в достатке, а это главное» (женщина, 74 года, среднее профессиональное образование, проживает с супругом); «Радует состояние здоровья, с самочувствием всё хорошо, веду активный образ жизни» (женщина, 68 лет, высшее образование, проживает с супругом и детьми); «Если у моих близких всё хорошо, то я спокойна» (женщина, 78 лет, высшее образование, проживает с супругом); «Всё нравится, но бывает, что когда грустно очень на душе, семья – одна моя радость» (женщина, 65 лет, высшее образование, проживает с детьми); «Больше всего, как и всех в нашей стране, огорчает политика государства, до чего мы докатились, страшно на улицу выйти. Сталина на них нет, он бы научил всех жить, как надо. Радость у меня, что дожил я до старости, и все у меня хорошо» (мужчина, 78 лет, среднее профессиональное образование, проживает один); «Я в таком возрасте, когда уже всё воспринимаю спокойно, не то что в молодости. Огорчает, что мало пенсии, не заработал» (мужчина, 66 лет, среднее профессиональное образование, проживает один). Из ответов информантов можно сделать вывод, что наибольшее удовлетворение приносит семейное окружение, забота о близких, их успехи и материальное положение.

Материальное положение является важным компонентом социального самочувствия. Половина пожилых людей относят себя к среднеобеспеченным слоям населения (49,5%), им денег хватает на питание, жильё, одежду, образование, поддержание здоровья, отдых и товары длительного пользования. К низкообеспеченным отнесли себя 42% пожилых людей, им денег хватает на питание, жильё и товары первой необходимости. 4,9% респондентов относят себя к высокообеспеченным слоям населения. Социальными субсидиями и льготами пользуются 23,2%, материальную помощь от детей получают 22,8%, дополнительный заработок к пенсии имеют 20,9% опрошенных. 39,4% респондентов считают, что они полностью ответственны за улучшение своего материального положения. Более ответственны люди старшего возраста, имеющие высшее образование (37,8%), женщины (41,6%) и проживающие одиноко (46,7%).

В своих интервью люди старшего возраста так комментируют своё материальное положение: «У меня всё есть, я не голодаю, одета, обута, что ещё надо?» (женщина, 82 года, неполное среднее образование, проживает с детьми); «Положительно. У меня всё есть: и покушать, и дрова купить,

и позволить себе маленькие радости» (женщина, 81 год, среднее образование, проживает с детьми); «Я финансово независима – не богатая и не бедная» (женщина, 67 лет, высшее образование, проживает с супругом). «Пенсия у меня небольшая. Но так как я продаю молоко, яйца, творог, сметану, мясо – хватает на всё. Покупаю дрова, сено, уголь и помогаю внукам и детям» (женщина, 72 года, неполное среднее образование, проживает с внуками); «Я не скажу, что плохо живу. У меня и на развлечения хватает, по сравнению с другими, и одета лучше. Питаюсь я правильно, что попало есть не буду» (женщина, 63 года, среднее профессиональное образование, проживает одна).

Приведённые результаты свидетельствуют, что материальное положение респондентов зависит от их субъективного восприятия, а не от реального размера доходов, т. е. удовлетворённость жизнью определяется «нематериальной» тканью социальных взаимодействий. Западные исследователи неоднократно фиксировали смещение ориентаций с материалистических ценностей (материальный достаток, физическая безопасность) к постматериалистическим индивидуалистическим ценностям (качество жизни, личная автономия), как только необходимый минимум благосостояния достигнут [Inglehart 1990]. Следовательно, уровень материального положения влияет на социальное самочувствие, но не является определяющим.

Важной составляющей социального самочувствия является идентификация личности в социальном пространстве. Актуальная идентификация означает самоопределение индивидом (общностью) своего реального социального статуса и роли. Мы попытались выяснить, с кем идентифицируют себя пожилые люди, на основе мнений представителей разных групп. Для старшего возраста первостепенной группой является семья (89,4%), на втором месте указываются друзья (65%), на третьем – ровесники (47,2%). Отметим, что существует ещё и идентификация с товарищами по работе (36,8%). По-прежнему семья выполняет защитную и компенсаторную функции, создавая более благоприятные условия для комфортного существования и проявления личностной активности людей.

Ответы респондентов подтверждают, что значимыми ценностями для пожилых людей выступают дом, семья (80,6%), здоровье (78,6%), материальная обеспеченность (45,4%), уверенность в будущем (17,4%), чувство безопасности (14,4%). Из интервью пожилых людей: «В настоящий момент ценю больше всего внучат и правнучку, ну и, конечно же, чтобы все были здоровы» (женщина, 63 года, среднее профессиональное образование, проживает одна); «У меня есть дети, внуки, которые меня любят и уважают, для меня это

Важной составляющей социального самочувствия является идентификация личности в социальном пространстве. Для старшего возраста первостепенной группой является семья (89,4%), на втором месте указываются друзья (65%), на третьем – ровесники (47,2%).

ценнее всего» (женщина, 75 лет, начальное образование, проживает с детьми); «Ценю только общение со своими друзьями и родственниками» (женщина, 64 года, среднее образование, проживает одна); «Ну, это сложный вопрос... Свободу ценю, поддержку семьи, детей. Общение с друзьями» (женщина, 68 лет, высшее профессиональное образование, проживает с супругом и детьми); «Бывают периоды, когда очень тяжело и одиноко, когда задумываешься о своих прожитых годах и хочется порой всё вернуть назад. Но проходит время, всё забывается, огромную поддержку оказывают близкие люди» (женщина, 61 год, среднее профессиональное образование, проживает одна); «В настоящий момент я ценю свою семью, хотелось бы чаще видеть всех детей, внуков и правнуков. Хотелось бы собраться всей большой семьёй за одним столом» (женщина, 80 лет, начальное образование, проживает с супругом и детьми); «Ценю больше всего драгоценное время, с годами начинаешь ценить время и воспоминания, их обратно не вернуть» (женщина, 60 лет, высшее образование, проживает с супругом).

Значимым показателем, влияющим на социальное самочувствие, является уверенность или неуверенность в будущем. Около половины всех респондентов (56%) уверены в своём будущем, из них пожилые люди, имеющие высшее образование (61,4%), проживающие с супругами и детьми (64,4%), мужчины (62,5%), возрастная группа 80–89 лет (63,7%). Не уверенных в своём будущем больше среди женщин (37%), одиноких людей (44,5%) и в возрастной группе 70–74 года (44,3%).

В интервью на вопрос «Скажите, как Вы сегодня видите своё будущее?» пожилые люди характеризуют его как период спокойствия, стабильности, без существенных изменений и в зависимости от состояния здоровья. «Своё будущее я вижу, только сообразуясь с состоянием своего здоровья: если будет здоровье нормальное, и будущее будет нормальное» (женщина, 64 года, среднее профессиональное образование, проживает одна); «Вижу его спокойным, умиротворяющим, без всяких колебаний (мужчина, 66 лет, высшее образование, проживает один); «Хм, ну как я вижу... главное, чтобы было всё стабильно, да и пенсии можно прибавить» (женщина, 62 года, неполное среднее образование, проживает с мужем); «Своё будущее я вижу очень даже оптимистично! В ожидании новых правнуков» (женщина, 63 года, среднее профессиональное образование, проживает одна); «Да я никак его не вижу. День прошёл, и слава Богу. Устала я, с детства работала, не покладая рук, и до сих пор стараюсь всё делать. Не могу по-другому, не могу сесть и сидеть» (женщина, 81 год, среднее образование, проживает с детьми); «Я думаю, всё к лучшему идёт. Всегда надеешься на хорошее. Президент молодец, конечно.

Около половины всех респондентов (56%) уверены в своём будущем, из них пожилые люди, имеющие высшее образование (61,4%), проживающие с супругами и детьми (64,4%), мужчины (62,5%), возрастная группа 80–89 лет (63,7%).

Надо быть уверенным, если опустишь руки, так и будет» (женщина, 65 лет, неполное среднее образование, проживает с супругом и детьми); «Мы сейчас в будущее не заглядываем, живём одним днём. Я живу одним днём, сейчас я делаю всё, что хочу, раньше я всё планировала. А сейчас зачем планировать. С возрастом видишь всё по-другому» (женщина, 63 года, среднее профессиональное образование, проживает одна); «Что я могу сказать про своё будущее... Живу сегодняшним днём, проживаю, как хочу, как здоровье позволяет» (женщина, 85 лет, неполное среднее образование, проживает с детьми).

Таким образом, социальное самочувствие людей старшего возраста проявляется как относительно сложное соотношение между индивидуальными и социальными ожиданиями и удовлетворённостью своей жизнью в целом. Социальное самочувствие выступает как эмоционально-ценностная форма сознания, формирующаяся в результате переживания людьми своего конкретного состояния и отношения к действительности через осмысление своего бытия в социуме. Возрастные группы людей старшего возраста неоднородны, и это наблюдается в их оценках удовлетворённости жизнью, ценностными установками, материальным положением, уверенностью в будущем. Половина людей старшего возраста удовлетворены своим социальным самочувствием. К ним относятся люди старшего возраста, проживающие с семьёй (с супругом и/или с детьми), имеющие более высокий уровень образования, а также возрастная группа 75–79 лет, которая адаптировалась к пенсионному возрасту. Значимыми ценностями для пожилых людей выступают (в порядке убывания): дом, семья, здоровье, материальная обеспеченность, уверенность в будущем и чувство безопасности. Эти составляющие влияют на уровень и степень включённости представителей старшего поколения в институциональные отношения и напрямую связаны с социальным самочувствием.

Библиографический список

Беляева Л. А. 2009. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. № 1. С. 33–42.

Возьмитель А. А. 2012. Образ жизни: тенденции и характер изменений в пореформенной России. М.: Институт социологии РАН. 230 с.

Головаха Е. И., Панина Н. В., Горбачик А. П. 1998. Измерение социального самочувствия: тест ИИСС // Социология: 4М. № 10. С. 45–71.

Горшков М. К. 2016. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики) в 2-х томах. Т. 1. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф. 416 с.

Григорьева И. А. 2006. Социальная политика и пожилое население в современной России: вызовы и возможности // Мир России. Т. 15. № 1. С. 29–49.

Евразийский монитор. Исследование в странах СНГ. 2015 // Официальный сайт «Исследовательская группа ЦИРКОН» URL: <http://www.zircon.ru/publications/evraziyskiy-monitor-issledovaniya-v-stranakh-sng/> [Дата посещения: 10.04.16].

Елютина М. Э. 1999. Геронтологическое направление в структуре человеческого бытия. Саратов: СГТУ. 141 с.

Индексы социального самочувствия. 2015 // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) URL: wciom.ru/index.php?id=236&uid=115390 [Дата посещения: 10.04.16].

Ковалёва Н. Г. 2001. Пожилые люди: социальное самочувствие // Социологические исследования. № 7. С. 73–79.

Козырева П. М. 2011. Социальная адаптация населения России в постсоветский период // Социологические исследования. № 6. С. 24–36.

Краснова О. В., Козлова Т. З. 2007. Старшее поколение: гендерный аспект. М.: ИС РАН. 220 с.

Крупец Я. Н. 2003. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // Социологические исследования. № 4. С. 143–144.

Левинсон А. Г. 2011. Институциональные рамки старости: старость как гендер // Вестник общественного мнения. № 3(109). С. 52–81.

Максимова С. Г. 2006. Особенности функционирования и развития системы социального обслуживания лиц пожилого и старческого возраста в современном российском регионе на рубеже XX–XXI вв. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 360 с.

Михайлова Л. И. 2010. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. № 3. С. 45–50.

Модернизация социальной структуры современного российского общества / Отв. ред. З. Т. Голенкова. М.: ИС РАН, 2008. 287 с.

Население. 2015. // Бурятстат. Федеральная служба государственной статистики URL: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/statistics/population/ [Дата посещения: 10.04.16].

Осинский И. И., Бутуева З. А. 2015. Социальное самочувствие: понятие, факторы формирования и показатели измерения // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 14. Философия, социология, политология, культурология. С. 38–45.

Панина Н. В. 1993. Индекс жизненной удовлетворённости // LIFeLINE и другие новые методы психологии жизненного пути. М.: Прогресс. С. 107–114.

Петрова Л. Е. 2000. Социальное самочувствие молодёжи // Социологические исследования. № 12. С. 50–55.

Рейтинг регионов РФ по качеству жизни. 2014 // Официальный сайт «РИА Рейтинг». URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2014.pdf [Дата посещения: 10.04.16].

Рогозин Д. М. 2007. Тестирование вопросов о социальном самочувствии // Социальная реальность. № 2. С. 97–113.

Рогозин Д. М. 2013. Трудные жизненные ситуации в представлениях старшего поколения россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5(117). С. 32–51.

Смолькин А. А. 2008. Парадоксы отношения к пожилым людям в современной России // Социологический журнал. № 3. С. 106–121.

Тихонова Н. Е. 2014. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, ИС РАН. 408 с.

Тощенко Ж. Т., Харченко С. В. 1996. Социальное настроение. М.: Academia. 196 с.

Чеканова Э. Е. 2004. Социальные процессы старения: структуралистско-конструктивистский анализ. Саратов: Научная книга. 312 с.

Inglehart R. 1990. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton: Princeton University Press. 504 p.

DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.435

Social Well-Being of Elderly People in the Republic of Buriatiya: Regional Aspect

Butueva Zinaida Arsent`evna

Candidate of philosophical sciences, associate professor, Buryatsk State University, Ulan-Ude, Russia. E-mail: butueva_z@mail.ru

Abstract. This article examines the main approaches and factors of the social health of elderly people within the regional aspect. The following conclusion is made: social health as a form of emotional-value consciousness emerges as the result of people subjectively experiencing their specific condition, and it changes under the influence of a person's internal structure and the surrounding social environment. Analyzed is the structure of those factors which affect social health, with the former including subjective and objective components. The subjective characteristics of elderly people's social health include the following: personal features, values, emotional state in general, confidence in their future. Objective characteristics focus on such components as: age, education, health, material and marital status. Changes in social health are affected by the current socio-economic and ethno-political situation in the country and on its outskirts. That's why it is essential to examine the social health of elderly people within a regional aspect. The Republic of Buriatiya, being a multi-ethnic region, is characterized by multiple religions, a heterogenic socio-economic environment, being situated on the border, and some peculiar cultural traditions. A harsh climate, low population density and a large distance from Russia's political and cultural centers define the republic as a region which is isolated from the country's mainstream socio-cultural environment. These peculiarities form a unique environment, which impacts the population's social health. Based on the research conducted, a conclusion is drawn that the age groups of elderly people are dissimilar, which is demonstrated by the way they evaluate their life satisfaction, material status, values, and confidence in the future. The following factors seriously impact social health: age, education, marital

status. The following values are considered to be important among elderly people (in descending order): home, family, health, material well-being, confidence in the future, feeling of security. These components influence the level and degree of elderly people's involvement in institutional relations, and they are directly connected to social health.

Keywords: aging of the population, older people, social well-being factors, methods of measurement, subjective life satisfaction, the region, the Republic of Buriatiya.

References

Beliaeva L. A. Uroven' i kachestvo zhizni. Problemy izmerenija i interpretacii [The Level and Quality of Life. Challenges in Measuring and Interpreting]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2009, no 1, pp. 33–42.

Chekanova E. E. Social'nye processy starenija: strukturalistsko-konstruktivistsky analiz [Social Aging Processes: Structuralist and Constructivist Analysis]. Saratov, Nauchnaja Kniga, 2004. 312 p.

Eliutina M. E. Gerontologicheskoe napravlenie v strukture chelovecheskogo bytija [Gerontological Direction in the Structure of Human Existence]. Saratov, SSU publ., 1999. 141 p.

Evrazijsky monitor. Issledovanie v stranah SNG [Eurasian Monitor. CIS Countries Survey]. 2015. «CIRKON» Research Group Official website. URL: <http://www.zircon.ru/publications/evraziyskiy-monitor-issledovaniya-v-stranakh-sng/> [date of visit: 10.04.16].

Golovaha E. I., Panina N. V., Gorbachik A. P. Izmerenie social'nogo samochuvstvija: test IISS [The Measurement of Social Wellbeing: IISS Test]. *Sociologija*: 4M, 1998, no 10, pp. 45–71.

Gorshkov M. K. Rossiyskoe obschestvo kak ono est': (opyt sociologicheskoy diagnostiki) [Russian Society as it is: (Experience of Sociological Diagnosis)]. Second ed. Moscow, Novy Khronograf, 2016. 416 p.

Grigor'eva I. A. Social'naja politika i pozhiloe naselenie v sovremennoy Rossii: vyzovy i vozmozhnosti [Social Policy and Older Population in Modern Russia: Challenges and Opportunities]. *Mir Rossii*, 2006, Vol. 15, no 1, pp. 29–49.

Indeksy social'nogo samochuvstvija [The Indices of Social Well-being]. 2015. VCIOM Official website. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115390> [date of visit: 10.04.16].

Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton, Princeton University Press, 1990. 504 p.

Kovaliova N. G. Pozhilye liudi: social'noe samochuvstvie [Elderly: Social Well-being]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2001, no 7, pp. 73–79.

Kozyreva P. M. Social'naja adaptacija naselenija Rossii v postsovetsky period [Social Adaptation of the Population of Russia in the Post-Soviet Period]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2011, no 6, pp. 24–36.

Krasnova O. V., Kozlova T. Z. Starshee pokolenie: genderny aspekt [The Older Generation: the Gender Dimension]. Moscow, IS RAS, 2007. 220 p.

Krupec Y. N. Social'noe samochuvstvie kak integral'ny pokazatel' adaptirovannosti [Social Well-being as an Integral Component of Adaptation]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2003, no 4, pp. 143–144.

Levinson A. G. Institucionalnye ramki starosti: starost' kak gender [Institutional Framework of Old Age: Old Age as Gender]. *Vestnik obschestvennogo mnenija*, 2011, no 3 (109), pp. 52–81.

Maximova S. G. Osobennosti funkcionirovaniya i razvitija sistemy social'nogo obsluzhivaniya lic pozhilogo i starcheskogo vozrasta v sovremennom rossiyskom regione na rubezhe XX–XXI vv. [Features of Functioning and Development of the System of Social Care of Elderly and Senile Age in Modern Russian Region at the turn of XX–XXI Centuries]. Barnaul, ASU publ., 2006. 360 p.

Mihaylova L. I. Social'noe samochuvstvie i vosprijatie budushego rossiyanami [Social Well-being and Future Perception of Russians]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2010, no 3, pp. 45–50.

Modernizacija social'noy struktury sovremennogo rossiyskogo obschestva [Modernisation of the Social Structure of Modern Russian Society]. Ed. by Z. T. Golenkova. Moscow, IS RAS, 2008. 287 p.

Naselenie – 2015 [Population – 2015]. Buriatstat (Buriatia`s Branch of the FSSS of Russian Federation) Official website. URL: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/statistics/population/ [date of visit: 10.04.16].

Osinsky I. I., Butueva Z. A. Social'noe samochuvstvie: poniatie, faktory formirovaniya i pokazateli izmerenija [Social Well-being: Concept, Factors of Formation and Measurement Indicators]. Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015, Vol. 14 «Filosofija, sociologija, politologija, kul'turologija», pp. 38–45.

Panina N. V. Index zhiznennoy udovletvorionnosti [Index of Well-being]. LIFeLINE i drugie novye metody psihologii zhiznennogo puti. Moscow, Progress, 1993, pp. 107–114.

Petrova L. E. Social'noe samochuvstvie molodiozhi [Social Well-being of the Youth]. Sociologicheskie issledovanija, 2000, no 12, pp. 50–55.

Reyting regionov RF po kachestvu zhizni –2014 [Rating of Russian Regions on Life Quality]. «RIA Rating» Official website. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2014.pdf [date of visit: 10.04.16].

Rogozin D. M. Testirovanie voprosov o social'nom samochuvstvii [Test Questions about Social Well-being]. Social'naja real'nost', 2007, no 2, pp. 97–113.

Rogozin D. M. Trudnye zhiznennye situacii v predstavlenijah starshego pokolenija rossijan [Difficult Life Situations in the Views of the Older Generation of Russians]. Monitoring obschestvennogo mnenija: ekonomicheskie i social'nye peremeny, 2013, no 5 (117), pp. 32–51.

Smol'kin A. A. Paradoxy otnoshenija k pozhilym liudiam v sovremennoj Rossii [Paradoxes of the Attitudes towards Older People in Modern Russia]. Sociologicheskij zhurnal, 2008, no 3, pp. 106–121.

Tikhonova N. E. Social'naja struktura Rossii: teorii i real'nost' [The Social Structure of Russia: Theory and Reality]. Moscow, Novy khronograf, IS RAS, 2014. 408 p.

Toschenko J. T., Harchenko S. V. Social'noe nastroyenie [Social Mood]. Moscow, Academia, 1996. 196 p.

Voz'mitel' A. A. Obraz zhizni: tendencii i karakter izmeneniy v poreformennoj Rossii [Lifestyle: Trends and in Character of Changes of Post-reform Russia]. Moscow, IS RAS, 2012. 230 p.

М и р о в о с п р и я т и е с о в р е м е н н ы х   р о с с и я н

Киселев Игорь Юрьевич –

доктор социологических наук, профессор,
декан факультета социально-политических
наук, заведующий кафедрой социологии
Ярославского государственного университета
им. П. Г. Демидова, Ярославль

E-mail: igkisselev@mail.ru

Смирнова Анна Геннадьевна –

кандидат политических наук, доцент кафедры
социологии Ярославского государственного
университета им. П. Г. Демидова, Ярославль

E-mail: agsmirnova2001@mail.ru

Особенности восприятия населением результатов внешней политики

DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.432

Аннотация. В статье¹ представлены результаты эмпирического исследования, направленного на изучение последствий, с которыми может столкнуться лидер, если проводимая им внешняя политика не получит поддержки граждан. Феномен внутриполитических потерь в научной литературе рассматривается преимущественно в контексте взаимодействия государств в условиях эскалации напряжённости и обмена угрозами. Обосновывается необходимость исследований данного феномена в других областях внешней и внутренней политики, не связанных с конфликтным взаимодействием. Авторы исходят из предположения, что генерирование внутриполитических потерь предполагает, во-первых, восприятие последствий внешней политики, приведшей к неудачам в реализации важных национальных интересов: обеспечение национальной безопасности, экономического благополучия, поддержание идентичности и оказание влияния на международной арене. Во-вторых, данный процесс связан с существованием установки на совершение действий, которые приведут лидера к утрате власти вследствие потери голосов на выборах, вынужденной отставке, акциям протеста. Генерирование гражданами внутриполитических потерь осуществляется под влиянием трёх групп факторов. Первая отражает влияние институционального контекста: отношение оппозиционных партий к проводимой политике, избирательный цикл, уровень поддержки деятельности президента, экономическая ситуация в стране. Вторая группа факторов связана с особенностями восприятия успехов и неудач в реализации основных категорий национальных интересов. Третья представлена характеристиками граждан, оценивающих результаты реализации внешнеполитического курса. В частности, особенности восприятия последствий этих результатов обусловлены социально-демографическими характеристиками респондентов (пол, возраст, образование). Влияние отмеченных факторов на генерирование внутриполитических потерь изучалось в ходе эмпирического исследования, в основе которого лежал метод эксперимента, встроенный в анкетирование респондентов. Установлено, что граждане готовы реагировать на неудачную внешнюю политику, проводимую лидером, посредством генерирования внутриполитических потерь. Они связаны с отказом поддерживать лидера в ходе выборов. Субъектами генерирования внутриполитических потерь являются прежде всего мужчины и представители молодого поколения (18–30 лет). Неудачи в реализации всех основных категорий национальных интересов могут стать причиной внутриполитических потерь. Вместе с тем, группы населения, определяемые на основе критериев пола, возраста и образования, придают одинаково низкую значимость интересу поддержания национальной идентичности для генерирования внутриполитических потерь лидера. В свою очередь респонденты готовы отказать лидеру в поддержке, если связывают проблемы безопасности, экономического благополучия или утраты влияния на международной арене с проводимой лидером внешней политикой.

Ключевые слова: внешняя политика, общественное мнение, внутриполитические потери, пол, возраст, уровень образования

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. «Проблема отсутствия поддержки внешнеполитического курса как фактор формирования внутриполитических потерь лидера: экспериментальное исследование», проект № 15-03-00455.

Российские социологи на протяжении последних лет фиксируют рост интереса россиян к внешней политике. По данным Фонда «Общественное мнение» за март 2016 г., 63% россиян следят за внешней политикой. При этом 53% опрошенных полагают, что руководство уделяет этой сфере столько внимания, сколько необходимо; 63% убеждены, что во внешней политике России было больше успехов, чем неудач [Интерес к внешней политике... 2016]. Зафиксированный рост интереса к проблемам внешней политики важен, поскольку отражает факт актуализации внешнеполитического сознания россиян и, следовательно, готовность осмысливать события на международной арене с точки зрения сложившихся представлений о целях, которые должны быть достигнуты во взаимоотношениях с другими государствами, принципах внешнеполитической деятельности. Кроме того, растущий интерес к внешней политике становится основанием для оценки деятельности политических лидеров. В связи с этим важно установить, какой внешнеполитический курс способен обеспечить лидеру внутриполитическую поддержку, а какой – лишить её.

Понятие потерь, с которыми может столкнуться лидер, если проводимый им политический курс не получит поддержки представителей разных социальных групп («аудиторий») внутри страны, широко используется в научной литературе для анализа политических процессов, прежде всего международных конфликтов. Например, Дж. Фиарон рассматривает проблему потерь, связанных с отсутствием поддержки действий лидера внутри страны, в условиях международных кризисов и делает вывод, что ожидаемые лидером потери способствуют повышению достоверности угроз, которыми обмениваются государства в период эскалации напряжённости [Fearon, 1994]. В свою очередь Х. Гёманс поднимает проблему движущих сил, заставляющих лидеров государств принять решение о завершении войн. Учёный приходит к выводу, что в качестве важного условия выступают ожидания лидера относительно тех последствий, с которыми он столкнётся после окончания войны [Goemans 2000].

Таким образом, ожидания политиков относительно «обратной связи», которую они могут получить от разных групп населения, выступают в качестве важного фактора принятия внешнеполитических решений в ситуации международных конфликтов. Вместе с тем, феномен внутриполитических потерь в этой ситуации требует дальнейшего изучения по следующим направлениям.

Во-первых, хотя данный феномен описан преимущественно в литературе по проблеме международных конфликтов, идеи, которые предложили Дж. Фиарон [Fearon 1994], Х. Гёманс [Goemans 2000] и другие авторы [Tomz 2007; Gartzke, Lupu 2012], применимы к широкому кругу вопросов

внутренней и внешней политики, не обязательно предполагающих взаимодействие государств в ситуации конфликта. В связи с этим возникает вопрос, какие закономерности лежат в основе генерирования потерь, связанных с отсутствием поддержки проводимой политики, в других сферах.

Во-вторых, феномен потерь, с которыми сталкивается политик, если проводимый им курс не получил поддержки, анализируется преимущественно с позиций субъектов принятия политических решений. Меньше внимания уделяется его изучению с точки зрения граждан: рассматривают ли они неудачи во внешней политике как повод для отказа лидеру в поддержке, неготовности голосовать за него на выборах, отставки и других внутриполитических потерь? Какие последствия проводимой им внешней политики ассоциируются у них с выигрышами и потерями?

В-третьих, поставленные вопросы обозначают необходимость изучения факторов, обуславливающих генерирование гражданами внутриполитических потерь в ответ на неудачи в проводимой лидером внешней политике.

Перечисленные направления научного поиска определяют содержание статьи. В ней представлены результаты авторского эмпирического исследования, направленного на изучение последствий, с которыми может столкнуться лидер, если проводимый им внешнеполитический курс не получит поддержки в стране. Анализ результатов осуществляется с учётом характеристик респондентов из разных социально-демографических групп населения.

Факторы генерирования гражданами внутриполитических потерь лидера

Генерирование внутриполитических потерь власти основывается, во-первых, на восприятии обществом последствий внешней политики, приведшей к неудачам в реализации важных национальных интересов, таких как обеспечение национальной безопасности, экономического благополучия, поддержания идентичности и оказания влияния на международной арене. Во-вторых, данный процесс связан с существованием установки на совершение действий, которые приведут лидера лично и/или политическую силу, которую он представляет, к внутриполитическим потерям, связанным с утратой власти вследствие потери голосов на выборах, вынужденной отставкой, акциями протеста.

Перечисленные процессы протекают под влиянием трёх групп факторов.

Первая группа факторов отражает воздействие институционального контекста политической деятельности на генерирование внутриполитических потерь. Среди них: отно-

Генерирование внутриполитических потерь власти основывается на восприятии обществом последствий внешней политики, приведшей к неудачам в реализации важных национальных интересов, таких как обеспечение национальной безопасности, экономического благополучия, поддержания идентичности и оказания влияния на международной арене.

шение оппозиционных партий к проводимой президентом политике, избирательный цикл, уровень поддержки деятельности президента, экономическая ситуация в стране [Levy 1998; Potter, Baum 2014]. Однако чаще всего проблема внутривнутриполитических потерь рассматривается в связи с характеристиками политического режима [Debs, Goemans 2010]. Кроме того, перечень институциональных факторов может быть дополнен ещё одним – сложившимся режимом «взаимодействия власти и общественного мнения» [Гавра 1998: 53]. В целом первая группа факторов определяет установку граждан на самую возможность генерировать внутривнутриполитические потери власти, а также готовность лидеров антиципировать их и учитывать в процессе принятия решений.

Вторая группа факторов связана с особенностями восприятия успехов и неудач в реализации четырёх основных категорий национальных интересов: обеспечения безопасности, экономического благополучия, поддержания национальной идентичности, оказания влияния на международной арене.

Результаты исследований, проведённых представителями разных научных дисциплин, фиксируют общую тенденцию, отражающую возросшую потребность россиян в обеспечении безопасности. Так, согласно данным ФОМ, опубликованным в апреле 2016 г., респонденты, отвечая на вопрос о том, что вызывает тревогу и опасение, если говорить о ситуации в России, наиболее часто называли повышение цен и обнищание людей (44%). Второй по частоте ответ – угроза нападения других государств (28%). В марте 2015 г. на это опасение ссылались 32% опрошенных. Важно подчеркнуть, что по результатам опроса, проведённого в 2000 г., об этом тревожились лишь 11% россиян [Страхи и тревоги... 2016]. Таким образом, жители нашей страны ощущают угрозу не только экономическому благополучию, но и безопасности. Схожие результаты получены в ходе опросов ВЦИОМ [Индекс страхов... 2016]. Результаты исследования восприятия власти, проведённого коллективом учёных под руководством Е. Б. Шестопаля, также служат основанием для вывода о доминировании интереса обеспечения безопасности в массовом сознании. Так, в образе идеальной власти потребность безопасности существенно доминирует над другими категориями потребностей (60%). Образ реальной власти также ассоциируется с неудовлетворённой потребностью в безопасности [Шестопаля 2015: 111].

Обобщая результаты исследований, можем сформулировать *предположение* о том, что генерирование внутривнутриполитических потерь связано преимущественно с неудачами в реализации интересов безопасности и экономического благополучия.

Вместе с тем очевидно, что даже в обществе, консолидированном по вопросам внешней политики, существуют разные точки зрения относительно успешности деятельности лидеров

и доминирующих интересов. Так, Т. Риссе-Каппен подчёркивает, что массы, оценивающие успешность деятельности лидеров в сфере внешней политики, было бы неверно рассматривать в качестве унитарного актора [Risse-Karpen 1991: 482]. В связи с этим можно предположить, что субъекты, представляющие отличающиеся группы населения, могут по-разному воспринимать результаты внешней политики.

Следовательно, необходимо ввести *третью группу факторов*, которая представлена характеристиками граждан, оценивающих результаты реализации внешнеполитического курса. В частности, особенности восприятия последствий реализации внешнеполитического курса обусловлены социально-демографическими характеристиками респондентов. В качестве обоснования предположения служат результаты исследования восприятия власти в России, проведённого авторским коллективом под руководством Е. Б. Шестопаля, в котором отмечается наличие *гендерных различий* в восприятии власти [Шестопаля 2015: 150–161]. Так, женщины в большей степени, чем мужчины, склонны одобрять действия официальной власти, поддерживать её и демонстрировать лояльность. При этом отмеченные эмоциональные характеристики образа власти соотнесены с деятельностным компонентом. У мужчин более выражена готовность к активности в сфере реализации власти: принимать участие в выборах, в том числе в качестве кандидатов на политические посты, выражать свою позицию на митингах, забастовках, в социальных сетях. В исследовании, проведённом О. А. Мирясовой, также отмечается, что чаще политически активными называют себя мужчины. При этом они чаще вовлечены в протестные формы политического поведения [Мирясова 2014: 173]. Перечисленные характеристики позволяют предположить, что к генерированию внутривнутриполитических потерь власти более склонны мужчины, чем женщины.

Возрастные различия интерпретируются с точки зрения особенностей политической социализации разных поколений граждан. Для российской действительности актуально распределение респондентов в рамках следующих возрастных когорт: до 30 лет, 31–60 лет и старше 61 года [Шестопаля 2005]. Можно ожидать появление различий в оценках последствий реализации разных категорий национальных интересов и генерировании внутривнутриполитических потерь власти представителями трёх поколений россиян. В частности, в исследовании образов власти отмечается, что к активной критике власти в большей степени склонно молодое поколение (18–30 лет) [Шестопаля 2015: 166]. Кроме того, наблюдается специфика форм политического участия у представителей разных возрастных групп. На фоне общей готовности принимать участие в голосовании на выборах представители молодого и среднего поколения более склонны высказывать своё мнение в открытых источниках (например, социальных сетях)

Даже в обществе, консолидированном по вопросам внешней политики, существуют разные точки зрения относительно успешности деятельности лидеров и доминирующих интересов.

и принимать участие в выборах в качестве кандидатов на политические посты. В свою очередь старшее поколение выражает готовность «ходить на митинги в поддержку тех или иных сил» [Шестопап 2015: 164]. Забастовку как форму политического участия рассматривает для себя младшее поколение.

Отмеченные особенности позволяют *предположить*, что потенциально генерировать внутривнутриполитические потери власти способны представители всех трёх поколений. Однако более тяжёлые последствия для лидера могут быть связаны с политической активностью молодёжи и среднего поколения.

Образование также может рассматриваться в качестве фактора генерирования внутривнутриполитических потерь. Например, О. А. Мирясова установила, что чаще политически активными называют себя респонденты, получившие высшее образование [Мирясова 2014: 173]. Уровень образования определяет и специфику восприятия власти. Как подчёркивает Е. Б. Шестопап, «чем он выше, тем более критичны респонденты по отношению к власти в целом и отдельным её носителям» [Шестопап 2015: 192].

Принимая во внимание сказанное, можем предположить, что внутривнутриполитические потери власти склонны генерировать преимущественно граждане с высоким уровнем образования.

Процедура эмпирического исследования

Предположения о влиянии отмеченных факторов проверяются в ходе эмпирического исследования с использованием метода эксперимента, встроенного в анкетирование респондентов [Gilens 2002]. Процедура исследования апробирована в ходе пилотажного исследования [Кисилев, Смирнова, Храброва 2015].

Метод эксперимента позволяет смоделировать ситуацию возникновения внутривнутриполитических потерь и изучить её характеристики посредством изменения значений *независимых переменных*. В проведённом исследовании в качестве таковых выступают последствия внешнеполитического решения, отражающие разные комбинации выигрышей и потерь, связанных с обеспечением безопасности, экономического благополучия, поддержанием национальной идентичности и влияния на международной арене.

Всего респондентам предъявлялись семь описаний ситуаций.

Ситуация 1 представляет последствия внешнеполитического решения с точки зрения выигрышей в области безопасности и экономического благополучия, а также потерь в области поддержания национальной идентичности и влияния.

Потенциально генерировать внутривнутриполитические потери власти способны представители всех трёх поколений. Однако более тяжёлые последствия для лидера могут быть связаны с политической активностью молодёжи и среднего поколения.

Внутривнутриполитические потери власти склонны генерировать преимущественно граждане с высоким уровнем образования.

Ситуация 2 указывает на выигрыши в области обеспечения безопасности и поддержания национальной идентичности на фоне потерь в области экономического благополучия и влияния.

Ситуация 3 отражает комбинацию выигрышей в области обеспечения безопасности, поддержания национальной идентичности и влияния в сочетании с потерями в сфере экономического благополучия.

Ситуация 4 содержит ссылки на потери в трёх сферах – безопасности, экономического благополучия и влияния в комбинации с выигрышами в области поддержания национальной идентичности.

Ситуация 5 описывает потери в области обеспечения безопасности и влияния на международной арене в сочетании с выигрышами в сфере экономического благополучия и поддержания национальной идентичности.

Ситуация 6 представлена сочетанием потерь в области обеспечения безопасности на фоне выигрышей во всех остальных сферах.

Ситуация 7 указывает на выигрыши в области обеспечения безопасности на фоне потерь во всех остальных сферах.

Отметим, что из описания экспериментальных ситуаций исключены ссылки на конкретные страны, имена политических лидеров и другая информация, позволяющая «узнать» ситуацию. Это позволило исключить из рассмотрения факторы, связанные с отношением к политическим фигурам или событиям, и проанализировать соотношение выигрышей и потерь в разных сферах национальных интересов в чистом виде.

Каждому респонденту предъявлялось описание только одной ситуации.

Зависимыми переменными выступают, во-первых, отношение респондента к последствиям внешней политики, в частности, восприятие их как сопряжённых с выигрышами и потерями. Во-вторых, определялась готовность респондента поддержать внешнюю политику, описанную в ситуации. В-третьих, выявлялась установка на совершение политических действий, которые связаны с потерями для лидера (отказ поддержать политика на выборах, протестные действия, требования отставки).

Объём выборки исследования составил 1050 человек. Каждая из семи экспериментальных ситуаций предъявлялась 150 респондентам трёх возрастных групп (18–30, 31–60, старше 61 года) в равной представленности в каждой из них мужчин и женщин. Математико-статистическая обработка данных осуществляется с помощью составления таблиц сопряжённости с применением критериев χ^2 Пирсона, V Крамера, метода Монте-Карло.

Восприятие россиянами проводимой политики (по результатам эксперимента)

Прежде всего отметим, что 62,1% респондентов убеждены в том, что *политик должен учитывать мнение граждан* при принятии внешнеполитических решений; 19,2% придерживаются противоположной точки зрения; 18,7% затруднились с выбором ответа. Важно отметить, что убежденность в необходимости учитывать мнение граждан при вынесении политиками внешнеполитических решений, разделяют всех *три возрастные группы*.

В свою очередь наблюдаются различия в распределении ответов *мужчин и женщин*. Обе группы разделяют установку на участие граждан в принятии внешнеполитических решений. Однако чаще её демонстрируют мужчины (52,6%), чем женщины (47,4%). Различия статистически значимые ($\chi^2_{(df=2)}=8,812$, $p=0,012$; критерий Монте-Карло находится в пределах статистической значимости: $0,011 < p = 0,012 < 0,015$).

Участники исследования с разными уровнями образования разделяют общую установку на то, что политик должен учитывать мнение граждан при принятии внешнеполитических решений. Однако при этом респонденты без высшего образования высказывают такое мнение чаще, чем опрошенные с высшим образованием (66,8 и 57,8%, соответственно). Различия статистически значимые ($\chi^2_{(df=2)}=10,117$, $p=0,006$; V Крамера=0,099, $p=0,006$; критерий Монте-Карло находится в пределах статистической значимости $0,005 < p = 0,006 < 0,008$).

Вместе с тем, несмотря на выявленные статистически значимые различия в ответах опрошенных по категориям «пол», «возраст» и «уровень образования», нельзя отрицать существование разделяемого мнения о том, что лидер должен учитывать мнение граждан в процессе принятия внешнеполитических решений. Формированию у россиян такой позиции способствовала социализация и ресоциализация в 1990-е и 2000-е гг. в условиях функционирования новых политических институтов. Разные группы населения не только приобрели навыки политического поведения, но и освоили систему смыслов, придающих высокое значение возможности донести мнение по проводимой политике до субъектов принятия решений.

Сделанный вывод подтверждается ответами на вопрос о том, *с какими последствиями может столкнуться лидер*, если население страны не одобрит проводимую им внешнюю политику. Респондентам предлагалось оценить возможность наступления последствий по 5-балльной шкале, где 5 – самая высокая возможность наступления последствия, а 1 – самая низкая.

62,1% респондентов убеждены в том, что политик должен учитывать мнение граждан при принятии внешнеполитических решений.

В 1990-е и 2000-е гг. в условиях функционирования новых политических институтов разные группы населения не только приобрели навыки политического поведения, но и освоили систему смыслов, придающих высокое значение возможности донести мнение по проводимой политике до субъектов принятия решений.

По мнению респондентов, вероятней всего политик лишится поддержки избирателей ($M=3,21$; $M_0=5$). Кроме того, опрошенные полагают, что политик также может столкнуться с акциями протеста ($M=2,93$; $M_0=3$). Далее (в порядке убывания) возможности наступления последствия упоминаются: отставка ($M=2,21$; $M_0=1$), отсутствие каких бы то ни было последствий ($M=1,7$; $M_0=1$), арест и судебное разбирательство ($M=1,49$; $M_0=1$).

Важно подчеркнуть, что разные группы респондентов, сформированные в соответствии с критериями возраста, пола, уровня образования, воспроизводят тенденцию, зафиксированную на выборке в целом.

Обобщая полученные результаты, можем сделать вывод, что неудачи в сфере внешней политики приведут лидера к внутривнутриполитическим потерям. Наиболее вероятными последствиями выступают отсутствие поддержки политика на выборах и акции протеста. При этом необходимо отметить однородность установок на генерирование внутривнутриполитических потерь власти у разных групп населения.

Вместе с тем подобные установки можно рассматривать как фоновые. Их описание должно быть уточнено в привязке к конкретным внешнеполитическим сценариям с разными комбинациями успехов и неудач в реализации национальных интересов. Рассмотрим, как отношение к описанной в экспериментальных ситуациях внешней политике и установка на её поддержку изменяются в зависимости от возраста, пола и уровня образования респондентов.

Полученные результаты позволили установить, что восприятие результатов внешней политики и установка на её поддержку зависит от *возраста* респондентов, а точнее – их принадлежности к разным *поколениям* (см. таблицу 1).

Таблица 1

Если говорить в целом, проводимый внешнеполитический курс принёс больше выигрышей или потерь?, % от числа ответивших респондентов молодого (18–30 лет), среднего (31–60) и старшего (61–88) поколений

Возраст	Сит. 1 Б+; Э+; И-; В-	Сит. 2 Б+; Э-; И+; В-	Сит. 3 Б+; Э; И+; В+	Сит. 4 Б-; Э-; И+; В-	Сит. 5 Б-; Э+; И+; В-	Сит. 6 Б-; Э+; И+; В+	Сит. 7 Б+; Э-; И-; В-
18–30	47,8/19,6	24,4/38,7	44,4/22,2	6,2/72,9	30,3/27,1	53,2/19,1	12,5/43,8
31–60	40/24	30,6/28,5	36/16	10/70	27,1/37,5	44,7/14,9	12,5/48
61–88	39,1/21,7	28,8/34,5	36,8/30,6	11,3/40,9	31,3/27,1	32/26	22,2/42,2

Условные обозначения: Б – обеспечение безопасности; Э – обеспечение экономического благополучия; И – поддержание национальной идентичности; В – влияние в международных отношениях; + – выигрыши; - – потери.

Представители трёх поколений придают разную значимость выигрышам и потерям во внешнеполитической деятельности.

Неудачи в сфере внешней политики приведут лидера к внутривнутриполитическим потерям. Наиболее вероятными последствиями выступают отсутствие поддержки политика на выборах и акции протеста.

Для молодёжи (18–30 лет) важны как потери, так и достижения. При этом оценки представителей молодого поколения в высокой степени дифференцированы. Так, в качестве выигрышных воспринимаются *ситуации 1* (47,8%), *3* (44%) и *6* (53,2%). В свою очередь как сопряжённые с потерями расцениваются *ситуации 4* (72,9%) и *7* (43,8%). Различия в восприятии ситуаций как содержащих выигрыши и потери статистически значимые ($\chi^2_{(df=24)}=95,653$, $p<0,001$; V Крамера=0,269, $p<0,001$; критерий Монте-Карло<0,001).

Представители *среднего* и *старшего* поколений воспринимают описанные в экспериментальных ситуациях результаты внешней политики как содержащие в равной степени выигрыши и потери. На этом фоне респонденты *среднего поколения* (31–60) выделяют две ситуации как ассоциирующиеся с потерями: *ситуации 4* (70%) и *7* (48%). Различия статистически значимые ($\chi^2_{(df=24)}=75,475$, $p<0,001$; V Крамера=0,235, $p<0,001$; критерий Монте-Карло <0,001). В свою очередь респонденты старше 61 года отмечают *ситуации 2* (44,5%), *4* (40,9%) и *7* (42%). Различия не достигают уровня статистической значимости.

Сопоставление содержания ситуаций, категоризованных респондентами как сопряжённых с выигрышами и потерями, позволяет отметить различия в восприятии результатов внешней политики в конкретных сферах национальных интересов.

В частности, для того чтобы *молодёжь* восприняла внешнеполитический курс как выгодный, необходимо, чтобы он в первую очередь соответствовал интересам *экономического благополучия и влияния*. Для *среднего поколения* важно, чтобы не было потерь в области обеспечения *безопасности*, реализованы интересы *экономического благополучия и влияния*. У представителей *старшего поколения* нет определённых приоритетных интересов, определяющих субъективную выгоду внешнеполитического курса. Различия в восприятии ситуации как сопряжённой с выигрышами и потерями по всем категориям интересов не достигают уровня статистической значимости.

Рассмотрим готовность разных поколений поддержать внешнюю политику, описанную в экспериментальных ситуациях (см. таблицу 2).

У молодёжи готовность оказывать поддержку в высокой степени зависит от результативности проводимого курса. Максимальный уровень поддержки приходится на ситуации, которые они рассматривают как выгодные: *ситуация 1* (56,4%), *3* (71,8%) и *6* (60,5%). Самый низкий уровень поддержки отмечается в *ситуациях 2* (33,3%), *4* (33,3%) и *7* (42%). Они воспринимаются как сопряжённые главным образом с потерями. Кроме того, для обеспечения поддержки важно и содержание реализованных интересов. Заметим, что во всех трёх ситуациях, получивших самую низкую поддержку, нереализованными оказались интересы в области *экономиче-*

Чтобы молодёжь восприняла внешнеполитический курс как выгодный, необходимо, чтобы он в первую очередь соответствовал интересам экономического благополучия и влияния. Для среднего поколения важно, чтобы не было потерь в области обеспечения безопасности, реализованы интересы экономического благополучия и влияния.

ского благополучия и влияния. Таким образом, представители молодого поколения способны генерировать внутривнутриполитические потери в ответ на внешнюю политику, которая воспринимается ими как сопряжённая с потерями.

Таблица 2

Поддержали бы Вы или не поддержали курс, проводимый политическим лидером?, % от числа ответивших респондентов молодого (18–30 лет), среднего (31–60) и старшего (61–88) поколений

Возраст	Сит. 1 Б+; Э+; И-; В-	Сит. 2 Б+; Э-; И+; В-	Сит. 3 Б+; Э-; И+; В+	Сит. 4 Б-; Э-; И+; В-	Сит. 5 Б-; Э+; И+; В-	Сит. 6 Б-; Э+; И+; В+	Сит. 7 Б+; Э-; И-; В-
18–30	56,4/43,6	33,3/66,7	71,8/28,2	33,3/66,7	32,4/67,6	60,5/39,5	42/58
31–60	67,5/32,5	54/46	80/20	39/61	44,7/55,3	62,5/37,5	44,7/55,3
61–88	75/25	61/39	75/25	51,3/48,7	55,6/44,4	69,3/30,7	57,6/42,4

Условные обозначения: Б – обеспечение безопасности; Э – обеспечение экономического благополучия; И – поддержание национальной идентичности; В – влияние в международных отношениях; + – выигрыши; - – потери.

Установки представителей старшего поколения (старше 61 года) существенно отличаются от тех, которые свойственны молодёжи. Старшее поколение склонно поддержать внешнюю политику. Уровень поддержки всех экспериментальных ситуаций превышает 50%. Иначе говоря, они демонстрируют установку на лояльность власти независимо от того, приносит внешнеполитический курс, проводимый политическим лидером, выигрыши или потери. Таким образом, по готовности оказывать поддержку представителям данного поколения можно рассматривать как наименее вероятных субъектов генерирования внутривнутриполитических потерь власти.

Представители среднего поколения (31–60) также в целом демонстрируют высокий уровень поддержки всех предложенных внешнеполитических сценариев. Самый низкий уровень поддержки (38,4%) приходится на ситуацию 4. Описанная в ней внешняя политика приносит потери в обеспечении безопасности, экономического благополучия и влияния. Как было показано ранее, именно потери в отмеченных областях служат для представителей данного поколения критериями для восприятия внешней политики как сопряжённой с потерями. В связи с этим низкая поддержка описанной политики выглядит закономерной. Представители данного поколения способны выступить субъектами генерирования внутривнутриполитических потерь, но, в отличие от молодого поколения, отсутствие поддержки может стать реакцией на ограниченный перечень исходов реализации внешней политики: должны возникнуть потери одновременно по целому ряду интересов. Не будет ошибкой предположить, что подобный исход редок, поскольку сам субъект внешнеполитической деятельности независимо от мнения граждан постарается его избежать.

Таким образом, *возраст* респондентов, а именно их принадлежность к разным поколениям, выступает в качестве важного фактора генерирования внутрисполитических потерь лидера.

Рассмотрим особенности восприятия последствий внешней политики *мужчинами и женщинами* (см. таблицу 3).

Таблица 3

Если говорить в целом, проводимый внешнеполитический курс принёс больше выигрышей или потерь?
% от числа ответивших респондентов – мужчин и женщин

Пол	Сит. 1 Б+; Э+; И-; В-	Сит. 2 Б+; Э-; И+; В-	Сит. 3 Б+; Э-; И+; В+	Сит. 4 Б-; Э-; И+; В-	Сит. 5 Б-; Э+; И+; В-	Сит. 6 Б-; Э+; И+; В+	Сит. 7 Б+; Э-; И-; В-
Муж	52/16,4	26/41,1	33,4/26,4	11,5/61,4	36,6/32,4	42,4/28,8	18,6/42,8
Жен	31,9/27,5	30/32,8	44,5/19,5	6,9/62,5	23,3/28,7	43,7/11,3%	12,7/46,5

Условные обозначения: Б – обеспечение безопасности; Э – обеспечение экономического благополучия; И – поддержание национальной идентичности; В – влияние в международных отношениях; + – выигрыши; - – потери.

Респонденты-мужчины чаще всего воспринимают как наиболее выгодный внешнеполитический курс, описанный в *ситуациях 1* (52%) и *6* (42,4%). В свою очередь *ситуации 4* (61,4%), *7* (42,8%) и *2* (41,1%) ассоциируются преимущественно с потерями. У женщин представления о «выигрышной» внешней политике связаны с *ситуациями 6* (43,7%) и *3* (44,5%). Восприятие потерь респондентами (мужчинами и женщинами) совпадает. Как наименее выгодную женщины рассматривают внешнюю политику, описанную в *ситуациях 4* (62,5%), *7* (46,5%) и *2* (33,8%).

Сопоставление содержания отмеченных экспериментальных ситуаций позволяет сделать вывод, что для категоризации ситуации как сопряжённой с потерями для представителей обеих групп важны неудачи в области обеспечения *экономического благополучия и влияния*.

Однако готовность поддержать внешнюю политику, описанную в экспериментальных ситуациях, зависит от успехов и неудач в реализации других интересов (см. таблицу 4).

Таблица 4

Поддержали или не поддержали бы Вы курс, проводимый политическим лидером?
% от числа ответивших респондентов мужчин и женщин

Пол	Сит. 1 Б+; Э+; И-; В-	Сит. 2 Б+; Э-; И+; В-	Сит. 3 Б+; Э-; И+; В+	Сит. 4 Б-; Э-; И+; В-	Сит. 5 Б-; Э+; И+; В-	Сит. 6 Б-; Э+; И+; В+	Сит. 7 Б+; Э-; И-; В-
Муж	76,8 /23,2	57,5/43,6	73,7/26,3	41/59	50/50	54,9/45,1	44,9/55,1
Жен	53,7/46,3	56,7/43,3	77,5/22,6	42,6/57,4	37,7/62,2	71,8/28,2	51/49

Условные обозначения: Б – обеспечение безопасности; Э – обеспечение экономического благополучия; И – поддержание национальной идентичности; В – влияние в международных отношениях; + – выигрыши; - – потери.

Респонденты-мужчины склонны поддержать курс, описанный в экспериментальных *ситуациях 1* (76,8%) и *3* (73,7%), и отказать в поддержке внешней политики, представленной в ситуациях *4* (59%) и *7* (55,1%). Сравнение содержания этих ситуаций позволяет сделать вывод, что поддержка зависит преимущественно от реализации интересов в области *безопасности*. Различия в уровне поддержки в зависимости от реализации других категорий интересов не достигают уровня статистической значимости.

У женщин также есть очевидные предпочтения с точки зрения готовности поддержать проводимую лидером внешнюю политику. Высокий уровень поддержки приходится на *ситуации 3* (77,5%) и *6* (71,8%). Респонденты-женщины отказали бы в поддержке лидеру, который реализовал внешнеполитический курс, отраженный в *ситуациях 5* (62,2%) и *4* (61,1%). При этом можно заметить, что готовность поддержать внешнеполитический курс основывается на простом доминировании выигрышей над потерями. В свою очередь отказ в поддержке связан с неудачами в области обеспечения *безопасности* и *вливания*.

Сопоставление полученных результатов позволяет сделать вывод, что более вероятными субъектами генерирования внутриполитических потерь власти выступают мужчины. Несовпадение оснований для категоризации внешней политики как сопряжённой с выигрышами и заслуживающей поддержки приводит к тому, что субъективно выигрышная политика может не получить поддержки респондентов-мужчин. Однако отмеченная особенность может обернуться преимуществами для политических лидеров с точки зрения возможности избежать внутриполитических потерь, так как субъективно невыгодный курс способен обеспечить поддержку. В свою очередь для получения поддержки респондентов-женщин необходимо обеспечить простое преобладание выигрышей над потерями.

У респондентов с разным *уровнем образования* наблюдаются различия в восприятии внешней политики как сопряжённой с выигрышами или потерями (см. таблицу 5).

Таблица 5

Если говорить в целом, проводимый внешнеполитический курс принёс больше выигрышей или потерь?, % от числа ответивших респондентов с высшим и без высшего образования

Образование	Сит. 1 Б+; Э+; И-; В-	Сит. 2 Б+; Э-; И+; В-	Сит. 3 Б+; Э-; И+; В+	Сит. 4 Б-; Э-; И+; В-	Сит. 5 Б-; Э+; И+; В-	Сит. 6 Б-; Э+; И+; В+	Сит. 7 Б+; Э-; И-; В-
ВО	39,1/23,9	30,4/28,6	34/20	9,3/67,5	41,4/27,6	42,6/16	16,9/45,8
БВО	43/21,5	26,8/33,1	40,7/25,3	8,8/59,4	22,6/32,2	43,3/23,9	15,2/43,1

Условные обозначения: Б – обеспечение безопасности; Э – обеспечение экономического благополучия; И – поддержание национальной идентичности; В – влияние в международных отношениях; + – выигрыши; - – потери; ВО – респонденты в высшем образовании; БВО – респонденты без высшего образования.

Приведённые данные позволяют заметить, что респонденты с высшим образованием как выигрышные воспринимают ситуации 6 (42,64%) и 5 (41,4%). В свою очередь в перечень субъективно выгодных ситуаций респондентов без высшего образования входят ситуации 3 (40,7%), 6 (43,3%) и 1 (43%). При этом обе группы опрошенных одинаково категоризируют результаты внешней политики, описанные в ситуациях 4 и 7, как сопряжённые с потерями.

Сравнение содержания перечисленных выше ситуаций позволяет сделать вывод, что восприятие внешней политики как выигрышной у респондентов с высшим образованием связано с успехами в реализации интересов экономического благополучия и влияния. Для респондентов без высшего образования имеет значение доминирование выигрышей над потерями.

В свою очередь готовность поддержать внешнюю политику, описанную в экспериментальных ситуациях, слабо связана с восприятием внешней политики как сопряжённой с выгодами или потерями. Сказанное справедливо прежде всего в отношении респондентов без высшего образования (см. таблицу 6).

Таблица 6

Поддержали или не поддержали бы Вы курс, проводимый политическим лидером?, % от числа ответивших респондентов с высшим и без высшего образования

Образование	Сит. 1 Б+; Э+; И-; В-	Сит. 2 Б+; Э-; И+; В-	Сит. 3 Б+; Э-; И+; В+	Сит. 4 Б-; Э-; И+; В-	Сит. 5 Б-; Э+; И+; В-	Сит. 6 Б-; Э+; И+; В+	Сит. 7 Б+; Э-; И-; В-
ВО	55,9/44,1	70,8/29,2	83,3/16,7	33,3/66,7	55,1/44,9	64/36	43,1/56,9
БВО	69,7/30,3	48,7/51,3	71,3/28,7	45,3/54,7	36,7/63,3	65,5/34,5	52,6/47,4

Условные обозначения: Б – обеспечение безопасности; Э – обеспечение экономического благополучия; И – поддержание национальной идентичности; В – влияние в международных отношениях; + – выигрыши; - – потери; ВО – респонденты в высшем образовании; БВО – респонденты без высшего образования.

Респонденты с высшим образованием готовы поддержать большинство ситуаций: 1 (55,9), 2 (70,8%), 3 (83,3%), 5 (55,1%), 6 (54%). В свою очередь самый низкий уровень поддержки приходится на ситуации 4 (33,3%) и 7 (43,1%). Респонденты без высшего образования готовы поддержать прежде всего внешнюю политику, описанную в ситуациях 1 (69,7%), 3 (71,3%), 6 (65,5%) и 7 (52,6%). В свою очередь самый низкий уровень поддержки приходится на ситуации 2 (48,7%), 4 (45,3%) и 5 (36,7%). В ответах заметно противоречие: ситуация 7, воспринятая как сопряжённая с потерями, тем не менее, получила высокий уровень поддержки респондентов без высшего образования.

Сравнение содержания отмеченных ситуаций позволяет сделать вывод, что обе группы респондентов способны отказать лидеру в поддержке по ограниченному набору ситуаций, которые характеризуются потерями в области обеспечения *безопасности* и *влияния* на международной арене. В качестве обоснования сделанного вывода служит факт, что самый высокий уровень поддержки обеих групп приходится на *ситуацию 3*, которая характеризуется выигрышами в указанных областях. В свою очередь самый низкий уровень поддержки связан с *ситуациями 4* и *5*, отмеченными потерями в обеспечении безопасности и влияния.

Выводы

Полученные результаты позволили сделать вывод, что граждане готовы реагировать на неудачную внешнюю политику, проводимую лидером, посредством генерирования для него внутривнутриполитических потерь. Они могут выражаться в отказе поддержать лидера в ходе выборов. Таким образом, несмотря на распространённое мнение, что, отдавая предпочтение тому или иному кандидату на политический пост, избиратели склонны уделять внимание преимущественно внутривнутриполитическим вопросам, полученные результаты позволяют рассматривать внешнюю политику как область деятельности лидера, которая может создать как фундамент для общественной поддержки, так и основание для её утраты.

Вместе с тем респонденты отличаются по потенциальной готовности генерировать внутривнутриполитические потери в ответ на субъективно воспринимаемые неудачи в проведении внешней политики. В качестве субъектов, способных отказать политическому лидеру в поддержке, прежде всего выступают мужчины и представители молодого поколения (18–30 лет). Фактор образования существенно не влияет на готовность поддержать проводимый лидером внешнеполитический курс.

Полученные результаты позволяют также сделать вывод, что неудачи в реализации всех основных категорий национальных интересов могут стать причиной внутривнутриполитических потерь лидера, если его внешнеполитический курс не получит поддержки граждан. Вместе с тем группы населения, определяемые на основе критериев пола, возраста и образования, придают одинаково *низкую значимость* интересу поддержания *национальной идентичности* для генерирования внутривнутриполитических потерь лидера.

В свою очередь интересы экономического благополучия и влияния определяют поддержку респондентов с разными уровнями образования, а также представителей молодого поколения. Для старшего и среднего поколений, а также мужчин

Несмотря на распространённое мнение, что избиратели склонны уделять внимание преимущественно внутривнутриполитическим вопросам, полученные результаты позволяют рассматривать внешнюю политику как область деятельности лидера, которая может создать как фундамент для общественной поддержки, так и основание для её утраты.

Интересы экономического благополучия и влияния определяют поддержку респондентов с разными уровнями образования, а также представителей молодого поколения. Для старшего и среднего поколений, а также мужчин в первую очередь важно обеспечение безопасности.

в первую очередь важно обеспечение безопасности. Таким образом, если респонденты ассоциируют проблемы безопасности, экономического благополучия или утраты влияния на международной арене с проводимой лидером внешней политикой, они могут отказать ему в поддержке прежде всего в ходе выборов.

Библиографический список

Гавра Д. П. 1998. Общественное мнение и власть: режимы и механизмы взаимодействия // Журнал социологии и социальной антропологии. № 4. С. 53–77.

Индекс страхов // База данных ВЦИОМ. URL: http://wciom.ru/news/ratings/indeks_straxov/ [Дата посещения: 3.08.2016].

Интерес к внешней политике: мониторинг. Как оцениваются результаты российской внешней политики? 2016. 17 марта // ФОМ. URL: <http://fom.ru/Politika/12561> [Дата посещения: 3.08.2016].

Кисилев И. Ю., Смирнова А. Г., Храброва К. Г. 2015. Последствия внешнеполитического курса как фактор внутриполитических потерь лидера // Власть. № 10. С. 42–49.

Мирясова О. А. 2014. Потенциал, репертуар и факторы массовой политической активности в России // Политическая наука. № 4. С. 162–185.

Страхи и тревоги. Что больше всего тревожит россиян в повседневной жизни, в жизни страны и мира? 2016. 16 апреля // ФОМ. URL: <http://fom.ru/Nastroeniya/12596> [Дата посещения: 5.08.2016].

Шестопад Е. Б. 2005. Политическая социализация и ресоциализация в современной России // Политика. № 4. С. 48–69.

Шестопад Е. Б. 2015. Путин 3.0: общество и власть в новейшей истории России: монография. М.: АРГАМАК-МЕДИА. 420 с.

Debs A., Goemans H. E. 2010. Regime Type, the Fate of Leaders, and War // American Political Science Review. Vol. 104. № 3. P. 430–445.

Fearon J. D. 1994. Domestic Political Audiences and the Escalation of International Disputes // American Political Science Review. Vol. 88. № 3. P. 577–592.

Gartzke E., Lupu Y. 2012. Still Looking for Audience Costs // Security Studies. Vol. 21. № 3. P. 391–397.

Gilens M. 2002. An Anatomy of Survey-Based Experiments // Navigating Public Opinion. Polls, Policy and the Future of American Democracy / Ed by J. Manza, F. L. Cook, B. I. Page. Oxford: Oxford University Press. P. 232–250.

Goemans H. 2000. *War and Punishment: the Causes of War Termination and the First World War*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 355 p.

Levy J. S. 1998. *The Causes of War and the Conditions of Peace* // *Annual Review of Political Science*. № 1. P. 139–165.

Potter P. B., Baum M. A. 2014. *Looking for Audience Costs in all the Wrong Places: Electoral Institutions, Media Access, and Democratic Constraint* // *The Journal of Politics*. Vol. 76. № 1. P. 167–181.

Risse-Kappen T. 1991. *Public Opinion, Domestic Structure, and Foreign Policy in Liberal Democracies* // *World Politics*. Vol. 43. №. 4. P. 479–512.

Tomz M. 2007. *Domestic Audience Cost in International Relations: An Experimental Approach* // *International Organization*. № 61. P. 821–840.

DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.432

The Population's Perception of Foreign Policy Results – the Peculiarities

Kiseliov Igor' Yur'evitch

Doctor of sociological sciences, Professor of the chair of Sociology, Dean of the Faculty of Social and Political Sciences P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia.

E-mail: igkisselev@mail.ru

Smirnova Anna Gennadievna

Candidate of political sciences, associate-professor of the chair of sociology P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia. E-mail: agsmirnova2001@mail.ru

Abstract. Presented in this article¹ are results from an empirical study, which was directed at examining the consequences which leaders might face if the foreign policy they pursue is not supported by citizens. Scientific literature examines the phenomenon of “domestic losses” mainly within the context of countries interacting under conditions of escalating tension and exchanging threats. Substantiated is the need to examine said phenomenon in other fields of foreign and domestic policy, which do not necessarily have to do with conflict interaction. The authors rely on the following assumption: generating domestic losses implies, first of all, accepting the consequences of a foreign policy which lead to failure in fulfilling important national interests: providing national security and economic prosperity, supporting identity, as well as having influence on the international arena. Second of all, said process is associated with there being a certain inclination to perform actions, the result of which can be a leader losing power due to insufficient votes at an election, an involuntary resignation or protests. When citizens generate domestic losses, this takes place under the influence of three groups of factors. The first one reflects the influence of the institutional context: the oppositional parties' attitudes towards policies pursued, election cycle, the level of support for the president's activities, the country's economic status. The second group of factors has to do with features of perceiving successes and failures when implementing basic sorts of national interests. The third one is represented by the characteristics of those citizens who evaluate the results of implementing the foreign political course. Notably, the peculiarities when it comes to perceiving the consequences of these results are linked to the socio-demographic characteristics of those surveyed (gender, age, education). The way in which the indicated factors influenced generating domestic losses was examined during and empirical study, which was based upon an experiment method integrated into the questionnaire. It was determined that citizens are prepared to react to an unsuccessful

¹ This study was conducted with the financial support of the RHSF. “Lack of support for a foreign political course as a factor which leads to the formation of domestic losses for the national leader: an experimental study”, project № 15-03-00455.

cessful foreign policy pursued by their nation's leader, by means of generating domestic losses. This is associated with a refusal to support their leader during an election. The subjects who generate domestic losses are composed mainly of men and those who represent the younger generation (18–30 years of age). Domestic losses can be caused by failure to implement every basic category of national interests. However, those groups of the population which are identified based on criteria such as gender, age and education take equally low interest in supporting national identity for the sake of generating domestic losses for the leader. Meanwhile those surveyed are prepared to deny their leader support if they associate issues of security, economic prosperity or a loss of influence on the international arena with the foreign policy pursued by their leader.

Keywords: foreign policy, public opinion, domestic costs, gender, age, education.

References

Debs A., Goemans H. E. Regime Type, the Fate of Leaders, and War. *American Political Science Review*, 2010, Vol. 104, no 3, pp. 430–445.

Fearon J. D. Domestic Political Audiences and the Escalation of International Disputes. *American Political Science Review*. 1994, Vol. 88, no 3, pp. 577–592.

Gartzke E., Lupu Y. Still Looking for Audience Costs. *Security Studies*. 2012, Vol. 21, no 3, pp. 391–397.

Gavra D. P. Obschestvennoe mnenie i vlast': rezhimy i mekhanizmy vzaimodeystvija [Public Opinion and Power: Regimes and Mechanisms of Interaction]. *Zhurnal sociologii i social'noy antropologii*, 1998, no 4, pp. 53–77.

Gilens M. An Anatomy of Survey-Based Experiments. Navigating Public Opinion. Polls, Policy and the Future of American Democracy. Ed by J. Manza, F. L. Cook, B. I. Page. Oxford, Oxford University Press, 2002, pp. 232–250.

Goemans H. War and Punishment: the Causes of War Termination and the First World War. Princeton (New Jersey), Princeton University Press, 2000. 355 p.

Index strahov. Baza dannykh VCIOM [Fear Index. VCIOM Database]. VCIOM Official website. URL: http://wciom.ru/news/ratings/indeks_strahov/ [date of visit: 3.08.2016].

Interes k vneshney politike: monitoring. Kak ocenivajutsia rezul'taty rossiyskoy vneshney politiki? [Interest to Foreign Policy: Monitoring. How are the Results of Russia's Foreign policy evaluated?]. FOM / POF Official website. URL: <http://fom.ru/Politika/12561> [date of visit: 3.08.2016].

Kiselev I. Y., Smirnova A. G., Hrabrova K. G. Posledstvija vneshnepoliticheskogo kursa kak faktor vnutripoliticheskikh poter' lidera [The Consequences of Foreign Policy as a Factor of the Loss of Domestic Political Leader]. *Vlast*, 2015, no 10, pp. 42–49.

Levy J. S. The Causes of War and the Conditions of Peace. *Annual Review of Political Science*, 1998, no 1, pp. 139–165.

Miriasova O. A. Potencial, repertuar i faktory massovoy politicheskoy aktivnosti v Rossii [Potential, Repertoire and Factors of Mass Political Activity in Russia]. *Politicheskaja nauka*, 2014, no 4, pp. 162–185.

Potter P. B., Baum M. A. Looking for Audience Costs in all the Wrong Places: Electoral Institutions, Media Access, and Democratic Constraint. *The Journal of Politics*, 2014, Vol. 76, no 1, pp. 167–181.

Risse-Kappen T. Public Opinion, Domestic Structure, and Foreign Policy in Liberal Democracies. *World Politics*, 1991, Vol. 43, no. 4, pp. 479–512.

Shestopal E. B. Politicheskaja socializacija i resocializacija v sovremennoy Rossii [Political Socialization and Re-socialization in Modern Russia]. *Politija*, 2005, no 4, pp. 48–69.

Shestopal E. B. Putin 3.0: obschestvo i vlast' v noveyshey istorii Rossii [Putin 3.0: Society and Power in the Modern History of Russia: Monograph]. Moscow, ARGAMAK-MEDIA, 2015. 420 p.

Strahi i trevogi. Chto bol'she vsego trevozhit rossijan v povsednevnoy zhizni, v zhizni strany i mira? [Fears and Anxieties. What is Most Disturbing Russians in Everyday Life, in the country and the World Life?]. FOM / POF Official website. URL: <http://fom.ru/Nastroeniya/12596> [date of visit: 5.08.2016].

Tomz M. Domestic Audience Cost in International Relations: An Experimental Approach. *International Organization*, 2007, no 61, pp. 821–840.

М и р о в о с п р и я т и е с о в р е м е н н ы х   р о с с и я н

Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеда)

Латова Наталия Валерьевна –
кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт социологии Российской академии наук,
Москва

E-mail: myshona@rambler.ru

Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеда)

DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.433

Аннотация. При этнометрическом анализе культурных особенностей россиян анализируются количественные оценки приверженности респондентов тем или иным ценностям. Для определения культурной специфики россиян использована этнометрическая методика Г. Хофстеда (VSM94). Согласно результатам всероссийского исследования, проведённого в марте–апреле 2010 г., для России типичны западные показатели «индивидуализма» и «дистанции власти», которые определяют поляризацию стран мира на Восток и Запад. При этом у России наблюдается очень высокое «избегание неопределённости», не характерное даже для большинства восточных стран, и пониженный показатель «маскулинности», который также выводит нашу страну на особые позиции по отношению не только к странам Запада, но и к большинству стран Востока. Такие масштабные рассогласования показателей, характеризующих базовые основы национальной культуры, не только в очередной раз говорят о специфике России, но и требуют более глубокого анализа того, что стоит за этой рассогласованностью. В ходе этого анализа автор рассматривает отдельные компоненты показателей, используемых в методике Г. Хофстеда (каждый из этих показателей основан на тестировании четырёх базовых ценностей). Сделаны выводы, что нормы, лежащие в основе хофстедовых характеристик «дистанция власти» и «индивидуализм», разделяются большинством россиян, что свидетельствует об устойчивости «европейских корней» российской культуры. Схожесть этих показателей для стран Запада и России является аргументом в пользу утверждения, что западные формальные институты (правовые нормы, организационные структуры) будут позитивно восприняты общественным сознанием россиян. В то же время характеристики «маскулинность» и «избегание неопределённости» являются гетерогенными, что говорит о наличии определённых ценностных противоречий в общественном сознании. Сформулированы гипотезы о тенденциях изменения хофстедовых характеристик российской культуры: «дистанция власти» останется стабильной, «индивидуализм» и «маскулинность», возможно, будут повышаться, тенденции изменения «избегания неопределённости» не ясны. Гетерогенные характеристики «маскулинности» и «избегания неопределённости» должны, видимо, нивелироваться по мере стабилизации ситуации в России. Однако экономический кризис, начавшийся в 2014 г., вряд ли будет способствовать чёткой артикулированности этих двух показателей в ближайшее время.

Ключевые слова: этнометрия, культурная специфика россиян, ценностная гомогенность, ценностная гетерогенность, модернизация

Успешность процессов модернизации российского общества связана не только с готовностью элиты проводить решительные реформы, но и с готовностью населения поддерживать эти инициативы. Внедрение инновационных институтов вряд ли будет эффективным, если они не станут соответствовать культурным нормам большинства россиян. Очевидно, что ценностный консенсус в рамках отдельно взятой страны способствует стабильности в обществе, создавая благоприятную почву для солидарности и бесконфликтного решения возникающих в нём проблем. Отсутствие же общих ценностей – причина бесконечных и безрезультатных дискуссий о том, каковы же «истинные» национальные интересы, кто виноват в их забвении и что надо делать.

Не следует забывать, что советский период развития России хотя и завершился 25 лет назад, но ещё не стал далёкой историей. Жизненные реалии за последнюю четверть века сильно изменились, тем не менее, наиболее инертные ко всякого рода изменениям «старые» культурные ценности не исчезли, а всё ещё переживают структурную трансформацию. Такого рода длительные ценностные трансформации могут внести как позитивный вклад в модернизацию общества (при обновлении ценностной базы с высокой степенью гомогенности¹ самих этих ценностей), так и способствовать процессам стагнации (когда происходит размывание старых ценностей при высокой изначальной степени ценностной гетерогенности). Данная проблема ставит для исследователей на повестку дня два взаимосвязанных вопроса: какова же постсоветская культурная специфика населения современной России и насколько равномерно эта культурная специфика проявляется у россиян (или другими словами, насколько однородна (гомогенна) эта специфика)?

Среди количественных методов, предложенных в последние десятилетия для изучения культурных особенностей, большую популярность приобрели этнометрические методики². Они дают широкие возможности не только для кросс-культурных и межстрановых сопоставлений (etic-подход), но и для исследований на уровне отдельно взятой страны (emic-подход). В нашем исследовании при изучении культурных ценностей россиян etic-подход становится базовым для выявления рос-

¹ Под ценностной гомогенностью мы понимаем ценностную однородность общественного сознания, т. е., например, в том случае, если ценности индивидуализма поддерживаются подавляющим большинством общества, то речь идёт о ценностной гомогенности, однако если половина общества придерживается индивидуалистических ценностей, а вторая половина склонна к коллективистским, то в таком случае для общества характерна ценностная гетерогенность.

² Под этнометрическими исследованиями (этнометрией) понимается направление этносоциальных исследований, анализирующее кросс-культурную специфику различных социальных (прежде всего, национальных и этнических) групп с использованием формализованных методов измерения.

сийской культурной спецификации, а emic-подход – для анализа однородности выявленных культурных характеристик среди населения.

В ряду современных кросс-культурных исследований, носящих этнометрический характер, наибольшим влиянием пользуются такие методики, как исследовательская программа по глобальному анализу лидерства и поведения в организациях GLOBE (Global leadership and organizational behavior effectiveness) под руководством Роберта Хоуза [House et al. 1999; Javidan, House 2001; House et al. 2002], проект «Исследование мировых ценностей» WVS (World Values Survey) под руководством Рональда Инглхарта [Inglehart, Baker 2000; Инглхарт 2002], исследования SVS (Schwartz Value Survey), инициированные Шаломом Шварцем [Schwartz 1992; Schwartz 1994; Schwartz, Ros 1995; Schwartz, Bardi 1997; Schwartz 1999], и «Модуль исследования ценностей» VSM (Values Survey Modules) Гирта Хофстеда [Hofstede 1980; Hofstede 2001; Hofstede et al. 2010].

Этнометрические методики при определении культурных характеристик той или иной страны оперируют средними показателями по генеральной совокупности. На первых порах такого рода подход привёл к тому, что проблема *ценностного консенсуса* в изучаемой совокупности отошла на второй план. Только с начала 2000-х гг. учёные-этнометристы заново стали переосмысливать проблему ценностной дифференциации в рамках той или иной отдельно взятой культуры [Na, Duckitt 2003; Steel, Taras 2010; Fischer, Schwartz 2011], придя к мнению, что «уровень ценностного консенсуса может быть настолько же значимой характеристикой культуры, как и уровень важности той или иной ценности» [Schwartz, Sagie 2000: 466].

Исследования по определению характеристик культурной спецификации россиян с помощью этнометрических методик ведутся российскими учёными уже более 20 лет. За этот период на российском пространстве были апробированы все перечисленные методики. В частности, российские результаты проекта GLOBE были представлены в работах М. Грачева [Грачев 1999; Grachev 2009]; данные по России, полученные в проекте WVS [Инглхарт 2002; Инглхарт, Вельцель 2011], с 2011 г. активно популяризируются и дополняются в Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ «Высшая школа экономики»¹; методика Ш. Шварца регулярно используется в исследованиях под руководством Н. Лебедевой [Лебедева, Татарко 2007; Lebedeva, Tatarko 2012; Цой и др. 2016] и В. Магуна [Магун, Руднев 2010; Магун и др. 2015; Magun et al. 2016]; на основе VSM94 проводятся исследо-

¹ Лаборатория сравнительных социальных исследований НИУ Высшая школа экономики [URL: <http://lcsr.hse.ru/>].

вания в Институте социологии РАН [Латова, Латов 2001; Данилова, Тарарухина 2003; Латова, Тихонова 2010; Danilova, Yadov 2010].

В то же время проблема дифференциации российских культурных характеристик, выявленных при помощи этнометрических методик, пока ещё не подверглась столь же пристальному научному анализу, как проблема места России на международном культурном пространстве (на «ментальных картах мира»). В. Магун справедливо заметил, что в дебатах по данной проблеме чаще всего «отсутствует фактическая информация и приводятся лишь косвенные аргументы» [Руднев, Магун 2011: 81].

Рассмотрим проблему ментального консенсуса россиян, используя для этого методику концепции Г. Хофстеда и предложенные им культурные показатели.

Концепция Хофстеда и культурные показатели

Как указывает Г. Хофстед, каждому человеку присущи определённые образцы (паттерны) мышления, эмоциональных переживаний и реальных действий. Они формируются в основном в раннем детстве, когда люди наиболее восприимчивы к обучению. Социальное программирование начинается в семье и продолжается затем в общении с друзьями, в школе и вузе, на работе и т. д. Сознательно используя аналогию с программированием компьютера, Г. Хофстед пишет, что «такого рода паттерны мышления, чувств и действий называются ментальными программами, или... программным обеспечением мышления (software of the mind)» [Hofstede et al. 2010: 5].

Конечно, поведение людей определяется этими «ментальными программами» далеко не в полной мере, поскольку у нормального человека есть способность отклоняться от привычного образца и совершать неожиданные (инновационные) действия. «Программное обеспечение мышления», о котором пишет Г. Хофстед, только указывает на то, какие реакции наиболее вероятны, заданы, так сказать, «зависимостью от предшествующего развития» (Path Dependence).

Изучая «ментальные программы», Г. Хофстед на основе собранных баз анкетных данных осуществил расчёт четырёх основных этнометрических показателей – «индивидуализм», «дистанция власти», «маскулинность» и «избегание неопределённости».

«Индивидуализм» (IDV – Individualism) – это показатель того, предпочитают ли люди заботиться только о себе и собственных семьях, либо имеют склонность объединяться в некие группы, которые несут ответственность за человека в обмен на его лояльность группе.

Изучая «ментальные программы», Г. Хофстед на основе собранных данных осуществил расчёт четырёх основных этнометрических показателей – «индивидуализм», «дистанция власти», «маскулинность» и «избегание неопределённости».

«Индивидуализм» – это показатель того, предпочитают ли люди заботиться только о себе и собственных семьях, либо имеют склонность объединяться в некие группы, которые несут ответственность за человека в обмен на его лояльность группе.

Индивидуалистической может быть названа культура, где индивидуальные цели её членов не менее важны, чем групповые, а связи между отдельными людьми не обременены сильными обязательствами действовать совместно. Ячейкой индивидуалистических культур выступает нуклеарная семья, где детей приучают быть самостоятельными и полагаться главным образом на себя и свои силы. Коллективистская культура, наоборот, характеризуется тем, что в ней групповые цели превалируют над индивидуальными. Здесь люди проявляют изначальную заинтересованность в крепко связанных и сплочённых группах. Лояльность к группе – одна из наиболее важных ценностей; прямое противостояние ей не приветствуется, так как нарушает общую гармонию.

«Дистанция власти» (PDI – Power Distance) – показатель того, насколько люди готовы принимать неравномерность распределения власти в различных организациях, то есть их лояльность к так называемой «властной вертикали», где основной объём власти концентрируется на верхних уровнях.

В культурах с высокой «дистанцией власти» сама эта власть воспринимается членами социума как наиболее важная часть их жизни. Порождаемое ею неравенство рассматривается как естественное. Подчинённые и руководители находятся на двух разных социальных полюсах и имеют поэтому разное право голоса при принятии решений. То же самое касается и общественной структуры в целом: каждый занимает отведённое ему место и выполняет предписанные ему функции. Таким образом, акцент делается на иерархичность структуры общества. Соответственно этому в обществе принято демонстрировать уважение и проявлять послушание в отношениях с теми, кто стоит выше по иерархической лестнице. Критика, конфронтация и неподчинение не поощряются. Подобные общества, как правило, характеризуются быстрой и чёткой организацией деятельности, а также высокой слаженностью отдельных элементов системы. В культурах с низкой «дистанцией власти» члены общества предпочитают консультативный стиль взаимоотношений: руководитель и подчинённый независимы друг от друга и вместе принимают ответственные решения. Неравенство в отношениях «начальник – подчинённый» не одобряется. В организациях принято считать, что, несмотря на должность и статус работника, он имеет такое же право голоса, как и все остальные. Равенство и независимость – одни из главных доминант в общественном сознании. Здесь каждый может свободно высказывать своё мнение вне зависимости от того, является ли оно критическим или нет и совпадает ли с мнением тех, кто находится на вершине властной иерархии. Результатом таких довольно близких взаимоотношений между всеми членами общества вне зависимости от их статуса становится меньшая формализованность взаимосвязей. Сильная сторона такого рода культур заключается в больших возможностях раскрытия потенциала каждого члена общества.

«Дистанция власти» – показатель того, насколько люди готовы принимать неравномерность распределения власти в различных организациях, то есть их лояльность к так называемой «властной вертикали», где основной объём власти концентрируется на верхних уровнях.

«Избегание неопределённости» (UAI – Uncertainty Avoidance) – показатель того, насколько люди проявляют нетерпимость к неясным ситуациям и рискам, пытаются уклониться от них посредством выработки чётких правил, веря в их абсолютную оправданность и отказываясь терпеть девиантное поведение.

Культуры с повышенной степенью «избегания неопределённости» – это, как правило, культуры высокоэмоциональные¹. В таких культурах люди могут жестиковать при разговоре, повышать голос и вообще открыто демонстрировать свои чувства и эмоции. Для регуляции такого культурного невротизма (высокий уровень «избегания неопределённости») люди минимизируют беспокойство посредством ориентации на чёткие правила и формализованные указания, они также стремятся обеспечить строгое следование принятым культурным и законодательным нормам. Для них характерна низкая толерантность к отдельным личностям или группам с отличающимися идеями или поведением. В целом культуры такого типа больше сопротивляются любым изменениям и мало склонны к риску в какой бы то ни было форме. Стремление свести к минимуму все двусмысленные и неопределённые ситуации приводит к тому, что в детях поощряется поведение, строго соответствующее определённым нормам и/или законам. В более спокойных культурах, наоборот, открытое выражение агрессии и эмоций не приветствуется. Все эти чувства интернализированы. В культурах с низким уровнем «избегания неопределённости» принято толерантное отношение к ситуациям неопределённости. В этой группе стран люди привыкли приспосабливаться к неожиданностям, которые преподносит жизнь, и им не так важна чёткая регламентация разных сфер жизнедеятельности. Люди в сложных ситуациях импровизируют и проявляют инициативу, они характеризуются большей склонностью к риску. В целом люди такой культурной ориентации считают, что способны решать проблемы и без детальных формальных правил, поэтому строго формализованные правила устанавливаются только в случае высокой необходимости.

«Маскулинность» (MAS – Masculinity) – показатель склонности людей к напористости и жесткости, сосредоточенности на материальном успехе, отсутствию интереса и заботы к другим людям и условиям их жизни, к межличностным отношениям как таковым. Речь идёт о том, являются ли наиболее важными так называемые «мужские» («настойчивость»,

¹ Высокоэмоциональное поведение может быть также вызванным ситуативным изменением внешней среды, связанным, например, с общей трансформацией социума. Поэтому данный показатель, в отличие от остальных, при высоких его значениях нуждается в дополнительной проверке на длительном временном отрезке.

«Избегание неопределённости» – показатель того, насколько люди проявляют нетерпимость к неясным ситуациям и рискам, пытаются уклониться от них посредством выработки чётких правил, веря в их абсолютную оправданность и отказываясь терпеть девиантное поведение.

«Маскулинность» – показатель склонности людей к напористости и жесткости, сосредоточенности на материальном успехе, отсутствию интереса и заботы к другим людям, к межличностным отношениям как таковым.

«уверенность в себе», «успех и конкуренция») или «женские» ценности («жизненные удобства», «поддержание тёплых личных отношений», «забота о слабых», «солидарность», «скромность»). В обществах с повышенным показателем «маскулинности» социальные роли мужчин и женщин существенно различаются. В них считается общепринятой ориентация мужчин на материальный успех и жёсткость в поведении – в противоположность женским ценностям, среди которых главное место занимают скромность и чуткость. В культурах такого типа приветствуются конкурентная борьба, соревновательность и стремление победить. Соответственно этим ценностям в детях воспитываются честолюбие и умение преподнести свои способности в лучшем свете. В трудовой сфере в таких культурах приоритет отдаётся результату, приветствуется награждение по принципу реального вклада в работу. В феминных культурах ролевым различиям между мужской и женской частью населения не придаётся большого значения. Более того, и те, и другие демонстрируют большое сходство в занимаемых позициях и взглядах. Особое внимание со стороны всех членов общества уделяется скорее духовным, чем материальным ценностям – поддержанию хороших взаимоотношений между людьми, заботе о ближних, вниманию к человеку. Предпочтительным путём разрешения конфликтов считается поиск компромисса, а награждение за труд происходит по принципу относительной эгалитарности.

Тип «ментальных программ» россиян

Какой тип «ментальных программ» более характерен для россиян? Для ответа на этот вопрос используем результаты всероссийского исследования, проведённого в марте–апреле 2010 г. Центром комплексных социальных исследований Института социологии РАН (руководители проекта М. К. Горшков и Н. Е. Тихонова)¹. Регионами опроса являлись 12 территориально-экономических районов России. Выборка исследования репрезентировала население страны по региону проживания, полу, возрасту и типу поселения. Опрос охватил 1734 респондента в возрасте от 18 лет и старше.

Значения хофстедовых показателей для России, впервые полученные на общенациональной репрезентативной выборке, отражены в [таблице 1](#).

¹ Отметим, что выбор 2010 г. обусловлен определённой стабильностью и оптимизмом, характерными для этого года (см. [Латова 2016: 51]). С одной стороны, кризис 2008 г. уже сменился экономическим ростом, а с другой – ещё не начались протестные политические выступления 2011–2013 гг. Таким образом, можно говорить, что в 2010 г. мы наблюдали культурную специфику россиян, не замутнённую политическими и экономическими катаклизмами.

Таблица 1

Показатели культурной специфика россиян,¹ %

Дистанция власти (PDI)	Индивидуализм (IDV)	Маскулинность (MAS)	Избегание неопределённости (UAI)
28	61	36	91

Получить целостное представление о ментальности россиян, а также о близости/отдалённости России от других стран мира по культурным характеристикам Г. Хофстеда можно благодаря ментальной карте, построенной на основе многомерного шкалирования² (см. рис. 1). Из 70 зарубежных стран, представленных в исследовании нидерландского учёного, для многомерного шкалирования взята 61 страна. Некоторые страны были нами исключены по соображениям недостаточной надёжности полученных по ним данным. Например, данные по Китаю исключены, поскольку являются в основном результатом наблюдений и работы с литературными источниками [Hofstede 2001].

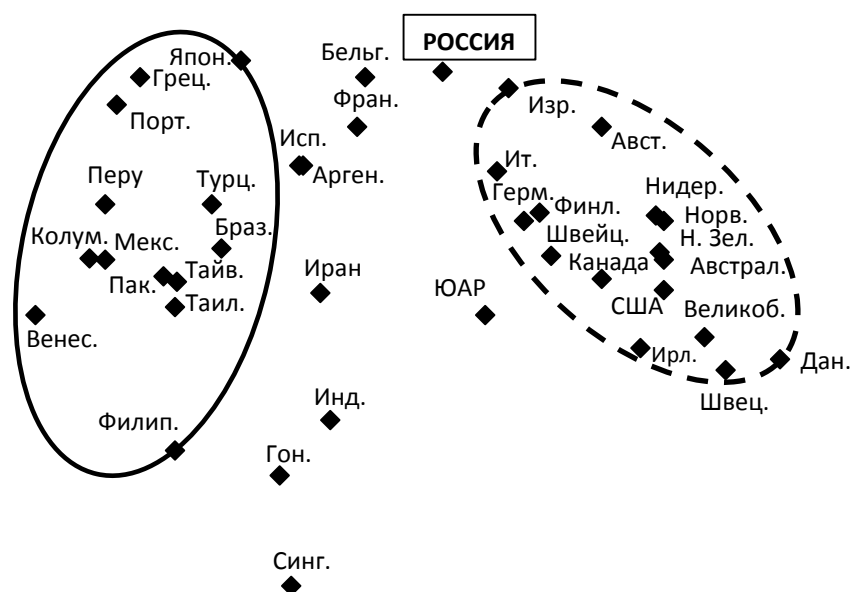

Рис. 1. Результаты многомерного шкалирования (ALSCAL) 61-й зарубежной страны и России (на рисунке для облегчения зрительного восприятия показаны только 38 зарубежных стран): сплошной линией обведён «ареал Востока», пунктирной линией – «ареал Запада».

Параметры моделирования: Stress-value = 0,178; RSQ = 0,848

¹ За основу был взят опросник Хофстеда в версии VSM94. Данный инструментальный выбран потому, что, с одной стороны, он уже не раз прошёл проверку на валидность [Sondergaard 1994; Shackleton, Ali 1990], а с другой стороны, в процессе использования этой методики накоплен огромный массив данных, дающий большие возможности для кросс-культурного сравнения. В результате вычислений [Hofstede 2005] каждый показатель получил числовые оценки, которые варьируются в интервале от 0 до 100.

² Ключевая величина при данной процедуре анализа – расстояние между точками: если две точки на изображении сильно удалены друг от друга, то между соответствующими объектами имеется значительное расхождение и, наоборот, близость точек свидетельствует о сходстве объектов.

По этой карте нельзя определить, за счёт какого именно индикатора Россия сближается/отдаляется в отношении той или иной страны¹. Однако именно такая карта интересна для понимания ситуации в целом.

Большинство стран мира, согласно полученной модели, группируются в два блока: в первый попадают страны Запада (здесь нет ни единой страны с неевропейскими культурными корнями), а во второй – страны Востока (страны исламской, конфуцианской, индо-буддийской, православной и иберо-американской цивилизаций). Однако девять стран, помимо России, не попали ни в одну из этих двух групп. Это страны, культура которых характеризуется какими-либо уникальными культурными особенностями. В их числе, например, Гонконг (относящийся территориально к восточному региону) – в настоящее время специальный административный район Китайской Народной Республики, один из ведущих финансовых центров Азии и всего мира. Уникальность Гонконга сформировалась под воздействием внешнего влияния Великобритании, под чьим контролем Гонконг находился в течение последних 150 лет. Уникальна и культура Испании, поскольку эта иберийская страна в силу исторических причин имеет гораздо более близкую к странам Востока культуру, чем, например, Германия, а в последние десятилетия к этому добавился ещё и эффект массовой миграции из стран Северной Африки. К числу таких же уникальных стран относится и Россия. Можно сделать вывод, что Россия либо промежуточна между странами Востока и Запада, либо характеризуется специфичностью культурных характеристик.

Для более ясного понимания месторасположения России в международном культурном пространстве разберёмся, чем различаются группы так называемых «Запада» и «Востока». Основываясь на данных Г. Хофстеда, вычислим средние показатели культурных характеристик для обеих групп стран, а также определим характер распределения признака в каждой из групп, используя показатели коэффициента асимметрии (A_s)² и стандартного отклонения (S.D.)³ (см. таблицу 2).

¹ Более подробно о культурных характеристиках россиян см. [Латова, Тихонова 2010].

² Асимметрия показывает, к какому полюсу (низких или высоких) значений наблюдается тяготение показателя культурной специфики для группы стран. При $A_s = 0$ отмечается нормальное, симметричное распределение; если $A_s < 0$ – это означает, что наблюдается асимметрия в сторону высоких значений показателя культурной специфики (большинство стран имеют показатель больше среднего по своей группе, а средняя получается за счёт очень низких показателей меньшинства стран); при $A_s > 0$ преобладает асимметрия в сторону низких значений. Если $|A_s| > 0,5$, то асимметрия значительна; если $|A_s| < 0,25$ – незначительна, а при $0,25 < |A_s| < 0,5$ – асимметрия считается умеренной.

³ Стандартное отклонение характеризует степень схожести (единства) между странами внутри подборок. Небольшое стандартное отклонение означает высокую степень схожести показателей культурной специфики между разными странами. Чем выше стандартное отклонение, тем больше различие между странами.

Таблица 2

Показатели культурной специфики групп стран Запада и Востока

Группа стран	Дистанция власти (PDI)	Индивидуализм (IDV)	Маскулинность (MAS)	Избегание неопределённости (UAI)
Запад	32	74	50	53
S.D.	11	11	26	17
As	-0,52	-0,17	-0,64	0,06
Восток	69	27	49	76
S.D.	14	13	16	19
As	0,24	0,74	0,63	-0,34

Группа стран «Запада» сформирована 17 странами. Наиболее общие культурные характеристики для этой группы таковы:

- низкая «дистанция власти» (среднее значение PDI=32, а поскольку A_s имеет отрицательное значение и по модулю больше 0,5, то фиксируется заметная левосторонняя асимметрия, т. е. большинство значений распределения сдвинуто в сторону более высоких показателей, которые, тем не менее, даже с учётом стандартного отклонения ниже аналогичного показателя по странам «Востока»);

- высокий «индивидуализм» (среднее значение IDV=74, асимметрия слабая);

- средняя «маскулинность» (среднее значение MAS=50, но большинство значений распределения сдвинуто в сторону более высоких показателей);

- среднее «избегание неопределённости» (среднее значение UAI=53, асимметрия практически отсутствует).

- Существенный разброс (S.D.=26) наблюдается только по показателю «маскулинность».

- В группу стран «Востока» попало 29 стран, характеризующихся:

- высокой «дистанцией власти» (среднее значение PDI=69, большинство значений распределения незначительно сдвинуто в сторону более низких показателей);

- низким «индивидуализмом» (среднее значение IDV=27, большинство значений распределения имеют более низкие показатели);

- средней «маскулинностью» (среднее значение MAS=49, большинство значений распределения сдвинуто в сторону более низких показателей);

- высоким «избеганием неопределённости» (среднее значение UAI=76, большинство значений распределения умеренно сдвинуто в сторону более высоких показателей).

Наименьшая однородность между странами «Востока» наблюдается по показателю «избегание неопределённости» (S.D.=19).

В целом различия между странами «Запада» и «Востока» наблюдаются в первую очередь по показателям «дистанция власти» и «индивидуализм». В определённой степени такое различие прослеживается и по показателю «избегание неопределённости», но оно почти отсутствует по показателю «маскулинность».

Для России в сравнительной перспективе типичны западные показатели «индивидуализма» (IDV=61) и «дистанции власти» (PDI=28), которые определяют поляризацию стран мира на «Восток» и «Запад». При этом у России наблюдается очень высокое «избегание неопределённости» (UAI=91), не характерное даже для большинства восточных стран, и пониженный показатель «маскулинности» (MAS=36), который также выводит нашу страну на особые позиции по отношению не только к странам Запада, но и к большинству стран Востока.

Казалось бы, данные, полученные при помощи etic-подхода, свидетельствуют о том, что российские культурные ценности близки к западным. Продолжая эту линию рассуждений, можно далее сказать, что близость неформальных (культурных) институтов предполагает и возможность эффективной имплантации в российское общество западных формальных (юридических, политических, организационных) «правил игры». Иначе говоря, заимствование западных институтов для России, хотя и не является однозначно верным решением, но может рассматриваться, коль скоро российские культурные ценности близки к западным, как вполне приемлемый вариант модернизации («вестернизации») российского общества. Так ли это?

Уточнить или прояснить ситуацию поможет emic-подход. Если окажется, что в целом население России культурно однородно и обладает внутренне непротиворечивыми культурными особенностями, то это даст лишний повод считать Россию периферией западной цивилизации с вытекающим отсюда выводом о возможности и правомерности заимствования западного опыта. Если же культурная специфика России окажется результатом размытых базовых ценностей, конгломерата разнонаправленных культурных особенностей, то это должно быть воспринято как повод к более осторожным политическим решениям, связанным с западной ориентацией модернизации.

Каждый из показателей Г. Хофстеда основан на тестировании (выяснении важности, значимости) четырёх базовых ценностей по пятибалльной шкале (см. таблицу 3), которые затем с разными весами становятся слагаемыми (элементами)

Различия между странами «Запада» и «Востока» наблюдаются по показателям «дистанция власти» и «индивидуализм». В определённой степени такое различие прослеживается и по показателю «избегание неопределённости», но почти отсутствует по показателю «маскулинность».

Для России в сравнительной перспективе типичны западные показатели «индивидуализма» (IDV=61) и «дистанции власти» (PDI=28), которые определяют поляризацию стран мира на «Восток» и «Запад».

этого показателя. Сами показатели являются биполярными: например, показатель «индивидуализм» образует шкалу с полюсами «индивидуализм» (полюс 1) и «коллективизм» (полюс 2)¹, а «дистанция власти» – шкалу с полюсами высокая «дистанция власти» (полюс 1) и низкая «дистанция власти» (полюс 2).

Таблица 3

**Базовые ценности как компоненты культурных показателей
Г. Хофстеда**

Ориентация	Дистанция власти	Индивидуализм	Маскулинность	Избегание неопределённости
Полюс 1	Связи с руководством (35) Наличие чёткой иерархии (20)	Важность личной жизни (50) Работа как способ самореализации (25)	Признание своей вины в неудачах (70) Карьеризм (20)	Отношение к конкуренции (50) Нерушимость правил (15)
Полюс 2	Практика высказывания вслух несогласия (25) Демократический стиль принятия решений (35)	Защита от увольнений (20) Условия работы, которые обеспечивает организация (30)	Доверие к людям (20) Внимание к человеческим умениям и качествам партнёра (60)	Общее спокойствие (25) Наличие энциклопедических знаний и широкого кругозора (20)

Кроме ориентации на тот или иной полюс шкалы базовые ценности Г. Хофстеда имеют разную силу связи (весовой коэффициент) с тем показателем, который они образуют. В таблице 3 весовые коэффициенты для каждой базовой ценности указаны в скобках. Например, для показателя «индивидуализм» наибольшее значение имеет ответ на вопрос о важности личной жизни и наименьшее – о защите от увольнений (весовые коэффициенты для этих ценностей различаются в 2,5 раза).

Что же необходимо изучить в культурной специфике россиян, чтобы увидеть не только то, что лежит на поверхности, но и уяснить глубинные основы фиксируемых нами культурных показателей? Для этого, на наш взгляд, необходимо изучить *компоненты* каждого культурного показателя Г. Хофстеда, фиксируя внимание на *гомогенности* или *гетерогенности* полученных характеристик. Каждый культурный показатель нидерландского учёного является результатом усреднения отдельных его компонентов. За этим усреднением может скрываться как гомогенность (единство, сплочённость), так и гетерогенность (разобщённость, мозаичность) общественного сознания. Как известно, средний показатель может ввести исследователя в заблуждение: он может быть результатом как однозначной позиции респондентов по изучаемой проблеме/

¹ Полюс 1 связан с высоким проявлением показателя культурной специфики, а полюс 2 – с низким. В случае с показателями «дистанция власти» и «избегание неопределённости» для обозначения этих полюсов используется понятие «высокий» и «низкий». В случае остальных двух показателей низкий «индивидуализм» обозначается как «коллективизм», а низкая «маскулинность» – как «феминность».

вопросу (все ответы сгруппированы вокруг определённой точки на шкале), так и, наоборот, неоднозначности суждений (ответы разбросаны/«размазаны» по всей шкале). В целом современная гомогенность общественного сознания определяет его вероятную стабильность и в будущем, в то время как гетерогенность может означать несформированность или изменчивость (размывание) базовых ценностей.

Чтобы понять, насколько однородны (гомогенны) данные предпочтения у россиян, построим их перцентильную структуру¹, которая поможет наглядно понять разброс значений по ценностям каждого показателя². Ценность будет считаться общепринятой (однородной, гомогенной) в обществе в том случае, если по пятибалльной шкале ответы большей части населения сгруппируются в пределах двух (например, «4» и «5»), максимум трёх шкальных оценок (например, «3», «4» и «5»).

Мы разбили ответы всех респондентов на 7 равных групп, получив данные по 14-ому, 29-ому, 43-ему, 57-ому, 71-ому и 86-ому перцентильям (см. таблицы 4–7). Найдя отклонение между 86-ым и 14-ым перцентильями, мы сможем судить, каков разброс значений по шкале ответов у 70% респондентов.

Объясним полученные данные на примере показателя «индивидуализм» (см. таблицу 4). В предложенной респондентам анкете каждая базовая ценность измерялась по пятибалльной шкале. Согласно полученным данным, по базовой ценности «важность личной жизни» 43% респондентов (43-й перцентиль) отметили на шкале градацию «1»; 71% опрошенных (71-ый перцентиль) выбрали градации «1» и «2»; наконец, 86% (86-ой перцентиль) фиксировали «1», «2» либо «3». Таким образом, отклонение по ценности «важность личной жизни» составило 2 балла (3–1). Исходя из того, что максимально возможное отклонение по пятибалльной шкале может составить 4 балла (5–1), отклонение в 2 балла является в целом незначительным, т. е. «важность личной жизни» россияне оценивают более или менее одинаково. Это даёт нам основания для вывода о гомогенности российского общества по данному параметру. В противовес этому ценность «работа как способ самореализации» характеризуется отклонением в 3 балла (4–1), что при

¹ Наиболее общепринятыми являются квартельные (деление совокупности на 4 равные части), квинтильные (деление совокупности на 5 равных частей) и децильные структуры (деление совокупности на 10 равных частей). Квартельные и квинтильные структуры дают возможность увидеть разброс значений по шкале ответов среди 50 и 60% респондентов, соответственно. Для целей изучения наиболее общих разделяемых подавляющим большинством населения страны культурных характеристик данные проценты представляются недостаточными. В то же время, децильные структуры, дающие возможность увидеть разброс значений по шкале ответов среди 90% респондентов, представляются нам излишне жёсткими и не оставляющими места для культурных вариаций, которые неизбежны вследствие индивидуального опыта каждой отдельной личности.

² Аналогичная методика изучения разброса значений переменной, измеренной на порядковом уровне, описана в [Крыштановский 2007: 30].

пятибалльной шкале уже означает довольно существенное различие в мнениях населения. Разброс мнений свидетельствует о гетерогенности данной ценности. В целом показатель «индивидуализм» складывается из трёх гомогенных ценностей («важность личной жизни», «защита от увольнений» и «условия работы, которые обеспечивает организация») и одной гетерогенной («работа как способ самореализации»).

Таблица 4

Перцентильное распределение значений ценностей показателя «индивидуализм» по пятибалльной шкале, в баллах

Перцентиль	Данные по базовым ценностям показателя «индивидуализм»			
	Важность личной жизни	Работа как способ самореализации*	Защита от увольнений	Условия работы, которые обеспечивает организация
14	1	1	1	1
29	1	2	1	1
43	1	2	1	1
57	2	3	2	2
71	2	3	2	2
86	3	4	3	3
Отклонение**	2	3	2	2
Вывод	Гомогенный			

*Цветом выделены те базовые ценности, по которым в обществе отсутствует единое мнение, т. е. наблюдается гетерогенность.

**Отклонение = 86-ой – 14-ый перцентиль.

Аналогичным образом рассматриваются и все остальные показатели.

Таблица 5

Перцентильное распределение значений ценностей показателя «дистанция власти» по пятибалльной шкале, в баллах

Перцентиль	Данные по базовым ценностям показателя «дистанция власти»			
	Связи с руководством	Наличие чёткой иерархии	Практика высказывания вслух несогласия	Демократический стиль принятия решений
14	1	1	2	1
29	1	1	2	1
43	1	2	3	2
57	2	2	3	2
71	2	3	4	3
86	2	3	4	3
Отклонение	1	2	2	2
Вывод	Гомогенный			

Таблица 6

**Перцентильное распределение значений ценностей показателя
«маскулинность» по пятибалльной шкале, в баллах**

Перцентиль	Данные по базовым ценностям показателя «маскулинность»			
	Признание своей вины в неудачах	Карьеризм	Доверие к людям	Внимание к человеческим умениям и качествам партнёра
14	1	1	2	1
29	2	1	2	1
43	2	1	3	1
57	3	2	3	2
71	3	2	4	2
86	4	3	4	2
Отклонение	3	2	2	1
Вывод	Скорее гетерогенный			

Таблица 7

**Перцентильное распределение значений ценностей показателя
«избегание неопределённости» по пятибалльной шкале, в баллах**

Перцентиль	Данные по базовым ценностям показателя «избегание неопределённости»			
	Отношение к конкуренции	Нерушимость правил	Общее спокойствие	Наличие энциклопедических знаний и широкого кругозора
14	1	1	1	2
29	2	2	2	3
43	2	2	3	3
57	3	2	3	4
71	3	3	3	4
86	4	3	4	5
Отклонение	3	2	3	3
Вывод	Гетерогенный			

Изучая перцентильную структуру ценностей каждого культурного показателя, мы пришли к следующим выводам: среди россиян нет единства мнений по следующим ценностям:

- «работа как способ самореализации» в показателе «индивидуализм» (см. таблицу 4);

- «признание своей вины в неудачах» в показателе «маскулинность» (см. таблицу 6);

- «отношение к конкуренции», «общее спокойствие» и «наличие энциклопедических знаний и широкого кругозора» в показателе «избегание неопределённости» (см. таблицу 7).

Среди россиян нет единства мнений по следующим ценностям:

- «работа как способ самореализации» в показателе «индивидуализм»;

- «признание своей вины в неудачах» в показателе «маскулинность»;

- «отношение к конкуренции», «общее спокойствие» и «наличие энциклопедических знаний и широкого кругозора» в показателе «избегание неопределённости».

Отметим, что только по показателю «дистанция власти» (см. таблицу 5) наблюдается единство мнений по всем ценностям. Следовательно, можно считать данный показатель, полученный в ходе проведённого исследования, наиболее гомогенным и в то же время стабильным.

Насколько отсутствие единства мнений по этим ценностям может влиять на показатели в целом?

Вернёмся к таблице 3, в которой указаны весовые коэффициенты для каждой базовой ценности. Чем выше значение (весовой коэффициент) ценности для показателя в целом, тем сильнее отсутствие единства мнений по этой ценности будет размывать и сам показатель.

Весовой коэффициент ценности «работа как способ самореализации» в показателе «индивидуализм» по модулю равен 25. Сравнивая это значение с весовыми коэффициентами остальных ценностей (50, 30 и 20), можно сделать вывод, что отсутствие единства мнений по ценности «работа как способ самореализации» не должно оказывать очень сильного влияния на показатель в целом и, следовательно, данный показатель может считаться более или менее гомогенным и стабильным. Однако следует учесть, что у ценности «работа как способ самореализации» превалирует умеренная асимметрия в сторону низких значений ($A_s = 0,4$), т. е. у большей части россиян средний показатель по этой ценности ниже среднего по совокупности в целом. Согласно шкале, предложенной Г. Хофстедом, более важные ценности имеют более низкий балл («1» приписывается особо важной ценности, а «5» – совершенно неважной). Другими словами, более низкий балл ценности «работа как способ самореализации» свидетельствует о том, что данная ценность более важна для россиян и, следовательно, у многих россиян наблюдается тенденция к более высокому «индивидуализму», чем тот, который мы получили по России в целом ($IDV = 61$).

Весовой коэффициент ценности «признание своей вины в неудачах» в показателе «маскулинность» по модулю равен 70. Это самый большой весовой коэффициент среди всех остальных ценностей показателя, поэтому размытие мнений респондентов в данном случае может оказывать существенное влияние и на весь показатель. Таким образом, несмотря на то, что перцентильное распределение значений ценностей показателя «индивидуализм» выглядит похожим на распределение по показателю «маскулинность» (гетерогенность только по одной базовой ценности), однако показатель «индивидуализм» следует признать в целом гомогенным, а показатель «маскулинность» – скорее гетерогенным. Причём у ценности «признание своей вины в неудачах» наблюдается умеренная асимметрия в сторону низких значений ($A_s = 0,3$). Таким образом, у большей части респондентов средний показатель по этой ценности

Только по показателю «дистанция власти» наблюдается единство мнений по всем ценностям. Следовательно, можно считать данный показатель наиболее гомогенным и в то же время стабильным.

ниже среднего по совокупности в целом, т. е. россияне скорее склонны признавать свою вину в неудачах, что характерно для менее феминных культур.

Наконец, весовые коэффициенты ценностей «отношение к конкуренции», «общее спокойствие» и «наличие энциклопедических знаний и широкого кругозора» в показателе «избегание неопределённости» равно 50, 25 и 20, соответственно. Это единственный показатель, у которого из 4-х ценностей по трём мнению респондентов сильно размыто по всей длине шкалы ответов. Данный показатель однозначно гетерогенный.

Итак, какие же выводы модно сделать на основании *etic* и *emic* изучения российской культурной специфики? Сведём все полученные нами данные воедино (см. таблицу 8).

Таблица 8

Российская культурная специфика в *etic* и *emic* перспективе

Культурный показатель	Значение российского показателя согласно опросу 2010 г.	Гомогенность/гетерогенность показателя*	Тенденции изменения показателя
Дистанция власти	Низкий	Гомогенность	Стабильный
Индивидуализм	Средний	Гомогенность	Повышение «индивидуализма»
Маскулинность	Низкий	Скорее гетерогенность	Повышение «маскулинности»
Избегание неопределённости	Высокий	Гетерогенность	Полная либо частичная трансформация

*Гомогенность/гетерогенность показателей – это результат работы с таблицами 4–7: выявление отклонений по перцентильным распределениям значений ценностей каждого культурного показателя.

Наблюдаемые тенденции можно разделить на две разные группы:

1. «Дистанция власти» и «индивидуализм».

Оба показателя, как мы уже отмечали ранее, выглядят прозападными (их значения характерны скорее для стран с западным типом культуры – по крайней мере, ближе к ним, чем к показателям стран с восточным типом культуры). Гомогенность обоих показателей свидетельствует о том, что в целом эти показатели российской культурной специфики стабильны. Социально-экономический кризис, возможно, наложит свой отпечаток на эти показатели, но даже в худшем варианте это вряд ли приведёт к кардинальным изменениям в этих показателях.

2. «Маскулинность» и «избегание неопределённости».

Оба показателя характеризуются гетерогенностью, а, следовательно, подвержены в ближайшее время высоко вероятным изменениям. Причём и тот, и другой показатель в условиях кризиса, начавшегося в 2014 г., скорее всего, будут

трансформироваться в направлении, подчёркивающим особенность культуры России: ярко выраженная «феминность» и крайне высокое «избегание неопределённости».

Даже при распространённой у россиян склонности нести ответственность за неудачи в жизни («признание своей вины в неудачах»), экономический кризис как внешнее (неподвластное для обычного человека) явление с высокой степенью вероятности приведёт к более артикулированной позиции по данному вопросу: неудачи в жизни не являются результатом ошибок отдельного человека, во всём виноваты «власти», «враги России» и т. д.¹ Усиление этой позиции приведёт к уменьшению показателя «маскулинность» у россиян.

Что касается «избегания неопределённости», то высокий показатель этой культурной характеристики имеет, судя по всему, давнюю традицию в российской истории. Можно предположить, что гетерогенность данного показателя – это своеобразный результат сложившейся в стране социально-экономической ситуации, при которой люди выражают не столько те ценности, которых они бы хотели придерживаться, сколько те, которых их вынуждает придерживаться ситуация. Например, отсутствие единства мнений по отношению к конкуренции может означать, что в стране отсутствует здоровая конкуренция: тот вариант коррумпированного соперничества, с которым сталкиваются большинство россиян, на практике порождает и разнообразие подходов к отношению к ней. В свою очередь, экономический кризис вряд ли способствует тому, чтобы «отношение к конкуренции» и «общее спокойствие» как отдельные ценности стабилизировались в обществе, тем более стабилизировались в направлении более низких показателей «избегания неопределённости»².

Вместо заключения

Возвращаясь к вопросу о модернизации страны, следует констатировать, что «дистанция власти» и «индивидуализм» не противоречат задачам модернизации в западноевропейском её варианте. Россияне не только имеют более-менее по-западному выраженные ценности «дистанции власти» и «индивидуализма», но эти ценности в российской культуре ещё и гомогенны, а потому вряд ли подвержены размыванию. Оба этих показателя формируют основные принципы западной культуры

¹ О движении в этом направлении свидетельствуют данные мониторинга ИС РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» [Седова 2016: 227; Мареева 2015: 53].

² Более вероятно, что кризис приведёт к более негативному отношению к конкуренции на работе и к большему эмоциональному напряжению, которые дадут более высокий конечный показатель UAI.

и являются общими рамками для функционирования западных формальных институтов. Схожесть этих показателей для стран Запада и России – хороший аргумент в пользу того, что западные формальные институты (правовые нормы, организационные структуры) будут понятны россиянам на уровне общественного сознания. Однако не следует ожидать, что одного понимания и положительного отношения к данным институтам будет достаточно. К этому должны прикладываться соответствующие, не противоречащие формальным институтам, неформальные правила игры. В этом плане больше всего вопросов вызывает показатель «избегание неопределённости». Причём проблема не столько в параметре этого показателя (высокое «избегание неопределённости»), сколько в его гетерогенности. Отсутствие единого мнения у россиян по тем правилам, которые являются наиболее общими¹ (восприятие конкуренции, компетентность, социально-психологический климат), может тормозить модернизацию на уровне её реализации. В принципе гетерогенность «маскулинности» и «избегания неопределённости» должны, видимо, нивелироваться по мере стабилизации ситуации в стране. Однако экономический кризис, начавшийся в 2014 г. и сильно затянувшийся, вряд ли способствует тому, что эти два показателя будут чётко артикулированы в ближайшее время.

Библиографический список

Грачев М. 1999. Менеджмент в «международной системе координат» // Экономические стратегии. № 2. С. 19–31.

Данилова Е., Тарарухина М. 2003. Российская производственная культура в параметрах Г. Хофштеда // Мониторинг общественного мнения. № 3 (65). С. 53–64.

Инглхарт Р. 2002. Культура и демократия // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу? М.: Московская школа политических исследований. С. 106–128.

Инглхарт Р., Вельцель К. 2011. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство. 464 с.

Крыштановский А. О. 2007. Анализ социологических данных с помощью пакета SPSS. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ. 281 с.

Латова Н. В. 2016. Влияние кризиса на удовлетворённость россиян своей жизнью и их социально-психологическое самочувствие // Российское общество и вызовы времени. Книга третья / М. К. Горшков и др.; под ред. Горшкова М. К., Тихоновой Н. Е. М.: Весь Мир. С. 41–65.

¹ Показатель «индивидуализм» относится к «я»-уровню личности, показатель «дистанция власти» – уровень «я и начальник», а показатель «избегание неопределённости» регламентирует общие правила и нормы среды в целом.

Латова Н. В., Латов Ю. В. 2001. Российская экономическая ментальность на мировом фоне // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 31–43.

Латова Н. В., Тихонова Н. Е. 2010. Модернизация и характеристики российской национальной ментальности // *Готово ли российское общество к модернизации?* / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: *Весь мир*. С. 273–297.

Лебедева Н. М., Татарко А. Н. 2007. Ценности культуры и развитие общества. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ. 528 с.

Магун В. С., Руднев М. Г. 2010. Базовые ценности россиян и других европейцев (По материалам опросов 2008 г.) // *Вопросы экономики*. № 12. С. 107–130.

Магун В. С., Руднев М. Г., Шмидт П. 2015. Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. Т. 121. № 3–4. С. 74–93.

Мареева С. 2015. Ценностная палитра современного российского общества // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 4. С. 50–65.

Руднев М., Магун В. 2011. Ценностный консенсус и факторы ценностной дифференциации населения России и других европейских стран // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. № 4. С. 81–96.

Седова Н. Н. 2016. Какие жизненные цели и ценности являются сегодня для россиян наиболее важными? // *Российское общество и вызовы времени. Книга третья* / М. К. Горшков и др.; под ред. Горшкова М. К., Тихоновой Н. Е. М.: *Весь Мир*. С. 223–246.

Цой Г., Лебедева Н. М., Татарко А. Н. 2016. Взаимосвязь ценностей и социально-экономических представлений у корейских и российских студентов // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. Т. 13. № 2. С. 310–322.

Danilova E., Yadov V. 2010. Russian labour culture: how it looks in comparison // *International Review of Sociology*. Vol. 20. № 1. P. 143–160.

Fischer R., Schwartz S. 2011. Whence Differences in Value Priorities? Individual, Cultural, or Artifactual Sources // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 42. № 7. P. 1127–1144.

Grachev M. 2009. Russia, culture, and leadership: Cross-cultural comparisons of managerial values and practices // *Problems of Post-Communism*. Vol. 56, № 1. P. 3–11.

Hofstede G. 2001. *Culture's Consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations*. 2 ed. Thousand Oaks CA: Sage Publications. 616 p.

Hofstede G. 1980. *Culture's Consequences: Intern Differences in Work-Related Values*. Newbury Park: Sage Publications. 328 p.

Hofstede G. VSM94 (Values survey module). 2005. Values survey module 1994. Manual // Geert Hofstede and Gert Jan Hofstede. URL: <http://studylib.net/doc/7719299/v-s-m--94---geert-hofstede> [Дата посещения: 20.07.2016].

Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. 2010. Cultures and Organizations. Software of the Mind. McGraw-Hill. 3 ed. 576 p.

House R., et al. 1999. Cultural influences on Leadership and Organizations: Project GLOBE // Advances in Global Leadership. Stamford. CT: JAI Press. Vol. 1. P. 171–233.

House R., Javidan M., Hanges P., Dorfman P. 2002. Understanding cultures and implicit on leadership theories across the globe: an introduction to project GLOBE // Journal of World Business. Vol. 37. № 1. P. 3–10.

Inglehart R., Baker W. 2000. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review. Vol. 65. № 1. P. 19–51.

Javidan M., House R. 2001. Cultural Acumen for the Global Manager: Lessons from Project GLOBE // Organizational Dynamics. Vol. 29. № 4. P. 289–305.

Lebedeva N., Tatarko A. 2012. Values of Russians: the Dynamics and Relations towards Economic Attitudes // Препринты Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Серия Sociology. № 3. С. 1–26.

Magun V., Rudnev M., Schmidt P. 2016. Within-and Between-Country Value Diversity in Europe: A Typological Approach // European Sociological Review. Vol. 32. № 2. P. 189–202.

Na E.-Y., Duckitt J. 2003. Value consensus and diversity between generations and genders // Social Indicators Research. Vol. 62/63. P. 411–435.

Schwartz S. H. 1994. Beyond Individualism/Collectivism: New cultural dimensions of values // Individualism and collectivism: Theory, method and applications. Sage Publications. Vol. 18. P. 85–119.

Schwartz S. H. 1999. A Theory of Cultural Values and Some Implications for Work // Applied Psychology. Vol. 48. № 1. P. 23–47.

Schwartz S. H. 1992. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in experimental social psychology. Vol. 25. P. 1–65.

Schwartz S. H., Bardi A. 1997. Influences of adaptation to communist rule on value priorities in Eastern Europe // Political Psychology. Vol. 18. № 2. P. 385–410.

Schwartz S. H., Ros M. 1995. Values in the West: A theoretical and empirical challenge to the Individualism–Collectivism cultural dimension // World Psychology. Vol. 1. P. 99–122.

Schwartz S. H., Sagie G. 2000. Value Consensus and Importance: A Cross-National Study // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 31. № 4. P. 465–497.

Shackleton V. J., Ali A. H. 1990. Work-related values of managers: a test of the Hofstede model // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 21. № 1. P. 109–118.

Sondergaard M. 1994. Research Note: Hofstede's Consequences: A Study of Reviews, Citations and Replications // *Organization Studies*. Vol. 15. № 3. P. 447–456.

Steel P., Taras V. 2010. Culture as a consequence: a multilevel multivariate meta-analysis of the effects of individual and country characteristics on work-related cultural values // *Journal of International Management*. Vol. 16. № 3. P. 211–233.

DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.433

Russians' Cultural Specificity (An Ethnometrical Analysis Based on Geert Hofstede's Concept)

Latova Natalia Valerievna

Candidate of sociological sciences, senior research fellow, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: myshona@rambler.ru

Abstract. An ethnometrical analysis of Russians' cultural traits implies analyzing quantitative assessments of the respondents' commitment to certain values. In order to define Russians' cultural specifics, G. Hofstede's ethnographical method is utilized (VSM94). According to the results of an all-Russian survey conducted in March-April 2010, Western indexes such as "individualism" and "power distance" are typical to Russia, i.e. the very same indexes which polarize the world, dividing it into "East" and "West". At the same time a high level of "uncertainty avoidance" is observed in Russia, something which is not even inherent to most Eastern countries, together with a low "masculinity" index, which places our country into a unique position not only when compared to Western nations, but also when compared to most Eastern states. Such significant misalignment of those indexes which characterize the basic foundation of national culture not only displays Russia's specificity yet again, it also calls for a more comprehensive analysis of whatever stands behind this misalignment. While carrying out this analysis, the author examines the separate components of those indexes which are utilized in G. Hofstede's method (each one of these indexes is based on testing four basic values). It is concluded that most Russians accept those norms which underlie Hofstede's characteristics such as "power distance" and "individualism", which indicates the firm "European roots" of Russian culture. The similarities between these indexes in Western countries and in Russia substantiate the claim that Western formal institutions (legal norms, organizational structures) would be positively received by Russia's public consciousness. At the same time such characteristics as "masculinity" and "uncertainty avoidance" are heterogeneous, which indicates there being certain contradictions in the public consciousness when it comes to values. Formulated are hypothesis on the tendencies for shifts in Hofstede's Russian culture characteristics: "power distance" will be stable, "individualism" and "masculinity" might increase, while the tendencies for shifts in "uncertainty avoidance" are not clear. The heterogenic characteristics of "masculinity" and "uncertainty avoidance" should apparently level out in keeping with the situation in Russia becoming more stable. However, the economic crisis, which arose in 2014, is unlikely to contribute to these two indexes becoming distinctly articulated any time soon.

Keywords: etnometry, cultural specificity of the Russians, value homogeneity, value heterogeneity, modernization, Geert Hofstede.

References

Choi K., Lebedeva N. M., Tatarko A. N.. Vzaimosvyaz' cennostej i social'no-ekonomicheskikh predstavlenij u korejskih i rossijskih studentov [The Interaction between Values and Socio-Economic Attitudes among Korean and Russian Students]. *Psihologiya: NRU HSE's journal*, 2016, Vol. 13, no 2, pp. 310–322.

Danilova E., Tararuhina M. Rossiyskaya proizvodstvennaya kul'tura v parametrah G. Hofshteda [Russian Manufacturing Culture Measured by G. Hofstede Technique]. *Monitoring obschestvennogo mneniya*, 2003, no 3 (65), pp. 53–64.

Danilova E., Yadov V. Russian labour culture: how it looks in comparison. *International Review of Sociology*, 2010, Vol. 20, no 1, pp. 143–160.

Fischer R., Schwartz S. Whence Differences in Value Priorities? Individual, Cultural, or Artifactual Sources. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2011, Vol. 42, no. 7, pp. 1127–1144.

Grachiov M. Menedzhment v «mezhdunarodnoy sisteme koordinat» [Management in «the International Coordinate System »]. *Ekonomicheskie strategii*, 1999, no 2, pp. 19–31.

Grachiov M. Russia, culture, and leadership: Cross-cultural comparisons of managerial values and practices. *Problems of Post-Communism*, 2009, Vol. 56, no 1, pp. 3–11.

Hofstede G. Culture's Consequences: Intern Differences in Work-Related Values. Newbury Park: Sage Publications, 1980. 328 p.

Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations. Second ed. Thousand Oaks CA: Sage Publications, 2001. 616 p.

Hofstede G. VSM94 (Values survey module). Values survey module 1994. Manual 2005. Geert Hofstede and Gert Jan Hofstede's website. URL: <http://geerthofstede.com/media/312/Manual%20VSM94.doc> [date of visit: 20.07.2016].

Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and Organizations. Software of the Mind. Third edition. McGraw-Hill, 2010. 576 p.

House R., et al. Cultural influences on Leadership and Organizations: Project GLOBE. *Advances in Global Leadership*. Stamford. CT, JAI Press, 1999, Vol. 1, pp. 171–233.

House R., Javidan M., Hanges P., Dorfman P. Understanding cultures and implicit on leadership theories across the globe: an introduction to project GLOBE. *Journal of World Business*, 2002, Vol. 37, no 1, pp. 3–10.

Inglehart R. Kul'tura i demokratiya [Culture and Democracy]. Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom cennosti sposobstvuyut obschestvennomu progressu. Moscow, MSPR, 2002, pp. 106–128.

Inglehart R., Baker W. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*, 2000, Vol. 65, no 1, pp. 19–51.

Inglehart R., Welzel C. Modernizaciya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya. Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya [Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2011. 464 p.

Javidan M., House R. Cultural Acumen for the Global Manager: Lessons from Project GLOBE. *Organizational Dynamics*, 2001, Vol. 29, no 4, pp. 289–305.

Kryshtanovsky A. O. Analiz sociologicheskikh dannyh s pomoshch'yu paketa SPSS [Analysis of Sociological Data Using Statistical Package for the Social Sciences (SPSS)]. Moscow, SU HSE publ., 2007. 281 p.

Latova N. V. Vliyanie krizisa na udovletvorionnost' rossiyan svoey zhizn'yu i ih social'no-psihologicheskoe samochuvstvie [The Impact of the Crisis on the Russians' Life Satisfaction and Their Social and Psychological Well-being]. *Rossiyskoe obschestvo i vyzovy vremeni*. Ed. by M. K. Gorshkov, R. Krumm, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves' mir, 2016, Vol. 3, pp. 41–65.

Latova N. V., Latov Y. V. Rossiyskaya ekonomicheskaya mental'nost' na mirovom fone [The Russian Economic Mentality in the World Background]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, 2001, no 4, pp. 31–43.

Latova N. V., Tikhonova N. E. Modernizaciya i harakteristiki rossiyskoy nacional'noy mental'nosti [Modernization and Characteristics of Russian National Mentality]. *Gotovo li rossiyskoe obschestvo k modernizacii?* Ed. by M. K. Gorshkov, R. Krumm, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves' mir, 2010, pp. 273–297.

Lebedeva N. M., Tatarko A. N. *Cennosti kul'tury i razvitie obschestva* [Cultural Values and the Development of the Society]. Moscow, SU HSE publ., 2007. 528 p.

Lebedeva N., Tatarko A. Values of Russians: the Dynamics and Relations towards Economic Attitudes. *Preprinty Programmy fundamental'nykh issledovaniy NIU VSHE: Sociology*, 2012, no 3, pp. 1–26.

Magun V. S., Rudnev M. G. *Bazovye cennosti rossiyan i drugih evropeycev (po materialam oprosov 2008 goda)* [Basic Values of Russians and Other Europeans (based on the surveys 2008)]. *Voprosy ekonomiki*, 2010, no 12, pp. 107–130.

Magun V. S., Rudnev M. G., Schmidt P. *Evropeyskaya cennostnaya tipologiya i bazovye cennosti rossiyan* [European Values Typology and Basic Values of Russians]. *Vestnik obschestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*, 2015, Vol. 121, no 3–4, pp. 74–93.

Magun V., Rudnev M., Schmidt P. Within-and Between-Country Value Diversity in Europe: A Typological Approach. *European Sociological Review*, 2016, Vol. 32, no. 2, pp. 189–202.

Mareeva S. V. *Cennostnaya palitra sovremennogo rossiyskogo obschestva* [Values of Modern Russian Society]. *Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2015, no 4, pp. 50–65.

Na E.-Y., Duckitt J. Value consensus and diversity between generations and genders. *Social Indicators Research*, 2003, Vol. 62/63, pp. 411–435.

Rudnev M., Magun V. *Cennostny konsensus i faktory cennostnoy differenciacii naseleniya Rossii i drugih evropeyskikh stran* [Value Consensus and Determinants of Value Differentiation in Russia and Other European Countries]. *Vestnik obschestvennogo mneniya: Dannye. Analiz. Diskussii*, 2011, no 4, pp. 81–96.

Schwartz S. H., Ros M. Values in the West: A theoretical and empirical challenge to the Individualism–Collectivism cultural dimension. *World Psychology*, 1995. Vol. 1, pp. 99–122.

Schwartz S. H. A Theory of Cultural Values and Some Implications for Work. *Applied Psychology*, 1999, Vol. 48, no 1, pp. 23–47.

Schwartz S. H. *Beyond Individualism/Collectivism: New cultural dimensions of values. Individualism and collectivism: Theory, method and applications*. Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications, 1994. Vol. 18, pp. 85–119.

Schwartz S. H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in experimental social psychology*, 1992, Vol. 25, pp. 1–65.

Schwartz S. H., Bardi A. Influences of adaptation to communist rule on value priorities in Eastern Europe. *Political Psychology*, 1997, Vol. 18, no 2, pp. 385–410.

Schwartz S. H., Sagie G.. Value Consensus and Importance: A Cross-National Study. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2000, Vol. 31, no 4, pp. 465–497.

Sedova N. N. *Kakie zhiznennye celi i cennosti yavliayutsia segodnya dlia rossiyan naibolee vazhnymi?* [What are the Most Important Vital Purposes and Values for Russians nowadays]. *Rossiyskoe obschestvo i vyzovy vremeni*. Ed. by M. K. Gorshkov, R. Krumm, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves' mir, 2016, Vol. 3, pp. 223–246.

Shackleton V. J., Ali A. H. Work-related values of managers: a test of the Hofstede model. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1990, Vol. 21, no 1, pp. 109–118.

Sondergaard M. Research Note: Hofstede's Consequences: A Study of Reviews, Citations and Replications. *Organization Studies*, 1994, Vol. 15, no. 3, pp. 447–456.

Steel P., Taras V. Culture as a consequence: a multilevel multivariate meta-analysis of the effects of individual and country characteristics on work-related cultural values. *Journal of International Management*, 2010, Vol. 16, no 3, pp. 211–233.

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социологии Российской академии наук
Издатель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социологии Российской академии наук

Председатель международного редакционного совета:
Кравченко Сергей Александрович

Главный редактор:
Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:
Зинаида Тихоновна Голенкова,
Полина Михайловна Козырева,
Ирина Альбертовна Халий

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Редактор: Ольга Александровна Амелькина

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная вёрстка: Ильдар Мансурович Ситдилов

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором 19 октября 2012 г.
Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77–51453

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5
E-mail: vestnik@isras.ru
Размещение журнала: <http://www.vestnik.isras.ru>